

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 3 (33), 2013

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Востоочноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2013, № 3 (33)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук С. Суляк (Молдавия)

М. Алмаший (Украина)

кандидат исторических наук Н. Бабиунга (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина)

доктор исторических наук А. Майоров (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

доктор исторических наук Г. Кожолянко (Украина)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук Ю. Рамач (Сербия)

доктор исторических наук Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

кандидат исторических наук В. Содоль (Молдавия, Приднестровье),

кандидат исторических наук Н. Тельнов (Молдавия)

кандидат богословия протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

доктор исторических наук М. Чучко (Украина)

Р. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук П. Шорников (Молдавия)

доктор лингвистических наук М. Фейса (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А.
Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2005-2013

© Association «Rus'», 2005-2013

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Международная научно-практическая конференция
«Полиэтническая Молдавия» (Третьи чтения памяти И.А. Анцупова) /
An International Scholarly-Practical Conference «Multi-Ethnic
Moldavia» (A Third Lecture in Memory of I.A. Antsupov)

- Программа конференции / Conference program* 5-7
- Иван ГРЕК**
Мой учитель 8-11
Ivan GREK
My Teacher
- Николай ЧЕРВЕНКОВ**
Коллекция документов И. Анцупова – важный источник по изучению Буджака 12-20
Nikolay CHERVENKOV
I. Antsupov's Collection of Documents - an Important Source in the Study of Budjak
- Михаил ЮРАСОВ**
Венгерский Аноним о «порубежье рутенов» во время «обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье 21-31
Mikhail IURASOV
An Anonymous Hungarian account about «the boundary of the Ruthenians» during the «founding of the Magyar homeland» in the Inner Danubian Lands
- Александр МАЙОРОВ**
К спорам о времени возникновения Молдавского княжества ... 32-83
Aleksander MAIOROV
For disputes about the time occurrence of Moldovan Duchy
- Михайло ФЕЙСА**
Слово з нагоди 250-рочниці приселення руснацях до Коцура и 100-рочниці першей театралней представи на руским языке .. 84-93
Mikhajlo FEJSA
Ruthenians settling in Kucura and 100-anniversary of the first lay in the ruthenian language
- Сергей СУЛЯК**
Этносы и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» .. 94-101
Sergey SULYAK
Ethnic Groups and Languages of Moldavia according to the Results of the Census of 2004 and the Statistics of the State Enterprise «Centre for State Information Resources "Registru"»
- Виталий ИЧЕНКО, Евгения МАТВЕЙЧУК**
Общественные организации Молдавской автономии в 1924-1926 гг. (этнический аспект) 102-107
Vitaliy ICHENKO, Yevgenia MATVEYCHUK
The social organizations of the Moldavian autonomy in 1924-1926 years (the ethnic aspect)

Александр ОГУЙ
Языковая ситуация на Буковине в австрийский период: динамика краевых языков в социолингвистическом аспекте (1774-1918 гг.) .. 108-118
Aleksandr OGUY
Linguistic situation in Bukovina in Austrian period: the dynamics of regional languages in the sociolinguistic aspect (1774-1918)

Александр КОЖОЛЯНКО
Магически-анимистический характер рождественских календарных обрядов русинов Буковины XIX – начала XX в. 119-137
Alexander KOJOLIANKO
The Magical-Mystical Character of the Christmas Customs of the Rusins of Bukovina in the 19th and Beginning of the 20th C.

Сергей НАЗАРИЯ
Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917-1918 гг.) 138-154
Sergiu NAZARIA
Sfatul Tarii, unification with Romania and attitude towards him Moldovans and Minorities Bessarabia (1917-1918)

Вячеслав СОДОЛЬ
Этнический и социальный состав молдавских православных монастырей в 1944-1953 гг. 155-167
Veacheslav SODOL'
The Ethnic and Social Composition of the Moldavian Orthodox Monasteries in 1944-1953

Ирина МЕДВЕДЕВА
Основные направления динамики этнического состава Молдавии в 50-60-е гг. XX в. 168-173
Irina MEDVEDEVA
The Basic Directions of the Dynamics of the Ethnic Structure of Moldavia in the 50 and 60's of the 20th Century

Людмила ПЕТРАКОВА
Пути формирования патриотических ценностей у старших подростков в процессе преподавания истории родного края 174-179
Ludmila PETRAKOVA
Ways of formation patriotic values of teenagers during the course of teaching History of the Native land

РУСИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ / RUSIN BIBLIOGRAPHY

Максим ЖИХ
Рецензия на книгу Л.В. Войтовича «Князь Лев Данилович» (Львів: НАН України. Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2012. – 181 с.) 180-191
Maksim ZHIKH
Review of the book: Voitovich L.V. Prince Lev Danilovich. Lviv, 2012

Международная научно-практическая конференция «ПОЛИЭТНИЧНАЯ МОЛДАВИЯ» (Третьи чтения памяти И.А. Анцупова)

Организаторы: Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, международный исторический журнал «Русин», кафедра отечественной истории Приднестровского государственного университета, Общественная ассоциация «Русь».

Оргкомитет: Суляк С.Г. (кандидат исторических наук, доцент, главный редактор международного исторического журнала «Русин», председатель Общественной ассоциации «Русь»), Рыбицкий В.Е. (представитель Россотрудничества в Республике Молдова), Бабилунга Н.В. (кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета), Руссев Н.Д. (доктор исторических наук, профессор кафедры истории и общественных наук Тараклийского государственного университета).

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ 18 октября 2013 г., пятница

10:00 - Начало пленарного заседания (Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, г. Кишинев, ул. В. Александри, 141/1, конференц-зал, 4 эт.).
Вступительное слово членов оргкомитета.

Коллекция документов И. Анцупова – важный источник по изучению Буджака
Червенков Н.Н., доктор исторических наук, профессор Тараклийского государственного университета.

Венгерский Аноним о «порубежье рутенов» во время «обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье

Юрасов М.К., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

К спорам о времени основания Молдавского княжества

Майоров А.В., доктор исторических наук, профессор, завкафедрой музеологии исторического факультета СПбГУ.

Татары в Молдавии XV в.

Русев Н.Д., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и общественных наук Тараклийского государственного университета.

Русины в молдавских исторических документах

Стати В.Н., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры молдавской филологии Приднестровского государственного университета.

Слово з нагоди 250-рочниці приселєня руснацох до Коцура и 100-рочниці першей театралней представи на руским языку

Фейса М., доктор лингвистических наук, профессор отделения русинистики философского факультета университета Нового Сада (Воеводина).

Этносы и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"»

Суляк С.Г., кандидат исторических наук, доцент, главный редактор международного исторического журнала «Русин», председатель Общественной ассоциации «Русь».

Освобождение Бессарабии от османского ига и Отечественная война 1812 г.

Бабилунга Н.В., кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой отечественной истории Приднестровского государственного университета.

Русские эмигранты в Бессарабии. Вклад в культуру

Гарусова О.А., научный сотрудник сектора «Этнология русских» Института культурного наследия Академии наук Молдовы.

Общественные организации Молдавской автономии в 1924-1926 гг. (этнический аспект)

Иченко В.В., старший преподаватель кафедры отечественной истории Приднестровского государственного университета; Матвейчук Е.А., доцент кафедры журналистики Института языка и литературы ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

Рождественский обряд гадания «на волах» у русинов севера Молдавии

Иванов Ю.В., примар села Нихорень Рышканского района, председатель Ассоциации русскоязычных мэров Республики Молдова, член Союза писателей им. А.С. Пушкина.

Свободная дискуссия.

19 октября 2013 г., суббота

10:00 - Возложение цветов на могилу И.А. Анцупова (кладбище Святого Лазаря, ул. Дойна, 189).

11:30 - Начало работы второго дня конференции (Российский центр науки и культуры в Республике Молдова, г. Кишинев, ул. В. Александри, 141/1, конференц-зал, 4 эт.).

Языковая ситуация на Буковине в австрийский период: динамика краевых языков в социолингвистическом аспекте (1774-1918 гг.)

Огуй А.Д., доктор филологических наук, профессор, завкафедрой иностранных языков Черновицкого национального университета.

Магически-анимистический характер рождественских календарных обрядов русинов Буковины XIX – начала XX в.

Кожолянок А.Г., кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета.

Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917-1918 гг.)

Назария С.М., кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы.

Этнический и социальный состав молдавских православных монастырей в 1944-1953 гг.

Содоль В.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Приднестровского государственного университета.

Основные направления динамики этнического состава Молдавии в 50-60-е гг. XX в.

Медведева И.М., старший преподаватель кафедры политологии и политических процессов Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета.

Республиканская стачка 1989 г. в Молдавии: опыт политической мобилизации в полиэтничном обществе

Шорников П.М., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Приднестровского государственного университета.

Пути формирования патриотических ценностей у старших подростков в процессе преподавания истории родного края

Петракова Л.Е., старший преподаватель кафедры отечественной истории Приднестровского государственного университета.

Проблема национальной идентичности населения украинского Приднуавья в первом десятилетии XXI в.

Паламарчук С.В., кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Измаильского историко-краеведческого музея Приднуавья.

14:30 - «Круглый стол». Ответы на вопросы.

МОЙ УЧИТЕЛЬ

И.Ф. Грек

кандидат исторических наук, политолог (Республика Молдова)
e-mail: ivangrec39@mail.ru

My Teacher

I.F. Grek

Candidate of Historical Sciences, political scientist (Republic of Moldova)
e-mail: ivangrec39@mail.ru

Иван Антонович Анцупов, если подойти чисто формально, сам остановил свой научный карьерный рост на первой его ступени – кандидата исторических наук. Если взять во внимание количество его только научных публикаций – более десятка солидных индивидуальных монографий, еще столько же написанных в соавторстве и сотни статей в научных сборниках и журналах по исторической тематике, то у нас в Молдове мало найдется докторов исторических наук, которых можно было бы поставить в один ряд с ним. Если же подойти с мерилем внесенного им вклада в историческую науку Молдавии, то он находится в одном ряду с член-корреспондентами и академиками Академии наук республики Я.С. Гросулом, И.Г. Будаком, Е.М. Руссевым, А.М. Лазаревым. Правда, с одним уточнением: они были организаторами исторической науки в Молдавии, а Иван Антонович, не обладавший такой способностью, был наделен другим природным качеством: способностью общения тет-а-тет с молодыми людьми, избравшими научную стезю целью своей жизни. Он – организатор, но в другой ипостаси.

Главный научный вклад Ивана Антоновича Анцупова - изучение социально-экономических проблем истории Пруто-Днестровского междуречья и левобережья Днестра XIX в. Он удачно вписал в него историю полиэтничного населения двух берегов Днестра. И один, и другой аспект его научных изысканий – это фундамент, на котором зиждется с 1812 г. молдавская государственность. На нем возводились здания Молдавской автономной (1924 г.) и Молдавской союзной (1940 г.) республик. Они-то и должны были стать основанием для Республики Молдова. Но не стали: румынский националистический угар и геополитические интриги и противоречия до и после распада СССР сделали свое дело. Другие внешнеполитические ориентиры обуславливают возведение другого базиса на пространстве Молдавии в ее границах на 1 января 1990 г. Но это не фундамент молдавской государственности, ему не нужны российский и советский строительный материал

и социально-экономические и межнациональные стандарты, которые внедрялись здесь с 1791, 1812 и 1940 гг. и которые так убедительно показаны Иваном Антоновичем в его работах. Именно поэтому его научное наследие не востребовано правящими в Кишиневе прорумынскими политиками и культуртрегерами. Задача тех, кто отстаивает молдавскую этническую идентичность и государственность Республики Молдова, состоит в том, чтобы не дать разрушителям нашей страны и сеятелям раздора в среде ее многонационального народа добиться своих коварных целей. И в этом им окажут помощь научное наследие И.А. Анцупова, пропаганда его идей и их внедрение в сознание граждан республики.

Иван Антонович – мой учитель. Ему я обязан тем, что освоил новую профессию на принципах и подходах, которыми руководствовался в своей научной работе сам мэтр.

Наше знакомство произошло в 1972 г., когда я попытался стать сотрудником Института истории АН МССР. Я тогда обратился к Ивану Ивановичу Мещерюку с просьбой быть моим научным руководителем. Он уже не работал в академии, был на пенсии и, будучи тяжело больным человеком, отказался от предложения. Но он подсказал мне, что в Институте истории есть ученый, который очень хорошо знаком с проблемой, по которой я хотел защищать диссертацию. Назвав имя Анцупова, он дал ему блестящую оценку как ученому и обещал поговорить с ним, что вскоре и сделал.

... С Иваном Антоновичем я встретился в конце рабочего дня у входа в здание АН на ул. Ленина, 1. Разговор был недолгим, и ученый обещал подумать. Его некоторая настороженность была связана с тем, что меня тогда не приняли на работу в Институт истории, и я мог заниматься своей темой в Республиканской библиотеке в свободное от основной работы время. Иван Антонович, видимо, сомневался, под силу ли это мне, тем более что и базовое образование у меня было не историческое. После нескольких встреч, когда он прощупал, что я знаю и чем хочу заниматься, он согласился стать моим руководителем. Но поскольку я был вне стен академии, то по правилам он не мог быть им, а только консультантом. А материально это ему ничего не давало. Тогда в этих тонкостях я не разбирался и узнал о них значительно позже, чуть ли не после защиты диссертации в 1984 г.

Говорю об этом, чтобы подчеркнуть, что он был человеком-бессреберником. В этой связи я вспоминаю случай, который произошел спустя 31 год, в 2003-м. Ко мне обратились из Тарутино, что на Украине, с просьбой написать историю этой немецкой колонии. Там в августе собирались отмечать 190-летие ее основания. Будучи депутатом парламента Молдовы, да к тому же не подготовленным к такой работе, я предложил ограничиться сборником статей, посоветовал И.А. Анцупова в качестве автора статьи по истории колонии XIX в. и обговорил вопрос об оплате его материала. С моим предложением и условием согласи-

лись. Иван Антонович взялся написать статью, но я ему не сказал, что его работа будет оплачена. Надо было видеть, как он неловко себя чувствовал и отказывался брать деньги, когда я ему их вручал!

Обращу внимание еще на одну черту характера Ивана Антоновича - его незащищенность перед людьми, которые, втираясь к нему в доверие, использовали его профессиональные знания в своих интересах, а затем поступали с ним самым бесстыдным образом, не считая нужным даже объяснить ему свои поступки. Так, один позволил себе поставить свою фамилию первой на титульном листе издания, посвященного проблеме, которой вообще не занимался. Второй, в работу которого Анцупов вложил столько труда, что мог бы быть ее соавтором, снял его фамилию как научного редактора и поставил фамилию человека, вообще не имевшего представления о теме исследования. Третий внес свою фамилию в качестве научного редактора, также не имея понятия о теме монографии Ивана Антоновича. О двух указанных случаях ему стало известно лишь после выхода работ, то есть его поставили перед фактом. О третьем же, произошедшем в последний год его жизни, он узнал, когда монография находилась в процессе издания. Ученый был потрясен, но, будучи уже уволенным из академии, был бессилен что-либо предпринять, даже если бы и захотел, в чем я сомневаюсь, зная его характер. Да и времена были неподвластны справедливости. Ее все же удалось восстановить, но уже после смерти Ивана Антоновича. А он ушел в мир иной, чувствуя по отношению к себе человеческую подлость.

Несмотря на болезненные уколы судьбы, И.А. Анцупов не изменил своим принципам и строил отношения с людьми исходя из того, что хороших должно быть больше, чем плохих и неблагодарных. Это было обусловлено чертами его характера: добротой, мягкостью, интеллигентностью, толерантностью к мнению собеседника, благорасположенностью к нему, скромностью, стремлением никогда не выделяться, оставаться в тени, если дело касалось его личности. Так, с 1939 по 1945 г. он был на войне, но никогда не рассказывал мне об этом - не любил, не было это его внутренней потребностью.

Иван Антонович обладал блестящей памятью. Она помогала ему в научной работе, в многочисленных консультациях, которые он давал начинающим исследователям. В общении со мной он никогда не ссылался на свои публикации и их содержание, справедливо считая, что они должны быть мне известны хотя бы темами, относящимися к кругу моих научных интересов. Он считал нужным рассказывать мне о том, что осталось за пределами его публикаций. А это многочисленные опубликованные источники и литература, прежде всего изданные в периодической печати XIX в. Но особенно впечатляло меня знание им документов по моей теме, хранившихся практически во всех архивохранилищах Советского Союза.

Его потрясающие воображение знание литературы и архивов, мягкость характера и доброжелательность к собеседнику переплетались

и причудливо перевоплощались в критические замечания, в принципиальные оценки сделанного мною. Одну из глав диссертации Иван Антонович разнес в пух и прах. Я ее переделал, но концептуальный подход сохранил - это было принципиально. Видимо, и в таком виде она его как научного руководителя не удовлетворяла, но он промолчал, и рукопись была вынесена на обсуждение в секторе европейских социалистических стран Института истории им. Я.С. Гросула АН МССР. На этом заседании сотрудники отдела также критически оценили ее и фактически не одобрили. Иван Антонович выступил на заседании сектора последним и поддержал выступавших. Желая отстоять свою позицию, я был вынужден кардинально изменить методологию и методику написания этой главы. В результате удалось усилить аргументацию, расширить аспекты, углубить их раскрытие и на основании этого более четко изложить свои концепцию и выводы. После этого Иван Антонович принял мою точку зрения. Он не стал настаивать на своем видении проблемы. Видимо, он убедился в том, что я - не посторонний человек, случайно затесавшийся в среде молдавских историков.

Пишу об этом не для того, чтобы как-то подать себя, а чтобы подчеркнуть: Иван Антонович как истинный ученый, для которого научная истина была превыше всего, умел признать иную точку зрения и поддержать ее. Это дорогого стоит. В этом его величие как Ученого и Учителя.

В завершение приведу несколько его правил работы над рукописью, которыми он делился со мной. Излагаю их так, как запомнил:

«Найди возможность записать мысль тогда, когда она тебя посетила. Даже ночью, если она тебя разбудила. Оставив на утро, можешь ее не вспомнить»;

«В поиске и накоплении материалов надо уметь остановиться и приступить к написанию. Если не сможешь, никогда ничего не напишешь»;

«Если не начнешь писать и излагать свои мысли, то никогда этому не научишься».

Он считал, что архивные источники – это лицо историка-первооткрывателя, но без знания историографии проблемы - это лицо неуча.

Истинный Учитель не может исчезнуть из памяти своих учеников. Иван Антонович был для меня именно таким Учителем.

Грек Иван Федорович - кандидат исторических наук, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova».

e-mail: ivangrec39@mail.ru

Grek Ivan - Candidate of Historical Sciences, political scientist, member of the Association of Historians and political scientists «Pro-Moldova».

e-mail: ivangrec39@mail.ru

УДК 908 (478)

DOI: 10.17223/18572685/33/2

КОЛЛЕКЦИЯ ДОКУМЕНТОВ И. АНЦУПОВА – ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ БУДЖАКА

Н.Н. Червенков

Тараклийский государственный университет (Молдова)

e-mail: chervencov@mail.ru

Авторское резюме

После смерти известного исследователя И.А. Анцупова его богатая архивная коллекция была передана Тараклийскому государственному университету им. Г. Цамблака. Она включает до 200 тематических и разрозненных по содержанию папок, собранных на протяжении более 40 лет его научной деятельности. В них содержатся копии, выписки документов из многих архивов бывшего Советского Союза, черновые варианты его трудов, копии книг и статей из российских периодических изданий. Значительную часть коллекции занимают материалы, отражающие различные аспекты истории народов юга Бессарабии в XIX в.

Ключевые слова: И.А. Анцупов, источники по истории Буджака, Тараклийский государственный университет им. Григория Цамблака

I. Antsupov's Collection of Documents - an Important Source in the Study of Budjak

N.N. Chervenkov

Taraclia State University (Moldova)

e-mail: chervencov@mail.ru

Abstract

After the death of the well-known researcher I.A. Antsupov his rich archival collection was given to the Tsamblak State University of Taraklia. It contains about 200 thematical and portfolios of varied content collected during a 40 year period of scholarly research. There are copies and notes of documents from many archives of the former Soviet Union, variant series of his works, copies of books and articles from Russian periodicals. A significant part of the collection is material which express the various aspects of the history of the south of Bessarabia in the 19th C.

Keywords: I.A. Antsupov Resources about the History of Budjak The Tsamblak State University of Taraklia.

С открытием Тараклийского государственного университета им. Григория Цамблака (2004) под руководством доктора habilitat исторических наук Николая Руссева было начато создание в нем краеведческого музея. Учитывая, что перед университетом стояла задача стать одним из центров по изучению юга республики, в рамках музея было решено сформировать архивную коллекцию. Поэтому по инициативе тогдашнего депутата парламента доктора исторических наук Ивана Грека богатые документальные материалы его учителей и научных руководителей Ивана Ивановича Мещерюка и Ивана Антоновича Анцупова, как и принадлежащие ему самому, были безвозмездно предоставлены нашему вузу. Хотелось бы кратко описать архивную коллекцию И.А. Анцупова, которая поступила в университет в сентябре 2007 г. Она формировалась более сорока лет, и в нее вошли материалы из различных архивов и библиотек Советского Союза (Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Одессы, Каменец-Подольска, Херсона и др.), включая и Кишинев. Через всю свою жизнь исследователь пронес любовь и трепетное отношение к историческим свидетельствам, уделяя первостепенное внимание выявлению, сбору и обработке архивных документов и их публикации. Его научные труды отличаются обилием документального материала, что придает им своеобразный источниковедческий облик.

На данном этапе материалы И. Анцупова находятся в таком виде, в каком были переданы родственниками ученого. Следует отметить, что нумерация папок соответствует тому порядку, в каком они были составлены владельцем. Всего их насчитывается около 200. Они различны по объему и содержанию. Есть среди них и очень объемные - более тысячи листов. Многие из них включают в себя несколько подпапок, различных по тематике. Имеются папки конкретно-тематического характера, содержащие документы, посвященные изучению одной определенной темы. Встречаются и разрозненные материалы. Тем не менее все они были снабжены ученым своими наименованиями. На папках с фотокопиями, отдельными выписками, рукописями встречаются названия, указывающие на принадлежность к определенной теме: «Старобрядничество», «Беглые крестьяне», «Торговля», «Железные дороги» и т. д. Однако много папок без наименований. Как правило, в них представлены документы различного характера. Целые папки составляют черновики, варианты научных трудов И. Анцупова. По ним можно представить исследовательскую кухню ученого. Сохранилось много его завер-

шенных рукописных материалов. Предстоит определить, все ли они были опубликованы.

В рассматриваемой архивной коллекции сохранились важные и уникальные документы по административному, политическому, экономическому устройству Бессарабии, по истории развития сельского хозяйства, промышленности, торговли и культуры. Есть копии документов земских учреждений, обзоры и статистические сведения земств. Много данных о железнодорожных и водных транспортных ведомствах. Это документы о грузопотоках, которые помогают определить географию рынков, направления товарных потоков. Обширную группу источников составляют документы таможенных учреждений, что обогащает представления об организации вывоза сельскохозяйственной продукции Бессарабии на мировой рынок, об условиях товарообмена с соседними странами и более отдаленными западноевропейскими торговыми центрами. Материалы И. Анцупова представляют широкую картину о состоянии посевов и урожайности, о сортах зерновых и технических культур, о районировании сельскохозяйственных культур, о садоводстве и виноградарстве, о шелководстве и бахчевых культурах.

Значительную группу выписок и копий составляют документы по истории крестьянства: о побегах и поимке крепостных крестьян, материалы следственных комиссий об их неповиновении при сборе налогов и земельных тяжбах с помещиками. В них отразились ситуация вокруг введения в 1868 г. в Бессарабии крестьянской реформы и недовольство ею. Ценными источниками по сельскому хозяйству являются копии документов земских учреждений, обзоры и статистические сведения земств.

Многие документы рассказывают об истории левобережья Днестра, освещают ход заселения и хозяйственного освоения этого региона, формирование многообразного социального и этнического состава населения.

Значительны материалы о развитии городов Бессарабии. Они отражают важные стороны их социально-экономического развития после присоединения края к России в 1812 г., позволяют проследить рост населения, развитие ярмарочной и постоянной торговли, а также специфику административного управления.

Большую часть архивной коллекции занимают материалы по изучению народов, проживающих на территории Бессарабии: болгар, гагаузов, русских, украинцев, евреев, цыган, чехов, немцев, ногайцев и др. Например, в ней довольно много документов, относящихся к истории гагаузов. Из них четко видно, что последние не вычленены из общей массы «болгарского водворения» и задунайских пе-

реселенцев. Даже при юридическом оформлении статуса колонистов в 1819 г. таких данных не приводилось. В архивных выписках содержится информация о том, что в 1850 г. академик П. Кеппен, специально приезжавший в Бессарабскую область для изучения этнического состава населения, опубликовал труд, где провел соответствующий учет и разграничение состава задунайских переселенцев по этническому составу. По его наблюдениям, тогда болгары в два раза превосходили по численности гагаузов, их соотношение составляло 43 970 и 21 550 чел. соответственно.

В коллекции много документов о формировании богатой прослойки среди задунайских переселенцев. В 30-40-е гг. XIX в. в аренде у колонистов находилось около 45 000 десятин. Имеются материалы о том, как они становились собственниками. Начинали обычно с накопления денежных средств в неземледельческих доходных операциях, затем переключались на фермерско-арендные занятия. Так, из документов видно, что вулканештский колонист Каранфил Пелиногло до конца 40-х гг. содержал в своем селении корчму, одновременно занимался и другими коммерческими сделками, а в 50-х гг. уже арендовал 2 910 десятин, затем купил у помещика Е. Бальша имение Карбиул – 4 500 десятин.

В 40-х гг. XIX в. начал свою успешную торгово-предпринимательскую деятельность комратский колонист Н. Попов. Вскоре он втянулся в земельно-арендные операции: арендовал крупные помещичьи вотчины Шерпены (4 000 десятин) и Пугачены (2 600 десятин), на которых постоянно жили 896 царан и временно – 182 землевладельца-десятинщика. Согласно сведениям за 1862 г., он числился купцом и собственником 1 238 десятин.

Материалы коллекции позволяют раскрыть становление и многих других богачей из сословия колонистов, которые обладали крупными земельными наделами. Среди них - известная семья Койчо. Все началось в 1825 г., когда Иордан Койчо захватил из комратской общинной дачи 40 десятин (сверх своего надела) и владел этим участком до 1839 г. На 37 десятинах заложил фруктовый сад и две виноградные плантации. С 1837 г. он арендовал целое помещичье имение Бороганы в Бендерском уезде. В 1839 г. купил 1 559 десятин помещичьей земли и назвал имение Иордановкой. В середине 40-х гг. поселил там 31 семью мелких арендаторов. Помимо значительных доходов от аренды садов, виноградников, огородов, камышовых зарослей, он получал большие прибыли от виноторговли в собственных лавках, винных погребах и корчмах в Комрате, Чок-Майдане, Дизгинже, держал на откупе базарную площадь Комрата. Его огромное хозяйство процветало и в 60–70-е гг.

Присвоение общинных угодий, хотя и не без сопротивления общины, продолжил его сын Николай. К 1852 г. в его руках оказалась еще 101 десятина. Кроме того, он усиленно расширял площади виноградников, в том числе 5 плантаций развел на землях односельчан. Затем прихватил «довольно обширное пространство» по реке Ялпуг (под огороды), камышовые плавни. Из документов коллекции также видно, что другой богач из этой семьи Георгий Койчо выбился в измаильские купцы и совмещал торговые операции с сельскохозяйственным предпринимательством. В 50-60-е гг. арендовал вотчину Пиперканы с жившими в ней царанами, которые отбывали у него повинности как у земледельца. Там же для коммерческих целей содержалось 15 тыс. овец.

Из выписок И. Анцупова видно, что в число крупных аграриев входил колонист села Авдарма А. Петко. В 1846–1847 гг. он за 6 375 руб. в два приема купил 750 десятин. Так возникло незаселенное имение Божога в Бендерском уезде. Сам он и его наследники вели обширное земледельческое и животноводческое хозяйство, вступали в торгово-денежные отношения с купцами и другими частными лицами, пользовались наемной рабочей силой государственных крестьян соседних селений и колонистов в Комрате. В 60-х гг. наследники А. Петко разорились.

Охарактеризовав коллекцию в общих чертах, далее кратко представим содержание некоторых папок.

Папка под № 17 полностью посвящена болгарским и гагаузским колонистам Бессарабии в XIX в. Прежде всего, это собственноручные выписки из различных архивов. Среди них есть очень короткие, типа «В созданной обстановке царское правительство решительно стало на сторону преследуемых. 23 января 1861 г. оно обнародовало правила переселения колонистов в Россию с разрешением восстановления своих прав»; «Политика правительства Молдовы в отношении колонистов направлялась по линии силового движения»; «Молдавские силы были направлены на безоружных, находившихся в смятении людей». Все эти выписки относятся к выступлениям болгар во временно отошедшей к Румынии Южной Бессарабии в 1860–1861 гг.

В папке № 44 находим фотодокументы «Отношение министра внутренних дел к правительственной политике Бессарабской области и Новороссийской губернии» от 15 февраля 1828 г. Здесь же можно видеть статьи «О положении крестьян Юго-Западного края во второй четверти XIX столетия» («Киевская старина», Киев, 1906) и «Происхождение и состав украинско-русского населения Буджака и низовий Дуная конца XVIII и начала XIX в.» А.Д. Бачинского (Записки Одесского археологического общества). В этой же папке

содержатся опубликованные различными авторами статьи о старообрядцах и раскольниках.

Папка № 45 озаглавлена «Земледелие Бессарабии в XIX в.», хотя в ней содержится обширный материал и по другим проблемам.

В папке № 51 сохранилась таблица земель, купленных в Буджаке, составленная И.А. Анцуповым на основе материалов различных архивохранилищ: Центрального государственного исторического архива СССР, Государственного архива Одесской области, Центрального архива МССР. В этой же папке находится переписанное рукой ученого донесение русского консула Романенко из Измаила от 2 мая 1858 г. В нем говорится о противозаконных действиях молдавских властей в отношении болгарского народонаселения в румынской части Бессарабии. Здесь же сообщается малоизвестный в историографии факт, что молдавские власти намеревались переселить болгар в Турцию, но ни одна из колоний на это не согласилась. В этой же папке находится весьма важный «Список населения, мест и земель, имеющих право по предложению бессарабского губернатора войти в состав четырех южных уездов Бессарабии».

Очень важна папка № 53, в которой сохранились материалы о культуре и образовании в Бессарабии. Здесь встречаем рукопись статьи «Развитие образования на юге Бессарабии в 40–60-х гг. XIX в.». В ней подробно рассматривается появление сельских школ у государственных крестьян, колонистов и казаков, а также их развитие на протяжении трех десятилетий. Есть отпечатанная версия статьи, состоящая из 49 страниц. В этой папке содержится много документов о евреях. Здесь же хранится очерк «Миграция чехов в Молдавию в XIX в.».

В папках № 5 и № 57 содержатся материалы о цыганах Бессарабии. В них находится опубликованный вариант статьи И. Анцупова «Миграция цыган в города в XIX в.». Хранится фотокопия документа «Дело по Бессарабскому областному совету о правах всех сословий в Бессарабской области» (1836 г.). Имеются выписки из диссертации Т.Ф. Киселевой «Цыгане европейской части СССР и их переход от кочевания к оседлости». Также в папке есть различные статистические таблицы, фольклорные записи, материалы об этнических особенностях цыган.

Папка № 58 включает материалы о различных видах налогов, о выплатах лесной, этапной, постоянной, подводной, дорожной, военной повинностей. Сохранились здесь и копии статистических таблиц: «Сведения об удобствах квартирного расположения всех родов войск», «Денежные сборы и недоимки» (1861 г.).

Следующая папка - № 59 - посвящена развитию табаководства в Бессарабии. Здесь, в частности, находим статью М.В. Неручева «Та-

баководство и его положение в Бессарабии» (1883). Материалы о производстве картофеля, свеклы, масличных культур, шелкопроизводства представлены в папке № 60.

Очень объемна папка № 62. Она всецело посвящена проблемам торговли. Особенно важен объемный документ - военно-статистическое обозрение Бессарабской области (1849 г.). К нему приложены богатые статистические таблицы за 1835-1845 гг. Например, таблица № 17 включает документы: «Ведомость о числе ярмарок в Бессарабской области и об оборотах на оных», «Ведомость о числе лавок и купеческих капиталов», «Общая ведомость о числе, времени ярмарок, существующих в Бессарабии», «Количество привоза и отпуска товаров в Бессарабию». А в таблице № 18 представлен документ «Отпуск и вывоз товаров из Бессарабской области». Из этих материалов видно, что сыр и кожи в Измаиле, Рени и Леово доставлялись преимущественно из болгарских и немецких колоний. Также из них можно узнать, что в Бессарабии строевой лес, соль, мануфактурные и металлические изделия, фрукты чаще покупали из-за границы. Так, Измаил и Рени получали строевой лес из Турции. В этой же папке много фотокопий статей из российских журналов. Среди них - очерк «Труды отдела торговых портов» (Санкт-Петербург, 1904). Есть печатный вариант очерка о значении Дуная для Европы, в котором освещаются войны между странами за право контролировать эту реку. Здесь же содержится копия статьи из «Журнала Министерства путей сообщения» (1887, № 10), в которой описан Килийский рукав Дуная и его значение для России. Здесь надо отметить, что материалы по судоходству по рекам Днестр и Прут хранятся и в папке № 43.

Для исследователей задунайских колонистов очень важным источником будут материалы папки № 50. Среди них - список колонистов-откупщиков «питейных заведений» за 1830-1860 гг. Имеются важные сведения об иностранцах, принявших подданство России в годы русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и после нее. Сохранился документ из Центрального государственного архива России о задунайских переселенцах, арендовавших сверхнедельные участки в колониях. Среди них - известные земледельцы братья Кирилл и Дмитрий Минковы из Болграда.

Интересные документы о торговле содержатся также в папке № 64. Это, в частности, копии документов об извозчичьих ценах в разных городах края, о ценах на выпас скота, на хлеб в Одессе, сведения о состоянии дорог, мостов и переправ, о количестве перевозок. Любопытна фотокопия на старославянском языке «Опыты посева нескольких китайских хлебных растений в Бессарабии». Оказывается, в 1836 г. губернатор Новороссийский и Бессарабский приказал подвергнуть 8 сортов китайского зерна опытам в различных видах грунтовых почв.

О средних ценах на зерновые и солому узнаем из копии таблицы цен, приложенной к отчету о хлебопашестве в Бессарабии за 1847–1859 гг. В нем отражены цены на покупку и аренду земли, экономические расчеты о доходности отрасли. В отчете приводятся данные А. Скальковского о том, что во всей Бессарабской области насчитывалось более 55 различных видов овощей. По сведениям этого документа, картофель долгое время был роскошью, и только немецкие колонисты, выращивавшие его с первых дней своего водворения в крае, научили остальных производить эту культуру. Отмечается также, что для каждого поселения была характерна специализация выращивания определенного вида овощей: одни разводили чеснок, другие – горох и фасоль, третьи – табак и т. д. В Южной Бессарабии огородничеством по большей части занимались болгары. Они же развивали эту отрасль в окрестностях Кишинева. Есть копии различных документов, которые показывают, что эти колонисты использовали искусственное орошение и первыми ввели египетские водоподъемные и водополивные машины самого простого устройства.

В этой папке хранятся материалы, освещающие структуру полеводства у колонистов в первой половине XIX в. Они свидетельствуют о том, что наиболее распространенной хлебной культурой у них была яровая пшеница арнаутка. В хлебном балансе она составляла товарный излишек, и ее выращивание было основной целью хозяйственной деятельности зажиточных дворов. Они наполняли, главным образом, местный зерновой рынок. А стимулом роста поставок хлеба стал увеличивавшийся спрос на пшеницу в отпускных портах – Одессе, Измаиле, Килие, Рени, Аккермане.

Документы папки предоставляют много сведений для изучения развития садоводства и виноградарства в задунайских колониях. Эти отрасли особенно развивались в русской части Бессарабии. Сохранились различные выписки, фотодокументы, которые раскрывают эту тенденцию. Вот доказательство тому: в 1860 г. во фруктовых садах насчитывалось 665 тыс., а в 1895 г. – уже около 1 млн деревьев. К 1871 г. площадь садов и виноградников достигла 3 340 десятин, на них - 3 284 500 кустов. Здесь имеются и документы, показывающие, что в колониях появилась «интеллигенция из крестьян», обладавшая должной профессиональной подготовкой, что способствовало углублению процесса специализации и интенсификации земледелия.

Папка № 65 содержит материал о численности населения Буджака. В ней хранится составленная И. Анцуповым таблица о соотношении этнических групп в регионе в 40-х - начале 50-х гг. XIX в. Есть и выписки, которые собирались исследователем для определения численности гагаузского населения различных периодов.

Богата различными выписками, копиями, статьями из научных журналов папка № 70. Прежде всего, они относятся к социально-экономическим проблемам задунайских переселенцев.

Материалы папки № 74 посвящены проблеме оседлости цыган в Бессарабии. Интересно, что там хранится более 30 маленьких вырезов, содержащих мысли о ее решении. Думаю, что они принадлежат И. Анцупову. Приведем несколько: «Население относилось к цыганам, оседшим в селах и колониях, благожелательно»; «Часть цыган в течение XIX в. прошла сложный путь от кочевания к оседанию»; «Большинство казенных цыган практически оказалось не затронуто земледельческим производством». В этой папке много интересных материалов управляющего коронными цыганами Бессарабии, которые практически не введены в научный оборот.

В папках № 30, 80 и некоторых других содержатся материалы о немцах Буджака. Здесь есть и разработки И. Анцупова об этих колонистах, например «Миграция немцев в Молдавии и их вклад в материальное производство».

В заключение необходимо указать, что большая часть коллекции известного ученого была положена в основу его многочисленных трудов. Однако многие копии и выписки из архивных фондов еще не введены в научный оборот. Их обзор показывает, что они позволят ученым, краеведам и студентам раскрыть еще многие актуальные темы истории Буджака. Исследователям также будут необходимы многочисленные копии статей из дореволюционных российских периодических изданий. Это особенно важно, когда доступ для молдавских ученых в архиво- и книгохранилища России и Украины по различным причинам ограничен. В связи с этим мы надеемся, что материалы, сохраненные в архивной коллекции И. Анцупова, помогут специалистам-историкам и краеведам в изучении истории Буджака. Чтобы это произошло как можно скорее, необходимо провести значительную работу по подготовке ее к выдаче для ознакомления, включая нумерацию и описание папок.

Червенков Николай Николаевич - доктор исторических наук, профессор кафедры Истории и общественных наук Тараклийского государственного университета.

e-mail: chervencov@mail.ru

Chervencov Nikolay - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of the of History and Social Sciences of the Taraclia State University.

e-mail: chervencov@mail.ru

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/18572685/33/3

ВЕНГЕРСКИЙ АНОНИМ О «ПОРУБЕЖЬЕ РУТЕНОВ» ВО ВРЕМЯ «ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ» МАДЬЯРАМИ В СРЕДНЕМ ПОДУНАВЬЕ

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН (Россия)

e-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

В рыцарском романе «Деяния венгров», написанном в начале XII в. неизвестным нотарием венгерского короля Белы III, упоминается «порубежье рутенов» (confinium Ruthenogum), якобы проходившее в бассейне Верхней Тисы. Сюда, по свидетельству Венгерского Анонима, болгарскими правителями была поселена часть балканских славян. Поскольку владения Киевской Руси и Первого Болгарского царства никогда не простирались так далеко, скорее всего, Аноним имел в виду юго-западную границу ареала расселения восточных славян. Возникновение Древнерусского государства и стремление киевских князей подчинить своей власти все этнические общности восточных славян могли побудить болгарского царя Симеона создать заслон от русских на северных рубежах своих владений, но вряд ли балканские переселенцы проживали настолько далеко от нижнего течения Дуная.

Ключевые слова: Источниковедение венгерской средневековой литературы, ранняя история русинов и венгров.

An Anonymous Hungarian account about «the boundary of the Ruthenians» during the «founding of the Magyar homeland» in the Inner Danubian Lands

M.K. Iurasov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia)

e-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

In the knight's novel «The Acts of the Hungarians», written in the early XII century unknown notar of Hungarian king Bela III, mentioned «Ruthenian abroad» (confinium

Ruthenorum), allegedly held in the basin of the Upper Tisza. Here, according to the Hungarian Anonymous, Bulgarian rulers was placed part of the Balkan Slavs. Because the ownership of the Kievan Rus and the First Bulgarian Kingdom never stretched so far, most likely, Anonymous meant the South-Western border of the area of settlement of the Eastern Slavs. The occurrence of the old Russian state and the desire of Kiev princes conquer his power all ethnic communities of the Eastern Slavs could encourage the Bulgarian Tsar Simeon create a barrier against the Russians on the Northern borders of their possessions, but hardly Balkan immigrants lived so far away from the lower stream of the Danube.

Keywords: Source study of Hungarian mediaeval literature, The early history of the Ruthenians and Hungarians.

Неизвестный нотариус венгерского короля Бела III (1172–1196), написавший после оставления королевской службы рыцарский роман «Деяния венгров» (*Gesta Hungarorum*) и подписавшийся как «магистр П.»¹, в начале своего сочинения уделил много внимания описанию земель, на которых проживали «рутены» (*Rutheni*). При этом Венгерский Аноним (как принято называть в научной литературе сохранившего инкогнито нотариуса) лишь однажды упоминает хороним *Ruthenia*, да и то в заглавии главы 8 своего романа, и также один раз – *Ruscia*, причем в конце главы 7, т. е. несколькими строками выше. Что же касается этнонима *Rutheni*, то он встречается в романе «Деяния венгров» значительно чаще, поскольку главы 8–11 и начало главы 12 посвящены прохождению искавших новую родину венгров через южнорусские земли.

Различение Рутении и Русции вызвано тем, что магистр П., писавший свой роман, скорее всего, в первое десятилетие XIII в.², имел четкие представления о том, что современная ему Русь не является единой, и в ней, помимо древней столицы – Киева, о покорении которого венгерским вождем Алмошем во время ухода мадьяр из «Скифии» повествует Аноним, существует еще один центр власти, находящийся на северо-востоке страны. Неслучайно он упоминает находящийся в Русции Суздаль (*Susudal*), через который прошли древние венгры во время своей миграции из «Скифии». Сама фраза, в которой упоминаются оба географических названия, не оставляет сомнений в том, что Венгерский Аноним понимал под «Русцией»: «...они пришли в Русцию, которая называется Суздаль»³. Что же касается Рутении, то всё описание магистра П., связанное с пребыванием в ней мадьяр, и нахождение здесь Киева (*Kyew*), Галича (*Galicia*) и Владимира-Волынского (*Lodomer*), не оставляет сомнений в том, что под этим хоронимом явно понималась Южная Русь.

Различение Анонимом Рутении и Русции, скорее всего, связано с тем, что в 1190 г. магистр П. стал свидетелем визита в Венгрию послов владимиро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо (1176–1212), которые уведомили Белу III и его окружение о том, что галицкий князь Владимир Ярославич (1187–1188, 1190–1199) отныне находится под защитой и покровительством Всеволода – сильнейшего князя на Руси. Специальное уведомление венгерского короля было вызвано предшествовавшими действиями Белы III по отношению к Ярославу: он был заточен в Венгрии в башню, а на его стол посажен венгерский принц Андраш (Эндре), изгнанный в 1190 г.⁴ с помощью войска, данного в помощь Владимиру краковским князем Казимиром II Справедливым (1177–1194). Таким образом, венгерская правящая элита из факта направления Всеволодом послов с такой миссией сделала вывод о том, что русские земли делятся на две страны – Русцию, центром которой является Суздаль, и Рутению, главным городом которой (несмотря на потерю бывшего политического значения) остается Киев.

Сложнее обстоит дело с употреблением этнонима «рутены» в рыцарском романе «Деяния венгров». Пока магистр П. описывает пребывание племен Алмоша в «Скифии», под которой понимается степная зона, простиравшаяся от лесостепной полосы, разделявшей ареалы проживания восточнославянских земледельцев и кочевников Восточной Европы до северного побережья Черного и Азовского морей, нет сомнений в том, что под рутенами следует понимать жителей Южной Руси.

Есть еще одно свидетельство Анонима о том, что потомки пришедших вместе с венгерскими племенами на рубеже IX–X вв. рутенов построили в Венгрии крепость, получившую впоследствии название Оросвар («Русская крепость»). Поскольку произошло это, как пишет магистр П., уже при верховном вожде венгерского союза племен Жолте (ок. 907 – ок. 950)⁵, скорее всего, под рутенами здесь понимаются восточнославянские переселенцы, которые, как и пишет Аноним, присоединились к племенам Алмоша/Арпада после прохода венгерских племен мимо Киева или мигрировали вместе с другими венгерскими племенами из междуречья Днестра и Прута в Трансильванию, не заходя в Южную Русь.

Однако в «Деяниях венгров» есть еще одно упоминание о рутенах, которое трудно поддается толкованию. Речь идет об эпизоде, описываемом в конце главы 12, где славяне (Sclau), проживавшие по другую сторону Карпат (по отношению к Руси), при встрече с людьми Алмоша назвали себя подданными болгарских правителей, которые специально поселили их «на порубежье рутенов» (ad confinium

Ruthenorum)⁶. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что на рубеже IX–X вв. политическое влияние правителей Первого Болгарского царства распространялось так далеко на север, что соприкасалось с юго-западными окраинами Руси.

Однако это, прежде всего, полностью противоречит концепции о т. н. Русской земле «в узком смысле», сформулированной советскими историками М.Н. Тихомировым и А.Н. Насоновым и уточненной сначала Б.А. Рыбаковым, а затем В.А. Кучкиным⁷. Согласно этой концепции, западные границы «Русской земли» – ядра будущего Древнерусского государства – простирались не далее реки Гориной и истоков Збруча и Южного Буга. Это раннегосударственное объединение, включавшее в себя земли будущих Киевского и Переяславского и большую часть Черниговского княжеств, существовало в очерченных названными историками границах как раз во время миграции мадьяр и примкнувших к ним племен из Северного Причерноморья на Средний Дунай. В таком случае расстояние между фактическими пределами «рутеннов» и бассейном Верхней Тисы, где, по версии Венгерского Анонима, были поселены балканские «склавы» для охраны «порубежья рутеннов», составляет более 300 км. Но важнее то, что между ними простираются отроги Карпатских гор, и сообщение между ними было возможно только через горные перевалы.

Трудно представить себе, чтобы болгарские ханы в конце IX в. настолько опасались нападений русов/рутеннов, что специально поселили в предгорьях Карпат со стороны Карпатской котловины часть балканских славян, в то время как границы Русской земли «в узком смысле» не доходили более чем на 200 км до Карпат с противоположной стороны. К этому следует добавить, что вплоть до походов Святослава Игоревича (967 и 971 гг.) Балканы не являлись объектом экспансии киевских князей, совершавших набеги по большей части на владения Византийской империи. Из всего этого можно предположить, что магистр П., скорее всего, и здесь передал реалии своего времени для лучшего понимания читателем описываемых им подвигов венгерских вождей эпохи «обретения родины» мадьярами в Среднем Подунавье.

Однако и здесь обнаруживается неувязка. Дело в том, что Болгария лишь в 1187 г. освободилась от византийского владычества в результате восстания, поднятого братьями Петром и Асенем. При этом Второе Болгарское царство даже в период своего наибольшего расширения при Иване-Асене II (1218–1241) не только не достигало верховьев Тисы, но в целом не простиралось севернее Нижнего Дуная, если не считать кратковременного обладания землями вдоль правого берега р. Олт в конце правления названного царя. Что же касается времени

создания рыцарского романа «Деяния венгров», то нижнее течение Дуная было в то время северной границей возродившейся Болгарии. Из этого следует вывод о том, что магистр П. в данном случае пытался отразить в своем романе не современную ему политическую карту Юго-Восточной Европы, а именно ситуацию, сложившуюся в этом регионе на рубеже IX–X вв., насколько она была ему известна.

Возникает резонный вопрос: насколько соответствовала действительности нарисованная Анонимом картина распространения власти или влияния болгар и рутенов в описываемое им время? Безусловно, магистр П. имел в виду Первое Болгарское царство в период его расцвета, когда его северная граница проходила по центральным областям Карпатской котловины. Насколько севернее от нижнего течения Дуная? Это остается предметом дискуссий. В академическом издании «Истории Венгрии» она проведена по р. Марош⁸, а в венгерском школьном атласе показано, что владения болгарских ханов простирались немного севернее – до трех Кёрёшей⁹. Ни одна, ни другая линия границы, проводимые исследователями, не позволяют утверждать, что бассейн Верхней Тисы в рассматриваемое время находился под властью Болгарии.

Тем не менее есть достоверные данные о том, что болгарское влияние (но не власть!) достигло рассматриваемого региона, по крайней мере, столетием позже. Речь идет о кириллической надгробной надписи, обнаруженной археологами в восточнословацком селе Михаловцы¹⁰. На камне сохранилась кириллическая надпись с указанием дат жизни (от Сотворения мира) Престана (996/997–1060/1061) – сына бежавшего в Закарпатье последнего болгарского царя Ивана Владислава, побежденного византийцами в 1018 г. Во время жизни Престана территории к северу от Нижнего Дуная уже не входили в состав какого-либо государства: остатки Первого Болгарского царства были завоеваны в 1018 г. византийским императором Василием II Болгаробойцей (976–1025), но Византия была не в состоянии подчинить все земли, некогда покоренные болгарскими правителями.

Общеизвестно, что Венгерский Аноним отразил в своем сочинении многочисленные местные предания, прежде всего объясняющие происхождение некоторых географических названий. Один из таких примеров – легенда о Лоборце, одном из предводителей славян, встретившихся венграм сразу после перехода через Карпаты, от имени которого якобы получила свое название местная река¹¹. Магистр П. называет Лоборца дукой (*duca*), поясняя читателю, что это на местном языке соответствует графу крепости (*comes castri*)¹². Поскольку слово «дука», без сомнения, греческое, сохранение в народной памяти свидетельства о том, что некогда «комендант» крепости

Хунг носил греческое звание, скорее всего, отражает византийское влияние, распространившееся на славян, проживавших в верховьях Тисы после гибели Первого Болгарского царства.

Как следует расценивать это влияние, если северной границей Византии при Василии II и его преемниках вплоть до болгарского восстания 1187–1189 гг. было нижнее течение Дуная? Мне представляется, что здесь имеется в виду стремление проживавших в бассейне Верхней Тисы восточных славян, в силу их малочисленности и неспособности обеспечить безопасность своей этнической общности собственными силами, находиться под покровительством одного из сильных соседей (прежде всего Великой Моравии или Болгарии, а затем – Венгрии или Византии). Будучи не в состоянии присоединить даже более близкую территорию современной Румынии к своим владениям, Византия стремилась держать северные земли, где под церковным контролем получило распространение христианство восточного обряда. Поскольку одним из последствий христианизации европейских «варварских» народов было заимствование ими латинских или греческих слов, прежде всего богослужебного характера, неудивительно, что в язык славян, проживавших в бассейне Верхней Тисы, попало греческое слово *дука*, которым они обозначали, условно говоря, местного «жупана», находившегося в земляном укреплении Ужгород, названном Анонимом крепостью Хунг.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что Венгерский Аноним обрисовал в своем романе политическую ситуацию в бассейне Верхней Тисы на рубеже IX–X вв. так, что эта область оказалась местом, где якобы соприкасались владения Руси и Болгарии и где ощущалось влияние Византии. Эта картина – очень неточная, поскольку не учитывает те реалии, на фоне которых происходило «обретение родины» венграми в Среднем Подунавье. В 894–896 гг. болгарский царь Симеон (893–927) вел войну с византийским императором Львом VI Мудрым (886–912), ознаменовавшую собой новый виток борьбы Болгарии и Византии за гегемонию на Балканах. Венгры участвовали в этой войне как союзники последней. Они напали на Болгарию с севера, из-за чего Симеон обратился за помощью к печенегам, которые, в свою очередь, напали на оставшихся на тогдашней родине венгров, разгромили их и заставили союз венгерских племен покинуть «страну Ателькузу»¹³. События этой войны, одним из последствий которой стало «обретение родины» венграми и примкнувшими к ним племенами в Карпатской котловине, не рассматриваются в рыцарском романе «Деяния венгров».

Итак, с точки зрения современной исторической науки, вопрос о том, что имел в виду Венгерский Аноним, повествуя о том, что в

бассейне Верхней Тисы проходило «порубежье рутенов», остается открытым. Некоторые венгерские исследователи трактовали это выражение как свидетельство распространения власти киевских князей на названную область¹⁴, что никак не может соответствовать действительности. Во-первых, все южнославянские «славинии» (уличи, тиверцы, волынские, белые хорваты), находившиеся к западу от пути «из варяг в греки», в то время не зависели от правившего в Киеве Олега (882–912)¹⁵, а во-вторых, при тогдашних средствах передвижения даже в эпоху расцвета Киевской Руси контролировать эту закарпатскую территорию из Среднего Поднепровья было крайне сложно¹⁶. Возможно, в рассматриваемом выражении Анонима отразилась память о том, что столетием позже описываемых им событий сюда совершил поход креститель Руси Владимир Святославич (978/980–1015)¹⁷. Но в источниках нет никаких сведений о том, что там была установлена всерьез и надолго власть киевских князей. Что же касается летописной информации об участии тиверцев и (белых) хорватов в походах Олега и Игоря на Византию, то многие исследователи сомневаются в достоверности этих сведений, которые могли быть придуманы книжниками для придания набегам на Византию большей масштабности¹⁸.

Учитывая вышеизложенные аргументы, не позволяющие отнести информацию магистра П. о «порубежье рутенов» к границам Киевской Руси и Первого Болгарского царства в конце IX в., а также к современной Анониму ситуации, когда шел процесс становления Второго Болгарского царства, считаю, что в данном случае под «рутенами» следует понимать предков современных подкарпатских и молдавских русинов. В «Повести временных лет» сохранилось известие о том, что Олег воевал с уличами, но покорены они, по свидетельству Новгородской I летописи, были уже при Игоре (912–945). Правда, при этом возникает вопрос: распространялось ли на эти этнические группы восточного славянства наименование *русь* и производные от него?

В середине прошлого века русский историк А.В. Соловьев, живший в эмиграции, попытался доказать, что все восточнославянские «языки» (как их называет летопись,) - от ильменских словен до (белых) хорватов, подпадали под понятия *русь*, *русин*¹⁹. Его поддержал археолог В.В. Седов²⁰, но в целом концепция Соловьева не нашла большого количества сторонников. Найти исчерпывающие аргументы для доказательства или опровержения тезиса о произвольном расширении летописцами списка участников южных походов Олега и Игоря практически невозможно. Однако даже если средневековые книжники добавили в реальную картину дополнительные штрихи, отступив от исторической правды, сделали они это на основании своих

представлений о том, какие «языки» составляли ту ветвь славянства, которую мы называем восточной. Ни один западно- или южнославянский «язык» в списки этнических групп – участников походов на Византию не попал. Если этот аргумент верен, то он подтверждает правильность концепции А.В. Соловьева.

В таком случае свидетельство Венгерского Анонима о поселении правителями Болгарии в IX в. части балканских славян на «порубежье рутенов» следует понимать как стремление первых ограничить восточнославянскую колонизацию земель внутри Карпатский котловины ввиду угрозы распространения на них власти киевских князей. При этом большую опасность для Первого Болгарского царства представляли не те русы/рутены, которые жили в бассейне Верхней Тисы, а проживавшие в междуречье Днестра и Прута, прежде всего, тиверцы, поскольку они находились значительно ближе к северным пределам Болгарии. Если эти суждения верны, то версия о достоверности списка участников походов Олега и Игоря на Византию выглядит более обоснованной, чем противоположная, поскольку участие в них тиверцев, ареал расселения которых соприкасался с владениями болгарских ханов, могло заставить болгарскую правящую верхушку принять меры для охраны своих северных границ путем переселения туда части своих подданных.

Магистр П. явно знал о том, что до прихода венгров рутены проживали по обе стороны Карпат в районе Верецкого и соседних с ним перевалов. Он также знал, что рутены являются славянами по языку, поэтому не погрешил против истины, когда писал о том, что на Верхней Тисе в эпоху завоевания венграми Среднего Подунавья жили славяне. Однако стремление Венгерского Анонима представить картину вступления племен Алмоша в Паннонию как можно более масштабной побудило его распространить владения болгарских правителей так далеко на север, как они никогда не простирались даже в период наивысшего расцвета Первого Болгарского царства. Всё это способствовало искажению реальной политической ситуации в Юго-Восточной Европе в описываемое Анонимом время. Впрочем, магистр П. писал не хронику, а рыцарский роман, что извиняет его в глазах потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Научное издание романа см.: *P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum* / Ed. Ae. Jakubovich // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque dtirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit*

Е. Szentpétery (далее: SRH). Vol. I. Budapestini, 1937. P. 13–117. Русский перевод отрывка, где содержатся рассматриваемые в настоящей работе сведения, с научными комментариями см.: «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В.И. Матузовой. Ред. и науч. комм. М.К. Юрасова // Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 1. Январь–июнь. С. 1–37.

2. Обзор мнений см.: *Kordé Zoltán*. Anonymus // *Korai magyar történeti lexikon* (9–14. század), Főszerk. Kristó Gy. 50–51. l.

3. SRH. Vol. I. P. 42.

4. В историографии господствует мнение о том, что галицкий стол был возвращен Владимиром Ярославичем в 1189 г., что вызывает у меня большие сомнения. Обоснование датировки этого события 1190 г. см.: *Юрасов М.К.* Роль Перемышля в борьбе Владимира Ярославича за возвращение Галича (1189–1190) // *Przemysł i ziemia Przemyska w strefie wpływów ruskich X – połowa XIV w.* / *Colloquia Russica. Series II. T. I.* Kraków, 2013. S. 67–77.

5. SRH. Vol. I. P. 113.

6. Ibid. P. 51.

7. См.: *Тихомиров М.Н.* Происхождение названия «Русь» и «Русская земля» // Советская археология. 1947. Вып. VI–VII; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28–68 (гл. II–IV); *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 56–73; *Кучкин В.А.* Русская земля по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 74–100.

8. Magyarország története tíz kötetben. I. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. Budapest, 1987. Карта между С. 352–353.

9. *Történelmi atlasz a középiskolák számára.* Budapest, 1986. 11. l.

10. *Tkadlčik V.* Cyrilský nápis v Michalovcích // *Slavia* (Praha). 1983. № 2. S. 121–123.

11. Исконное славянское название этой реки – Свиржава. Об оценке личности Лоборца (Лаборца) историками и литераторами см.: *Поп Иван.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. 2-е изд. Ужгород, 2006. С. 232.

12. «...comes eiusdem castrī nomine Loborcy, qui in lingua eorum duca vocabatur...» (SRH. Vol. I. P. 51–52). В русском переводе его звучит так: «...граф той же самой крепости по имени Лоборци, который на их языке называется дукой...».

13. Об участии венгров в болгаро-византийском конфликте 894–896 гг. свидетельствуют Фульдские анналы, Лев Мудрый, Константин Багрянородный, Продолжатель Феофана и другие византийские писатели. См.: *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С.178–179.

14. См.: *Szász Zoltán.* Nonfoglaló magyarok és román történészek. A nonfoglalásról a román történetírásban // *História*. 1996. 2. sz. 33–34. l. Здесь на карте, помещенной на с. 34, территория современного Закарпатья показана как владения Киевской Руси.

15. Участие их в военных походах киевских князей никак не свидетельствует об их подчиненности Киеву, они могли быть союзниками князей.
16. См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 25.
17. «Иде Володимиръ на Хорваты» (Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись (репр.). М., 1997. Стб. 122; Т. II. Ипатьевская летопись (репр.). М., 1998. Стб. 106).
18. Еще М.С. Грушевский заявил о том, что список этнических групп, участвовавших в набегах русских князей X в. на Византию, был искусственно расширен летописцами. См.: *Грушевский М.С.* Спірні питання староруської етнографії // Статті по славяноведенью. Вып. I. Под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904. С. 316–317.
19. *Soloviev A. V.* Der Begriff «"Russland" im Mittelalter» // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I. Graz; Köln, 1956. S. 149–150.
20. *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 237–238.

Referents

- Grushevsky M.S.* Spirni pitannya starorus'koyi etnografiyi // Stat'yi po slav'anovedeniyu. Vip. I. SPb., 1904. S. 305–321.
- «Deyaniya vengrov» magistra P., ktorogo nazivayut Anonimom / Per. V. I. Matuzovoy. Red. i nauch. komm. M.K. Yurasova // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. S. 1–37.
- Kuchkin V.A.* Russkaya zeml'a po letopisnim dannim XI – pervoy treti XIII v. // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. Materiali i issledovania. 1992–1993. M., 1995. P. 74–100.
- Nasonov A.N.* «Russkaya zeml'a» i obrazovaniye territorii Drevnerusskogo gosudarstva: istoriko-geograficheskoye issledovaniye. M., 1951.
- Polnoye sobraniye russkih letopisey. T. I. Lavrent'evskaya letopis' (repr.). M., 1997; T. II. Ipat'evskaya letopis' (repr.). M., 1998.
- Pop Ivan.* Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi. Uzhgorod, 2001. 2. ed. Uzhgorod, 2006.
- Ribakov B.A.* Kiyevskaya Rus' i russkiye knyazhestva XII–XIII vv. M., 1993.
- Sedov V.V.* Slav'ane. Istoriko-arheologicheskoye issledovaniye. M., 2002.
- Tikhomirov M.N.* Proishozhdeniye nazvaniya «Rus'» I «Russkaya zemlya» // Sovetskaya arheologia. 1947. Vyp. VI–VII.
- Shusharin V.P.* Ranniy etap etnicheskoy istoriyi vengrov. Problemi etnicheskogo samosoznaniya. M., 1997.
- Iurasov M.K.* Rol' Peremishl'a v bor'be Vladimira Yaroslavicha za vozvrashcheniye Galicha (1189–1190) // Przemysł i ziemia Przemyska w strefie wplywów ruskich X – połowa XIV w. / Colloquia Russica. Series II. T. I. Kraków, 2013. S. 67–77.
- Kordé Zoltán.* Anonymus // Korai magyar történeti lexikon (9–14. század), Főszerk. Kristó Gy. 50–51. l.
- Magyarország története tíz kötetben. I. Előzmények és magyar történet

1242-ig. Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. Budapest, 1987.

P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. Ae. Jakubovich // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque dtirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 13–117.

Soloviev A.V. Der Begriff «Russland» im Mittelalter // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I. Graz; Köln, 1956. S. 149.

Szász Zoltán. Honfoglaló magyarok és román történészek. A honfoglalásról a román történetírásban // História. 1996. 2. sz. 33–34.l.

Tkadlčik V. Cyrilský nápis v Michalovcích // Slavia (Praha). 1983. № 2. S. 121–123.

Történelmi atlasz a középkorok számára. Budapest, 1986.

Юрасов Михаил Константинович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

e-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Iurasov Mikhail - Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor of the Russian Academy of Art and Architecture.

e-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Сайт «Русины Молдавии» <http://www.rusyn.md>

Русины Молдавии

Общественная
организация

На сайте размещены монография «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (pdf), все номера журнала «Русин» (pdf), а также монографии и статьи по истории и культуре русинов Молдавии.

УДК 94(47).04

DOI: 10.17223/18572685/33/4

К СПОРАМ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА

А.В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Researcher ID A-5985-2013

Scopus Author ID 55092108400

SPIN-код автора: ПИНЦ 4584-2571

Авторское резюме

В статье устанавливается, что описанные в древнерусском «Сказании вкратце о молдавских господарях» события происходили в первой половине XIV в., в правление двух венгерских королей Анжуйской династии – Карла Роберта и Людовика. Оба они фигурируют под именем Владислав в силу сложившейся в средневековой Венгрии традиции использовать образ св. Владислава как универсальный сакральный символ королевской власти. Описанная в первой части «Сказания...» победа над татарами может быть связана с реальными событиями 1324 г. – подавлением поддержанного татарами восстания трансильванских саксов, за которым последовало переселение православных валахов из Мунтении в Марамарош. Переселение валахов воеводы Драгоша на молдавские земли могло произойти не ранее конца 1340-х гг. и было обусловлено вытеснением татар из Восточного Прикарпатья вследствие крупной победы над ними войска венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи в 1345 г.

Ключевые слова: образование Молдавского княжества, «Сказание вкратце о молдавских господарях», венгерский король Владислав.

For disputes about the time occurrence of Moldovan Duchy

A.V. Maiorov

Saint-Petersburg State University (Russia)

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Abstract

The article states that described in the Old Russian «Legend briefly of Moldovan ruler» events occurred in the first half of the fourteenth century, during the reign of two Hungarian Kings of Angevin dynasty – Charles Robert and Louis. Both of them appear under the name of Vladislav to its established tradition in medieval Hungary to use the image of St. Vladislav as a universal sacred symbol of royal power. Described in the first part of the «Legends ...» of the victory over the Tatars may be related to the actual events of 1324 – the suppression of the rebellion of Transylvanian Saxons, supported by the Tatars, followed by the relocation of the Orthodox Vlachs Wallachia in Maramarosh. Resettlement Vlachs governor Dragos on Moldovan land could occur before the end of 1340 years, and was caused by the displacement of the Tatars of the Eastern Carpathians due to a major victory over the Hungarians and Sekeian troops under the command of Andrew Lackfi in 1345.

Keywords: education Moldavia, «The Legend briefly about the Moldovan ruler», Hungarian King Vladislav.

Основным источником по истории возникновения Молдавского княжества до настоящего времени остается древнерусское «Сказание вкратце о молдавских господарях», повествующее о переселении православных валахов на новые земли к востоку от Карпат, произошедшем в правление венгерского короля Владислава.

Историки давно ведут споры по поводу отождествления этого короля, победителя татар и тайного приверженца православия. Ответ на этот вопрос имеет важнейшее значение для истории Молдавии, так как позволяет определить время прихода предков молдаван на берега реки Молдовы и, следовательно, время возникновения Молдавского государства.

Легенда о начале Молдавской земли

В заключительной тринадцатой главе своеобразного введения к Воскресенской летописи помещен текст так называемой Славяно-Молдавской летописи 1359-1504 гг., большую часть которой составляет «Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начася Молдавская земля в лето 6867»¹. Текст памятника ныне известен по одиннадцати спискам XVI–XVIII вв., семь из которых – списки Воскресенской летописи, еще три – в сборниках смешанного содержания и один – в Патриаршем списке Никоновской летописи².

Памятник содержит легендарный рассказ о пришедших из Венеции Романе и Влахате, двух братьях - прародителях молдавского народа. Спасаясь от гонений еретиков, они пришли в место, называемое Ста-

рый Рим, и основали здесь город Роман. Род их сохранил верность древнему православию после того, как папа Формос принял латинство, а его последователи основали Новый Рим. Между потомками Романа – «романовцами» и латинянами началась «великая брань», продолжавшаяся до времени правления венгерского короля Владислава, племянника Саввы Сербского, тайно хранившего верность православию, хотя внешне соблюдавшего «латинский закон».

В годы правления Владислава на Венгрию напали татары. Из своих кочевий на реках Прут и Молдава через горы они под предводительством князя Неймета прошли венгерскую землю Эрдель (Трансильванию) и встали на реке Мореш³. Венгерский король позвал на помощь римлян – «новых» (т. е. латинян), обратившись к кесарю и папе, и «старых» (т. е. православных «романовцев»). Новые римляне прислали Владиславу тайную грамоту, предлагая поставить православных «старых римлян» в первые ряды войска, чтобы все они погибли в битве с татарами, а тех, кто уцелеет, задержать в Венгрии, пока «новые римляне» не захватят их город и не обратят в латинство оставшихся там без защиты женщин и детей.

Вскоре на реке Тиса произошла «битва великая» короля Владислава с татарами князя Неймета. «Старые римляне» первыми пошли на татар и вместе с венграми одержали полную победу над ними. «Жалуюя и милуюя» «старых римлян» за их храбрость, Владислав позвал их к себе на службу и показал тайную грамоту «новых римлян». Не поверив этой грамоте, «старые римляне» отпросились у короля проведать свой город и, увидев, что Старый Рим разорен, а их жены и дети обращены в латинство, стали просить Владислава дать им для проживания новые земли и сохранить их старую греческую веру. Король охотно выполнил просьбу и дал им землю в Маромаруше⁴ между реками Морешем и Тисой, называемую Крижи (вар. Крижетур). Здесь и поселились «старые римляне», взяв в жены венгерских женщин и обратив их в православие.

Среди «романовцев» был мудрый и мужественный человек по имени Драгош. Однажды во время охоты, преследуя тура, он перешел горы и нашел за ними прекрасную пустынную землю на краю татарских кочевий. Отпросившись у короля Владислава, Драгош вместе с дружиной, женщинами и детьми перешел Карпаты и поселился на новой земле по реке Молдаве. Соплеменники выбрали его своим господарем и воеводой. И так по Божией воле началась Молдавская земля.

Драгош правил два года, затем четыре года воеводствовал его сын Сас, после – сын Саса Лацко – восемь лет, а затем шесть лет – воевода Богдан. Далее следует перечень имен других молдавских

правителей с указанием числа лет правления. Летопись заканчивается кратким сообщением о смерти господаря Стефана III Великого в июле 7010 г. (вар. - 7017; в действительности Стефан умер 2 июля 1504 г., т. е. в 7012-м) и переходе власти к его сыну Богдану.

Все известные ныне списки Славяно-Молдавской летописи 1359 – 1504 гг. находятся в рукописных собраниях Российской Федерации – Санкт-Петербурга и Москвы. Наиболее ранние из них датируются второй половиной XVI в. Первые публикации памятника также были сделаны в России – в 1793 и 1856 гг.⁵

О времени составления «Сказания...» и включения его в Воскресенскую летопись

Систематическое изучение Славяно-Молдавской летописи (или Молдавско-Русской хроники) начинается во второй половине XIX в.⁶ Ряд специальных работ посвятили этому памятнику видные румынские историки и филологи Богдан Петричейку Хашдеу (1836–1907), Димитрие Ончул (1856–1923) и Ион Богдан (1864–1919).

Хашдеу полагал, что летопись была написана в Москве в начале XVI в. кем-то из молдавских бояр (Янку, Синку и Герасим), приехавших вместе с дочерью Стефана III Великого Еленой⁷. Ончул и Богдан пришли к выводу, что хроника первоначально составлена в Молдавии и в готовом виде доставлена в Москву еще в период подготовки династического брака сына великого князя Ивана III Ивана Молодого, заключенного в 1483 г.⁸

Собственно говоря, при Иване III в Москву могла быть доставлена только первая часть летописи – «Сказание вкратце о молдавских господарях 1359 г.» (или подобное ему произведение). По мнению И. Богдана, автора специального исследования «Древние молдавские хроники до Уреке» (1891 г.), в окончательном виде летопись, доведенная до смерти Стефана III и вступления на престол его сына Богдана III Слепого в 1504 г., была составлена при дворе последнего на славянском (среднеболгарском) языке между 1504 и 1508 гг., затем, очевидно, вновь доставлена в Москву, переведена на русский язык и включена в состав Воскресенской летописи⁹.

Этот вывод в разное время поддержали Илие Минь (1883–1943)¹⁰, Георге Брэтиану (1898–1953)¹¹, Петре Панаитеску (1900–1967) и др.¹² Впрочем, Панаитеску, переиздавший со своими дополнениями и примечаниями труд Богдана, отодвигал время написания летописи и, соответственно, доставки ее в Москву на более позднее время – первую половину XVI в.¹³

В новейшей румынской историографии утвердилось мнение, что анонимная Молдавско-Русская хроника была написана в начале

XVI в. при дворе господаря Богдана III, возможно, под руководством митрополита Феоктиста II, и уже после этого в готовом виде была доставлена в Москву и переведена на русский язык¹⁴.

По мнению Овидиу Печичана, первая часть «Сказания...» – «Деяния Романа и Влахаты» (*Gesta lui Roman și Vlahata*) – была написана задолго до остальных частей летописи – между 1390 и 1410 гг. Ее автором мог быть неизвестный по имени инок монастыря Св. Михаила Архангела в Пери (ныне – деревня Сэпынца (*Săpânța*) в жудеце Марамуреш Румынии). Несколько столетий этот монастырь являлся главным центром Марамурешской православной епархии¹⁵, здесь создавались и переписывались славянские книги и, возможно, велось летописание¹⁶.

Основанный, вероятно, еще самим Драгошем, Михаило-Архангельский монастырь достиг процветания при его внуках, сыновьях Саса, – Балке (умер ок. 1404 г.) и Драге (умер в 1400 г.). Пользуясь ослаблением центральной власти в Венгерском королевстве, братья стали князьями в Марамароше и распространили свою власть на соседние комитаты Угоча (*Ugocea*), Сатмар (*Satmar*) и земли секеев. 13 августа 1391 г. Драг, прибывший со своим войском в осажденный турками Константинополь, добился от патриарха Антония IV предоставления ставропигиального статуса монастырю в Пери, а также права покровительства над Галицкой церковью¹⁷. В это время, вероятнее всего, и могла быть записана легенда о предках Драгошевичей – Романе и Влахате. Уже в конце XIV в. могущество династии начинает слабеть: многие захваченные братьями Драгошевичами земли возвращаются законным владельцам¹⁸.

С версией молдавского происхождения «Сказания...» не согласился А.И. Яцимирский (1873–1925), полагая, что первая часть памятника, где говорится о победе короля Владислава над татарами, была составлена в Москве на основе русских книжных источников, в частности «Повести о убиении Батыя», где также говорится о победе над татарами венгерского короля Владислава, тайно принявшего православие от Саввы Сербского. Сказание могло быть написано Пахомием Сербом, побывавшим в Молдавии по пути из Сербии в Москву и услышавшим там легенду о римском происхождении волохов и их переселении на новые земли с разрешения короля Владислава после победы над татарами¹⁹.

Версию Яцимирского о московском происхождении «Сказания вкратце о молдавских государях», принятую некоторыми исследователями²⁰, подверг основательной критике Александру Болдур (1886–1982). Исследователь указал на многочисленные следы среднеболгарского языка в тексте «Сказания...» и другие приметы, выдающие

работу московского переводчика (ср.-болг. «планины» с пояснением: «сии рече горы»; молд. «Молдова» и «Молдовская земля», «Александрель» (уменьшительное от Александр, «Александр Молодой») и др.)²¹.

По мнению Болдура, московский компилятор имел на руках весь текст Славяно-Молдавской летописи, читающийся ныне в Воскресенской летописи, за исключением последних десяти строк, дописанных уже в Москве и содержащих очень краткие и подчас ошибочные сведения о событиях после 1480 г. – до смерти Стефана III и вступления на молдавский престол его сына Богдана III. Летопись была составлена в Сучаве при дворе Стефана и около 1480 г. доставлена в Москву, т. е. еще во время переговоров о браке Елены Стефановны с Иваном Ивановичем Молодым. Хроника должна была использоваться для усиления влияния Елены Волошанки при московском дворе: ссылаясь на нее, Елена противопоставляла своих древних предков, вышедших из самого Рима и сохранивших верность православию, «испроказившимся» греческим предкам Софьи Палеолог²².

Некоторое уточнение концепции Болдура, в целом с ней соглашаясь, предложил А.А. Зимин (1920–1980). Историк полагал, что Славяно-Молдавскую летопись мог привезти в Москву в 1485 г. вместе со знаменитой «Повестью о Дракуле» дьяк Федор Курицын, посетивший на обратном пути из Венгрии молдавского господаря Стефана III²³.

Нам представляется, что та часть Славяно-Молдавской летописи, которая содержит «Сказание вкратце о молдавских господарях», скорее всего, была написана в Молдавии. Помимо языковых особенностей памятника, об этом свидетельствует широкое распространение в других молдавских летописях XV–XVI вв. сюжета о Драгоше, приведшем свой народ на новые земли, найденные им после долгого преследования дикого зверя (тура или зубра) на охоте²⁴.

Определенные параллели с молдавскими летописями находит и история происхождения молдавского народа и победы над татарами при короле Владиславе, описанная в первой части «Сказания...». Мы имеем в виду известия, помещенные в «Летописи государства Молдавии» Григоре Уреке (ок. 1590–1647) одним из его продолжателей и интерполяторов Симеоном Даскэлом. Правда, в передаче Даскэла отсутствует разделение на «старых» и «новых римлян», а также связанная с ним религиозная борьба. Зато налицо другие характерные детали: помощь Рима венгерскому королю; борьба с татарами и победа над ними; переход римлян на венгерскую службу и их поселение в Марамароше и, наконец, переселение последних на новые земли в Молдавии²⁵.

Ясно, что перед нами очень близкая к «Сказанию...» версия происхождения и расселения молдаван, но, вместе с тем, содержащая

весьма существенное отличие – нелицеприятный факт происхождения их предков не от благородных римлян, а от римских разбойников и тюремных сидельцев. Именно разбойников и других преступников, выпущенных из тюрем, направили римляне в помощь венгерскому королю. По-видимому, такая версия могла происходить не из молдавского, а из венгерского источника, представлявшего альтернативную картину истории Молдавии. Об этом же свидетельствует и ссылка Симеона Даскэла на некую «венгерскую летопись», сведениями которой он воспользовался.

Остается открытым вопрос о времени и обстоятельствах появления Славяно-Молдавской летописи в Москве. Если она попала в русскую столицу в связи с бракосочетанием Ивана Молодого и Елены Волошанки, то неясно, почему ее содержание никак не отразилось в русском летописании и других памятниках письменности конца XV – первой половины XVI в. Если же молдавская хроника попала в Москву после 1504 г. или незадолго до составления окончательной (третьей) редакции Воскресенской летописи (составлена между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 г.²⁶), в которой она ныне читается, то что могло послужить поводом для этого, и зачем понадобился перевод хроники на русский язык?

Истоки легенды

Со времени публикации известной работы Б.П. Хашдеу о легендарном правителе Валахии Негру Водэ стало очевидным, что «Сказание вкратце о молдавских господарях» ведет повествование о происхождении молдаван не с незапамятных античных времен, как считалось ранее, а от вполне реальных исторических событий, происходивших в XIII в.

Легенда о переселении предков румын и молдаван из Венеции могла зародиться в Олтении (Малой Валахии) после того, как в первой половине XIII в. здесь в Недейе, а затем и в других местах на территории современных жудецев Долж и Горж поселились венецианцы. Обнаружив близкое сходство своей речи с разговорным языком венецианцев, олтяне убедились в своем родстве с ними. Это открытие и породило мнение о приходе румын из Венеции²⁷.

Согласно Хашдеу, находит историческое объяснение и существование двух ветвей валахов – католической в Долже и православной в Романаце. В правление венгерского короля Владислава (Ласло) IV Куна в Олтыанском воеводстве (наиболее сильном румынском воеводстве королевства) известны католический воевода Михаил Летин из Недейи и православный воевода Дан из Романаца. С началом

правления Михаила усилилась напряженность в отношениях между католиками и православными. Среди последних самыми ревностными были жители Романаца (историческая территория Романаца (Romanați) ныне входит в жудец Олт). «Новыми римлянами» «Сказания...» историк считал «летинов» из Недеи (Новый Рим), а православных «старых римлян» идентифицировал с жителями Романаца, на территории которого располагался античный город Ромула (Старый Рим)²⁸.

Согласно новейшим данным, город Ромула (Romula Malva), основанный на месте дакийского поселения Мальва, во II–III вв. н. э. был одним из двенадцати городов провинции Римская Дакия (после 158 г. Ромула – столица диоцеза Южная (или Мальвийская) Дакия; в настоящее время – деревня Решка в районе Добрословень жудеца Олт²⁹.

Выводы Хашдеу нашли некоторую поддержку в ходе дальнейших исследований³⁰. Вместе с тем, новейшие румынские историки ставят под сомнение существование в Олтении XIII в. сколько-нибудь значительных противоречий в отношениях православного и католического населения, ссылаясь на отсутствие надежных исторических данных на этот счет. В частности, прозвище воеводы Михаила «Летин» может указывать не только на конфессиональную, но и на этническую принадлежность: так могли называть выходца из Литвы. Впрочем, земли Малой Валахии (Олтении) в большей степени могли испытывать католическое влияние, чем расположенные на восток от нее земли Великой Валахии (Мунтении)³¹.

Иная ситуация складывалась на территории комитата Марамарош – северо-восточной окраины Венгерского королевства, которая долгое время оставалась малонаселенной. Венгерские короли и знать различными способами пытались колонизировать необжитые районы Марамароша так же, как и другие приграничные регионы, в том числе путем привлечения иностранных поселенцев.

После монголо-татарского нашествия 1241–1242 гг., когда половина Венгерской равнины практически обезлюдела, эта тенденция колонизации распространилась по всей стране. Начиная со времени правления Владислава IV, валахи стали селиться в Венгрии в большом количестве, а в XIV в. их приток усилился. Валахи группами переселялись в Венгрию с Балкан, привлекаемые налоговыми льготами и наличием свободных земель. Однако основной поток валашской колонизации происходил не с территории Олтении и Мунтении, а из так называемой Великой Влахии (ныне в Центральной Македонии), находившейся под церковной юрисдикцией православной Вранской епархии, поэтому выходцы оттуда в основном исповедовали православие. Первые валашские поселенцы должны были появиться в Марамароше в конце XIII в., а первые письменные свидетельства о

колониционной деятельности валашских князей могут быть датированы 1326 г.³²

О том, что истоки легенды о происхождении молдаван следует искать в первой половине XIII в., могут свидетельствовать имена легендарных прародителей народа Романа и Влахаты, названные в «Сказании...».

В 1247 г. посол Римского папы Иннокентия IV в Монголию Джованни дель Пано Карпини, покидая пределы половецких степей, на обратном пути в Западную Европу повстречал двух князей, направлявшихся на восток: «При выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей». Далее Карпини делает еще одно важное замечание: «С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руссии. И все это русские князья»³³.

Приведенное известие давно замечено исследователями, у которых в целом не вызывает сомнений, что имя *Aloha/Олоха*, вероятнее всего, могло быть производным от этнонима *волох/валах*, а отнесение Романа и Олохи к числу русских князей должно означать не столько этническую, сколько конфессиональную принадлежность – к православным христианам. Все это, несомненно, позволяет соотнести князей Романа и Олоху, упоминаемых Карпини в числе свидетелей его путешествия на Восток, с Романом и Влахатой – персонажами «Сказания вкратце о молдавских господарях»³⁴.

Можно привести еще одно упоминание о валашском правителе с именем, созвучным имени Роман, встречающееся в источниках первой половины XIII в. В одном из вариантов составленной около 1215–1220 гг. пространной записи «Песни о Нибелунгах» упоминается некий валашский герцог Рамунг (Romunc): «Примчался в Тульн с дружиной из семисот бойцов // Валашский герцог Рамунг, храбрец из храбрецов»³⁵.

Исследователи в целом не сомневаются в исторической реальности воеводы Драгоша, переселившего предков молдаван на новую родину, несмотря на явные мифологические черты рассказа о вожде-герое, открывающем во время охоты новые земли для своего народа. Иногда Драгоша идентифицируют с упоминающимися в исторических документах Драгошем из Бедё (Bedö, Bedeu) или Драгошем, сыном Дьюлы (filius Giula). Впрочем, эти отождествления остаются спорными³⁶.

По-разному историками определяется и время прихода Драгоша в Молдавию, предложенные ими датировки располагаются в весьма широком хронологическом диапазоне – от второй половины XIII до середины XIV в.³⁷

Если строго следовать хронологическим указаниям «Сказания вкратце о молдавских господарях», Драгош вместе с соплеменниками пришел в Молдавию и установил свою власть путем колонизации новых земель в 1359 г., после чего он правил здесь от лица венгерского короля в течение двух лет. 6867 (1359) г. в качестве даты прихода Драгоша приводят и другие молдавские летописи XV–XVI вв.³⁸ Исключение составляет только написанная в 1566 г. на польском языке так называемая Молдавско-Польская летопись 1352 – 1564 гг., датирующая приход Драгоша 6860 (1352) г.³⁹

Тем не менее именно 1352–1353 гг. признаются большинством исследователей как наиболее вероятное время правления Драгоша, поскольку такая датировка лучше согласуется с известными по другим источникам датами последующих событий, прежде всего, началом правления воеводы Богдана I и его борьбы за свержение венгерского суверенитета (1359 г.)⁴⁰.

Однако, опираясь на более широкий комплекс известий, относящихся к борьбе венгерского и польского королей за освобождение земель к востоку от Карпат от власти татар, а также учитывая счет лет правления потомков Драгоша, приведенный в «Сказании...», наиболее вероятным временем образования «марки Драгоша» можно считать период между 1345 и 1349 гг.⁴¹

Владислав IV Кун или Людовик I Анжуйский

Вошедший в «Сказание вкратце о молдавских господарях» рассказ о переселении православных «романовцев» на новую родину после их победы над татарами в составе войска венгерского короля Владислава содержит противоречие, не позволяющее напрямую соотнести этот рассказ с историческими событиями середины XIV в. В описываемое время в Венгрии правил король Людовик (Лайош) I (1342–1382), и среди представителей Анжуйской династии вообще не было правителей с именем Владислав.

Споры по поводу отождествления короля Владислава, победителя татар и покровителя православных валахов, позволившего им переселиться на новые земли, ведутся давно. Выяснение этого вопроса имеет принципиальное значение для истории Молдавии, так как позволяет определить время переселения предков молдаван из Марамароша на берега реки Молдовы и, следовательно, дату основания Молдавского государства.

Первым специальным исследованием по этому вопросу стала статья выдающегося румынского историка, впоследствии президента Румынской академии Димитрие Ончула «Драгош и Богдан – основа-

тели Молдавского княжества» (1884 г.). Проанализировав все версии легенды, Ончул сделал вывод, что Владислав «Сказания...» не мог быть венгерским королем Владиславом (Ласло) IV Куном (1272–1290), никогда не побеждавшим татар, а, наоборот, потерпевшим от них тяжелое поражение. Кроме того, во второй половине XIII в. Марамарош еще не был заселен валахами. Описанные в Сказании события могли произойти только при короле Людовике I Анжуйском.

Ончул ссылается на сообщения придворного летописца Людовика Яноша из Тырнова (Ioan de Târnove) о частых набегах татар на Эрдель (Трансильвания) и земли секеев, а также об ответном походе венгерской армии под командованием Андрея Лакфи, закончившемся разгромом татар, возглавляемых неким Атламышем⁴². Ончул делает вывод, что венгерский король Владислав может быть отождествлен с трансильванским воеводой Андреем Лакфи⁴³.

Уже в 1885 г. другой классик румынской историографии Александру Ксенопол (1847–1920) оспорил выводы Ончула, считая, что в легенде речь идет о Ласло IV Куне. Между историками развернулась жаркая полемика. Ончул признал вывод Ксенопола ошибочным, уточнив, что Владислав в «Сказании...» – это отец трансильванского воеводы Андрея Лакфи или буквально *Лацкфи* (Lackfi), т. е. сына *Ла(т)цка* (Латцко = Владислав)⁴⁴.

В наиболее развернутом виде аргументы Ксенопола представлены во втором томе его неоднократно переизданной «Истории румын Траянской Дакии», где анализу «Сказания...» посвящен специальный раздел. В защиту своей позиции историк приводит грамоту Ласло Куна, датированную 1288 г., в которой король упоминает об экспедиции, предпринятой им вместе с множеством баронов и вельмож его королевства для преследования половцев, тайно бежавших из страны. По следам беглецов участники экспедиции прошли «через горы», граничащие с владениями татар, в земли, «куда не ступал ни один из предшественников короля»⁴⁵. Ксенопол полагал, что именно этот поход Ласло IV через Карпаты против половцев и победа над ними в несколько измененном виде могли отразиться в «Сказании...», где половцы превратились в татар⁴⁶.

Как отмечал в 1986 г. Николае Стоическу, спор между Ончулом и Ксенополом разделил последующих румынских историков на два лагеря – сторонников одной или другой точки зрения⁴⁷. Этот спор, в котором также участвуют молдавские исследователи, продолжается и в настоящее время.

Первые попытки приурочить рассказ о переселении молдаван на новую родину ко времени правления венгерского короля Ласло IV были сделаны еще молдавскими летописцами. К примеру, легендарного Владислава с Ласло Куном отождествил Мирон Костин

(1633–1691), синхронизировав тем самым два разных события – основание Молдавского княжества Драгошем и возникновение первого румынского княжества Негру Водэ в Мунтении⁴⁸.

Имя Владислава в качестве главного хронологического ориентира в легенде о Драгоше и переселении молдаван воспринимал Август Людвиг Шлёцер (1735–1809), также отождествлявший этого короля с Ласло IV, поскольку последний не только состоял в родстве с Саввой Сербским (племянник Саввы Стефан Драгутин был женат на сестре Ласло), но и подозревался в ереси католической церковью⁴⁹.

Среди новейших историков наиболее последовательно и широко отождествление короля Владислава с Ласло Куном аргументируют Павел Параска и Овидиу Печичан. Исследователи устанавливают, что конфликт Ласло IV с половцами возник вследствие исполнения королем требований папского легата Филиппа, епископа Фермо, касавшихся искоренения в Венгрии ересей, язычества и восточной схизмы. В 1279 г. под давлением этого легата Ласло предписал половцам, в большом количестве переселившимся в Венгрию еще накануне нашествия Батыя, перейти к оседлой жизни, строго следовать католическому обряду и поселиться на новых назначенных королем местах, в частности в Кришане, на реках Тиса, Криш, Муреш, Тимиш и в районе города Тыргу-Муреш (ныне административный центр жудеца Муреш). Примечательно, что часть этих гидронимов (Тиса, Муреш, Криш) упоминаются в летописном рассказе о победе Владислава над татарами⁵⁰.

В ответ на репрессии в 1282 г. венгерские половцы подняли восстание. После поражения, нанесенного им королевскими войсками в битве на Тисе при впадении в нее Муреша (еще одно совпадение с рассказом Славяно-Молдавской летописи о победе Владислава над татарами) часть половцев ушла на восток «за горы». Возможно, именно эти беглые половцы спровоцировали новое нашествие татар в 1285 г., в котором сами приняли участие⁵¹.

По мнению Параски, автором Славяно-Молдавской летописи поход против половцев был перенесен на поход против татар, поскольку половцы, боровшиеся за сохранение автономии, как считали уже некоторые средневековые хронисты, бежали к татарам⁵². Чтобы вернуть беглецов, Ласло IV со своими баронами в 1288 г. организовал экспедицию, в ходе которой венгерские войска достигли территории Молдавии⁵³.

Тудор Сэлэган обратил внимание, что в рассказе Симеона Даскэла, продолжателя и интерполятора Григоре Уреке, есть сообщение (со ссылкой на древние венгерские хроники), что король Владислав начал сражение с татарами перед Рождеством, а освободил от них Молдавию и вернулся в свою столицу на Масленицу⁵⁴. И хотя Симеон

Даскэл не указывает точных дат, его описание более соответствует хронологии татарского нашествия 1285 г.: король Владислав (Ласло IV) начал войну с татарами 25 января, а завершил боевые действия на Пасху (25 марта)⁵⁵.

Впрочем, сам Сэлэган приходит к выводу, что в Славяно-Молдавской летописи все же речь идет о победе над татарами, произошедшей в середине XIV в.⁵⁶

Рассмотрим теперь главные аргументы в пользу такого решения.

Победа Андрея Лакфи над татарами в 1345 г.

В 1340–1350-х гг. в результате серии успешных военных кампаний польского и венгерского королей татары были вытеснены с территории Восточного Прикарпатья и Приднестровья. Опираясь на союз с Венгрией, польский король Казимир III (1333–1370) к 1349 г. смог присоединить к своим владениям Галицкую землю, правители которой ранее признавали зависимость от Золотой Орды⁵⁷.

В 1343 г. венгерский король Людовик I также начал наступление против татар, но первые столкновения с ними оказались неудачными. Тогда король назначил Андрея Лакфи, ишпана секеев и будущего воеводу Трансильвании, командовать венгерской армией, состоявшей преимущественно из секеев, пересекшей Карпаты и вступившей в татарские владения в начале 1345 г.⁵⁸

Об этом походе сообщают два современных венгерских источника. Первое сообщение содержится в шестой части «Жития и деяний Людовика, короля Венгрии» («De vita et gestis Ludovici regis Hungariae») упомянутого выше архидиакона Яноша из Тырнова, придворного летописца Людовика I, именуемого также Яношем из Кюкюллё (Küküllő – ныне Тырнэвени, жудец Муреш, Румыния). Указанное известие, как и весь труд Яноша из Тырнова, дошел до нас в составе так называемой Дубницкой хроники (Chronicon Dubnicensis), составленной в Варадине в 1470-х гг. путем сведения текстов более ранних источников. Свое нынешнее название хроника получила по единственному сохранившемуся списку, происходящему из Дубницы (ныне в Словакии). Рассказ Яноша из Тырнова воспроизведен также в Будайской хронике и Хронике Яноша Туроци⁵⁹.

Второе сообщение – содержащий ряд дополнительных подробностей рассказ о битве венгров и секеев с татарами анонимного монаха-минорита, возможно, непосредственного очевидца событий. По некоторым данным, этим анонимным автором мог быть Янош из Эгера, также близкий ко двору Людовика I. Составленная им хроника охватывала период с 1345 по 1355 г. и также дошла до нас в составе Дубницкой хроники⁶⁰.

В «Житии и деяниях Людовика» Яноша из Тырнова читаем: «В то время, когда свирепый народ тартар часто нападал на Венгерское королевство, на земли Трансильвании и [земли] секеев, король послал против тартар усердного и воинственного мужа Андрея, сына Лацка (*Andream filium Lachk*), трансильванского воеводу, вместе с народом секеев, знатю и сильными воинами, чье большое войско вторглось в землю, где они (татары. – *А.М.*) обитали, и, сойдясь с ними на поле битвы, победило их вместе с их князем по имени Атламош, и этот князь был обезглавлен, и множество знамен (*banderia*) и пленных тартар было передано его королевскому величеству в Вышеград. После этого секеи стали часто нападать на тартар и с большой добычей возвращаться домой. А те тартары, кто уцелел, бежали в далекие приморские области к другим тартарам»⁶¹.

Из сообщения анонимного минорита узнаем точную дату победы над татарами и ряд других подробностей: «В 1345 году [от Рождества] Господа, спустя три года после коронации короля Людовика, в праздник Очищения Пресвятой Девы Марии секеи с немногими венграми, оказавшимися среди них, с помощью Божией выступили против тартар и предали мечу бесчисленное множество тартар в земле их. И там очень сильный их князь по имени Отламус, второй после хана, женатый на сестре самого хана, был взят живым, а после обезглавлен; за его выкуп были обещаны огромные деньги. Но венгры отказались, заботясь о будущем; они также принесли домой их (татар. – *А.М.*) флаги, множество пленных и очень большую добычу, прежде всего, золото и серебро, ценные вещи, а также драгоценные камни и дорогие одежды, сражение между ними продолжалось три дня беспрерывно»⁶².

Итак, согласно анонимному минориту, решающая битва с татарами состоялась на праздник Очищения Пресвятой Девы Марии (*circa festum Purificationis Beate Virginis Marie*). В римско-католической церкви этот праздник посвящен воспоминанию о принесении младенца Иисуса во храм и очистительном обряде, совершенном его матерью на сороковой день после рождения первенца. В православной традиции праздник именуется Сретением – в память о встрече в иерусалимском храме младенца Иисуса с праведным старцем Симеоном. Праздник отмечается 2 февраля.

Победоносный поход венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи против татар упоминается также в нескольких грамотах Людовика I. 29 апреля 1357 г. король пожаловал трансильванскому вице-воеводе Доминику Мачке и его брату Иванке поместье Красно в комитате Тренчен за прежние заслуги, среди которых особо выделяется (*specialiter*) участие вместе «со своим господином, достойным

мужем Андреем, сыном Лацка, тогда комитом секеев, а ныне воеводой Трансильвании, [в походе] против татар и рутенов» (*specialiter cum magnifico viro Andrea filio Lackh, tunc comite Syculorum, nunc voyvoda Transsilvano, domino suo, contra Tartaros et Rutenos*)⁶³.

Давно замечено, что *Rutenos*, упомянутые в этом источнике в качестве союзников татар, – это, вероятнее всего, русские жители Подолья, признававшие власть татар, платившие им дань и участвовавшие в их военных предприятиях⁶⁴.

«Очень сильный князь по имени Отламус»

Судя по сообщению анонимного минорита, «очень сильный князь по имени Отламус», предводитель приднестровских татар, приходился шурином золотоордынскому хану и был вторым по старшинству правителем после него. Ханом Золотой Орды в описываемое время был Джанибек (1342–1357), которого, очевидно, следует считать сюзереном и свойственником Отламуса.

Как устанавливает Иштван Вашари, имя *Атламос* (*Athlamos, Othlamus*) может быть отождествлено с распространенным тюркским антропонимом *Атламыш* (*Atlamiş* < *atla-* «шагать, пересекать, проходить») и, вероятно, имеет кыпчакское происхождение⁶⁵. При этом историк не смог найти в источниках других упоминаний о хане с таким именем, разбитом и убитом венграми и секеями: «К сожалению, мы не имеем иных данных ни об Атламоше, ни о неизвестной сестре хана»⁶⁶.

Между тем некий «царь Атламыш» (вар. Отламыш) упоминается в так называемой Сербской Александрии – южнославянском переводе одной из поздних версий греческого романа об Александре Македонском Псевдо-Калисфена. Написанная, вероятно, на греческом языке, как и все основные версии этого романа, Сербская Александрия не позднее XIV в. была переведена южными славянами; древнейший русский список этого перевода датируется концом XV в. В отличие от эллинистического романа Псевдо-Калисфена Сербская Александрия имеет ярко выраженные особенности средневекового произведения и отражает реалии, характерные для своей эпохи⁶⁷.

На страницах средневековой сербской версии романа появляется рассказ о победе Александра Македонского над половцами и их царем. Обращаясь к разбитым и пленным половцам, Александр говорит, что «божиим промыслом» он привел их под «макидонское господство», а «царя же вашего Отламыша убих»⁶⁸.

Еще А.Н. Веселовский обратил внимание, что половецкий царь Атламыш/Отламыш Сербской Александрии может соответствовать

татарскому хану Атламосу (Athlamos), разбитому в середине XIV в. трансильванским воеводой Андреем Лацким⁶⁹.

Добавим, что, помимо совпадения имен, рассказ Сербской Александрии о победе Александра над половцами и в других основных деталях соответствует рассказу венгерских хроник о победе Андрея Лакфи над татарами. В обоих случаях войско на войну отправляет действующий правитель страны – македонский царь Филипп или венгерский король Людовик; сражение длится три дня; победитель захватывает большую добычу и приводит множество пленных, убивая при этом предводителя своих врагов⁷⁰.

Веселовский указал также на существование наряду с сербским румынского перевода Александрии, названного им «румынской народной книгой». Выполненная с сербского перевода, румынская, точнее, валашско-молдавская версия Александрии (Istoria lui Alexandru чел маре) вместо половцев говорит о татарах, побежденных Александром⁷¹. Особая валашско-молдавская версия Сербской Александрии представлена несколькими рукописями. Одна из них – Киевский список Александрии XVI в., относящийся к кругу рукописей так называемого тырновского правописания⁷².

Существование валашско-молдавского варианта Александрии, где Александр наносит сокрушительное поражение татарам и убивает их царя Атламыш, очевидно, может быть оценено как еще одно историческое свидетельство реального факта – разгрома в середине XIV в. татарской орды хана Атламыш, обитавшей в молдавских землях.

Именуемый *князем* и *царем* Атламыш, по всей видимости, был фактически независимым татарским правителем Пруто-Днестровского региона, лишь формально признававшим власть хана Золотой Орды.

Ввиду отсутствия прямых свидетельств источников спорным остается вопрос, участвовали ли в победоносной кампании Андрея Лакфи валахи из Марамароша, переселившиеся затем в Молдавию. Впрочем, современные исследователи считают такое участие вполне вероятным⁷³.

Вытеснение татар из Восточного Прикарпатья

В известных ныне источниках не отразились факты, которые могли бы свидетельствовать о вытеснении татар с территории будущего Молдавского княжества ранее середины XIV в. Между тем именно разгром и изгнание татар должны были стать необходимым условием последующего переселения на молдавские земли валахов под предводительством Драгоша.

Перелом в вековом противостоянии Венгерского королевства с татарами мог наступить только после 1345 г. В следующем году се-

кеи, по свидетельству анонимного минорита, совершили еще одну вылазку против татар, вновь одержали победу, нанеся последним большие потери, и возвратились с немалой добычей; в результате татары отошли на юг, к побережью Черного моря⁷⁴. Здесь они понесли новые потери вследствие распространения в Причерноморье эпидемии чумы, пришедшей из Италии около 1347 г.⁷⁵

Об освобождении от татар земель будущей Молдавии во второй половине 1340-х гг. может свидетельствовать следующей факт. В начале 1347 г. Римский папа Климент VI (1342–1352) счел, что в результате побед над татарами наступил подходящий момент для восстановления к востоку от Карпат прежней иерархии католической церкви. В послании от 29 января, адресованном венгерскому архиепископу Калоча (archiepiscopo Colociensi), папа распорядился восстановить «Милковский епископат в Венгерском королевстве, на землях, граничащих с тартарами» (Episcopatus Milchovensis in regno Ungarie, in finibus Tartarorum), и назначить в качестве нового епископа Тому Нимпти, капеллана венгерского короля, августинского монаха-отшельника и проповедника⁷⁶.

Известно, что попытки восстановить Половецкое или Милковское епископство предпринимались папами при поддержке венгерского короля еще в конце 1320-х и в 1330-е гг. Однако назначаемые на милковскую кафедру прелаты не могли находиться в своей епархии и несли службу в других местах. Так было и с Томой Нимпти, который через несколько месяцев после своего назначения был уже в Венеции в качестве посла венгерского короля⁷⁷.

Это можно объяснить, исходя из письма папы Николая III (1277–1280) к своему легату Филиппу, епископу Фермо, датированного 7 октября 1278 г., где говорится, что город Милков (civitas de Multo) лежит в руинах еще со времен нашествия Батыея, и что уже сорок лет там нет ни епископа, ни католических жителей⁷⁸. Епархиальный центр Милков располагался, вероятно, на одноименной реке (притоке Сирета), в районе современного города Фокшаны (жудец Вранча, Румыния).

И все же попытки возродить Милковское епископство увенчались успехом. Это произошло, по-видимому, в первой половине 1350-х гг.⁷⁹: 12 февраля 1353 г. папа Иннокентий VI (1352–1362) назначил еще одного епископа на милковскую кафедру, говоря о ней как о вакантной долгое время⁸⁰.

Восстановление католической епархии к востоку от Карпат, несомненно, стало результатом ослабления власти татар в этом регионе. Тем не менее борьба с ними Венгерского королевства на рубеже 1340 – 1350-х гг. еще продолжалась. Около 1348 г. татары совершили

ответное вторжение в Венгрию. Весной 1352 г. королевские войска были вновь мобилизованы для войны с ними, а папе отправлено донесение о недавнем нападении татар, которое могло быть частью их военных действий против Польши (в 1352 г. союзные венгерско-польские войска участвовали в осаде волыннского города Белза, обороняемого литовцами, союзниками которых были татары⁸¹). В следующем году король Людовик, опасаясь нового нападения татар, распорядился укрепить все замки своего королевства⁸².

О походах венгерского короля против татар в 1352 и 1354 гг. сообщает также флорентийский историк Маттео Виллани (умер в 1363 г.), продолжатель Новой Хроники (*Nuova Cronica*) своего брата Джованни. По сведениям хрониста, во время похода 1354 г. венгерский король даже пытался заключить мир с неким юным татарским королем, склонявшимся будто бы к принятию христианства⁸³. Впрочем, сведения Виллани отличаются неясностью и явными преувеличениями, вызывая серьезные сомнения у исследователей⁸⁴.

Начавшаяся в 1359 г. в Золотой Орде двадцатилетняя внутренняя усобица ослабила государство и не позволила сохранить контроль над отдаленными западными окраинами.

Ослабление влияния татар в Восточном Прикарпатье имело еще одно последствие: Венгерское королевство заявило свои права на земли «Кумании», в том числе территории между Карпатами и Днестром. Только в таких условиях здесь мог появиться Драгош, воевода из Марамароша, прибывший в Молдавию в качестве наместника венгерского короля и возглавивший процесс колонизации освобожденных земель марамарошскими валахами. О том, что Людовик I считал Молдавию частью Венгерского королевства, свидетельствует его известная грамота 1365 г., в которой четырежды упоминается «наша земля Молдавия» («*Terra nostra Molduana*»)⁸⁵.

Центр Молдавского воеводства во времена Драгоша должен был находиться в бассейне реки Молдовы и на Буковине; юго-восточная часть позднейшего Молдавского княжества и в особенности районы, прилегающие к побережью Черного моря, скорее всего, оставались еще под властью татар⁸⁶.

На рубеже 1350–1360-х гг. другой воевода из Марамароша по имени Богдан сверг потомков Драгоша, поднял мятеж против венгерского короля и в борьбе с ним отстаивал независимость Молдавии. Янош из Тырнова сообщает: «В правление венгерского короля Людовика воевода марамурешских волохов Богдан, собрав их, тайно ушел в Молдавию, подвластную Венгерскому королевству и давно опустошенную соседними татарами. Людовик посылал туда несколько раз войско, но число волохов столь умножилось в этой земле, что

она сделалась особым княжеством»⁸⁷. Именно Богдана большинство историков считает основателем Молдавского государства⁸⁸.

Возможно, под влиянием образования независимого от Венгрии и Золотой Орды Молдавского княжества в Восточном Прикарпатье стали возникать другие политические образования с преимущественно валашским населением. По некоторым данным, правитель одного из них - воевода Петр - в 1359 г. сумел остановить наступление войск польского короля Казимира III⁸⁹.

Святой Владислав – победитель татар

Рассмотренные нами факты показывают, что необходимые условия для массового переселения валахов на прудо-днестровские земли могли возникнуть не ранее середины 1340-х гг., а образование здесь «Венгерской марки» воеводы Драгоша могло произойти не ранее конца 1340 – начала 1350-х гг. Более ранние датировки этих событий не находят надежной опоры в известных ныне источниках. Поход через Карпаты около 1288 г. венгерского короля Владислава (Ласло) IV, преследовавшего беглых половцев, не мог привести к освобождению молдавских земель от власти татар и установлению над ними суверенитета венгерского короля.

Золотая Орда продолжала контролировать земли к востоку от Карпат вплоть до середины XIV в. и, более того, использовала их как плацдарм для нападений на Венгерское королевство. Отказ от дальнейших претензий на молдавские и украинские земли, вероятно, мог произойти только после поражения ордынцев в битве у Синих Вод в 1362 г. Данное обстоятельство, на наш взгляд, исключает возможность переселения в Молдавию марамарошских валахов воеводы Драгоша ранее середины XIV в., поскольку в противном случае оно должно было происходить с санкции золотоордынского хана (или иного татарского правителя).

Почему же в славяно-молдавских летописях XV–XVI вв. приход Драгоша и «начало Молдавской земли» приурочены ко времени правления венгерского короля Владислава? Как представляется, источники позволяют дать ответ и на этот вопрос.

В уже цитированном нами рассказе анонимного минорита о победах секеев и венгров над татарами в 1345 и 1346 гг. есть еще одно весьма примечательное сообщение. Это легендарный рассказ о чуде Девы Марии и св. Владислава, совершенном прямо на поле боя и обеспечившем христианскому воинству полную победу над язычниками.

Ссылаясь на рассказы очевидцев, хронист пишет: «Говорят, что в ходе битвы между христианами и тартарами в Варадинском соборе

не могли отыскать голову святого Владислава. Это воистину было чудом! Когда церковный подкустодий (subcustos) вошел в сокровищницу, чтобы увидеть голову, он нашел святыню на ее обычном месте, но всю в испарине, как будто она была живой и только что вернулась вся разгоряченная после какой-то тяжелой работы... Истинность чуда была подтверждена одним очень старым татаринном из числа пленных, который сказал, что разбили их не секеи и венгры, а сам Владислав, который услышал, как они (секеи и венгры. – А. М.) постоянно к нему взывали. Другие его (татарина. – А. М.) товарищи также говорили, что, когда секеи выступили против них, перед ними шел некий высокий рыцарь; сидя на огромном коне с золотой короной на голове и с боевым топором в руке..., он могучими ударами опустошал их ряды. В воздухе над головой рыцаря в ослепительном сиянии, казалось, парит прекраснейшая дама: у нее на голове была видна золотая корона изысканной красоты. Из всего этого очевидно, что то были сама благословенная Дева Мария и благословенный король Владислав, которые помогли секеям в битве с язычниками за веру в Иисуса Христа»⁹⁰.

Описанное анонимным миноритом чудо, как видим, совершилось не только на поле битвы. Его следы также обнаружили в Соборе Успения Девы Марии в Варадине (ныне город Орадя в Румынии). Здесь хранились мощи св. Владислава (короля Ласло I). Именно Варадин на протяжении нескольких веков был тем местом, где всячески поддерживался и развивался культ св. Владислава, создавались новые легенды о подвигах и чудесах, совершенных этим святым.

Еще при жизни король Ласло I (1077–1095) был тесно связан с Варадином, постоянно оказывая ему особое покровительство: он основал там монастырь и заложил собор, построил замок и сделал город епархиальным центром. После смерти короля Варадин стал местом его погребения и со временем превратился в крупнейший в средневековой Венгрии центр почитания св. Владислава⁹¹.

В Варадинском соборе хранилась одна из самых почитаемых венграми реликвий – череп святого, для которого была изготовлена позолоченная герма-реликварий в виде погрудного скульптурного портрета. Утраченная во время пожара в начале XV в. реликвия затем была вновь обретаена и помещена в новый драгоценный реликварий. В 1607 г. из Варадина ее перенесли в Дьер, где в кафедральном соборе она хранится до настоящего времени⁹².

Описанное придворным хронистом Людовика I чудесное явление на поле битвы венгров и секеев с татарами св. Владислава в виде могучего рыцаря, сопровождаемого самой Божией Матерью в праздник Очищения (Сретения), несомненно, стало следствием

развития культа этого святого, широко поддерживаемого королями Анжуйской династии.

Современные исследователи говорят даже о целенаправленном насаждении в Венгрии культа св. Владислава в XIV в.: его образ стал своего рода символом идеального рыцаря, защитника христиан, одним из важных элементов придворной рыцарской культуры, пришедшей вместе с новой династией⁹³.

Уже в первой половине XIV в. образ св. Владислава как победителя кочевников-язычников широко отразился в венгерских исторических хрониках и произведениях изобразительного искусства, где появились неизвестные более ранним источникам эпизоды его подвигов и чудес, проявленных в том числе и в борьбе с татарами⁹⁴. Возникло представление о способности святого чудесным образом возрождаться к жизни через свои нетленные мощи, покоившиеся в Варадинском соборе, становиться непобедимым рыцарем-великаном и помогать венграм в борьбе с татарами.

Еще Д. Ончул обратил внимание на рассказ анонимного минорита о чуде св. Владислава. В своих поздних работах, продолжавших полемику с А. Ксенополом, он предложил связать рассказ минорита с сообщениями славяно-молдавских летописей о Драгоше и короле Владиславе. По мнению Ончула, в образе последнего мог выступать не Владислав IV (как думал Ксенопол), а сам св. Владислав, чудесным образом поднявшийся из могилы в Варадинском соборе, чтобы помочь своему народу победить татар. Составитель «Сказания вкратце о молдавских господарях» знал легенду о чуде св. Владислава и использовал ее для объяснения основания Молдавского государства⁹⁵. К подобным выводам приходят и другие исследователи⁹⁶.

Д. Ончул полагал, что именно св. Владислав направлял и помогал победить татар воеводе Андрею, «сыну Лацка» (т. е. Владислава)⁹⁷. В «Сказании вкратце о молдавских господарях» нет упоминания об этом воеводе. Однако здесь есть другие сведения, отсылающие к культу св. Владислава. В «Сказании...» говорится, что православные «старые римляне», прежде чем переселиться в Молдавию, с разрешения короля Владислава некоторое время жили в Марамароше и Крише, где взяли себе в жены местных женщин: «Владислав же король ... даде имь землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася...»⁹⁸.

Летописное «Крижи» (вар. Крижетур) – это, судя по всему, Кришана (рум. Crișana, венг. Körösvidék, нем. Kreischgebiet), соседняя с Маромурешем историческая область в современной Румынии (жудецы Арад и Бихор), получившая свое название от трех небольших рек – Кришул-Алб, Кришул-Негру и Кришул-Репеде (притоки Кёрёша).

Историческим центром Кришаны был Варадин (Орадя) – главный центр почитания св. Владислава в средневековой Венгрии. Здесь, по-видимому, и возникла легенда о чуде, описанном анонимным миноритом. Во всяком случае, именно в Варадине, как уже отмечалось, была создана так называемая Дубницкая хроника, в составе которой до нас дошел упомянутый рассказ минорита.

Причастность к победе над татарами и переселению в Молдавию выходцев из Кришаны заставляет предполагать, что в походе против татар Андрея Лакфи наряду с венграми и секеями могли участвовать также валахи.

Универсальный сакральный символ венгерского короля

Превращению в летописном рассказе реального венгерского короля, санкционировавшего переселение валахов в Молдавию, в образ св. Владислава мог способствовать еще один важный фактор. Венгерские правители Анжуйской династии, начиная, по-видимому, с Людовика I, воспринимали этого святого как своего династического покровителя, символизирующего правящих в Венгрии королей.

Об этом свидетельствует появление изображений св. Владислава на королевских печатях и монетах. В частности, известно несколько видов монет разного достоинства (в том числе золотых дукатов), отчеканенных в правление Людовика I, с изображением родового герба Анжу на лицевой стороне и фигуры св. Владислава с нимбом и копьем (или боевым топором) в правой руке на обороте⁹⁹. Такая традиция получила продолжение в правление дочери Людовика Марии Анжуйской (1382–1395) и ее мужа и соправителя Сигизмунда Люксембургского (1387–1437)¹⁰⁰.

Наибольших масштабов почитание св. Владислава правителями Венгрии достигло в XV в., в особенности при короле и императоре Сигизмунде. В 1390 г. он вместе со своей супругой участвовал в открытии конной статуи святого, установленной перед Успенским собором в Варадине. Этой статуе жители города приписывали магическую силу: она помогала отстоять Варадин во время вражеских нашествий¹⁰¹.

По-видимому, Сигизмунд Люксембургский культивировал особую личную связь со св. Владиславом и даже отождествлял себя с ним. Единственный из правителей Венгрии, кто был похоронен в Варадинском соборе рядом с мощами святого, Сигизмунд сделал все возможное для восстановления его гермы-реликвария, утраченной во время пожара, воплотив в облике святого свои собственные черты: существующий ныне бюст-реликварий св. Владислава обнаруживает сходство с прижизненным портретом Сигизмунда, выполненным около 1433 г. Антонио Пизанелло¹⁰².

Как видим, представители не только Анжуйской, но и Люксембургской династии, занимавшие венгерский трон, чтили св. Владислава и использовали его образ в качестве сакрального королевского символа.

Универсальный характер этого символа, обозначавшего венгерского короля вообще, вне зависимости от родовой принадлежности, в еще большей степени проявился в XV - XVI вв. К нему прибегали и Ягеллоны, и Габсбурги, поочередно занимавшие венгерский престол, как, например, Уласло I (1440–1444) и Владислав (Ласло) V (1445–1457)¹⁰³. Изображения св. Владислава, стоящего анфас с боевым топором в руке, чеканили на своих монетах представитель новой династии Хуньяди - Матиаш I Корвин (1458–1490)¹⁰⁴ и последующие венгерские короли, вплоть до Рудольфа I (1576–1608)¹⁰⁵.

Как уже отмечалось, большинство исследователей относят составление протографа Славяно-Молдавской летописи, содержавшего рассказ о победе над татарами венгерского короля Владислава и приходе Драгоша в Молдавию, ко второй половине XV в. - времени правления господаря Стефана III¹⁰⁶. Вполне вероятно, что при описании событий столетней давности молдавские летописцы использовали известный им универсальный сакральный символ венгерского короля, в равной степени применимый для обозначения как Людовика I, современника Драгоша, так и Матиаша I, современника Стефана III.

К персонификации Людовика I как короля Владислава в Славяно-Молдавской летописи могла привести также культивировавшаяся в Варадине легенда о чуде св. Владислава, восставшего из могилы, чтобы помочь воинам Людовика победить татар в 1345 г. Эту легенду могли знать выходцы из Кришаны, переселившиеся в Молдавию вместе с Драгошем.

Образ венгерского короля, победителя татар, именуемого Владиславом, нашел отражение в памятниках древнерусской литературы. Еще до появления русского перевода Славяно-Молдавской летописи, в 1470-х гг., в московское великокняжеское летописание была включена «Повесть о убиении Батыя», рассказывающая о событии монголо-татарского нашествия на Венгрию, в котором Батый разбивает в бою и убивает своей боевой секирой венгерский король Владислав¹⁰⁷. Во второй половине XV в. благодаря устойчивым контактам с венгерским и молдавским дворами в Москве, несомненно, знали о традиции венгерских королей использовать образ св. Владислава в качестве сакрального символа. Некоторые внешние атрибуты этой традиции были заимствованы московским великим князем. В Государственном Эрмитаже хранится так называемый «венгерский (угорский)» или «московский» золотой Ивана III с изображением

венгерского короля Владислава I Святого на лицевой стороне и гербовым щитом Матьяша I Корвина на обороте, изготовленный по образцу венгерских золотых дукатов того времени¹⁰⁸.

Исходя из сказанного, можно предположить, что в древнерусских письменных памятниках второй половины XV - начала XVI в. – «Повести о убиении Батыея» и «Сказании вкратце о молдавских господарях» упоминание в качестве победителя татар венгерского короля Владислава имеет в виду не столько реального правителя, сколько символический образ короля-христианина, победителя язычников, тесно связанный с образом св. Владислава, которому в XIV–XV вв. стали приписывать подвиги (в том числе посмертные), совершенные в борьбе с кочевниками.

Король-еретик Владислав IV

Вместе с тем образ короля Владислава «Сказания вкратце о молдавских господарях» вообрал в себя некоторые индивидуальные черты одного из реальных венгерских правителей, носивших такое имя, – короля Владислава (Ласло) IV. Мы имеем в виду отмеченное автором «Сказания...» тайное крещение Владислава по православному обряду и его сердечную привязанность к православной вере при внешнем соблюдении латинских обычаев: «А Владиславъ краль бе братень сынъ Саве, архиепископу серьпському, и крещень бысть от него и дръжаше веру христову во срьдци тайно, а языкомъ и кральвьскимъ украшением бяше латынинъ»¹⁰⁹.

Насколько можно судить, подобная характеристика могла относиться только к королю Владиславу IV. Как уже отмечалось, он действительно состоял в родстве с Саввой Сербским. Более того, Владислав IV не без оснований подозревался в вероотступничестве высшими иерархами католической церкви и имел стойкую репутацию еретика.

В начале 1279 г. в ответ на многочисленные обвинения венгерского короля в отступлении от христианства, полученные от правителей соседних государств, а также от его собственных подданных, папа Николай III направил в Венгрию своего легата Филиппа, епископа Фермо, с целью провести расследование. Легат созвал собор католических иерархов в Буде, который отказался признавать христианами восточных схизматиков и запретил священникам восточного обряда вести службу. Собор также потребовал от Владислава изгнать схизматиков из своего королевства и принять меры по принудительному обращению половцев, принявших христианство, к оседлой жизни с расселением их в строго отведенных местах. Внешне подчинившись этим требованиям, Владислав не принял действенных мер к их ис-

полнению. Тогда папский легат отлучил короля от церкви. Последний обратился за помощью к половцам и взял под стражу епископа Филиппа. Однако самоуправство короля вызвало осуждение со стороны венгерской знати: трансильванский воевода Финта Аба силой захватил Владислава и заставил примириться с легатом¹¹⁰.

Поддержка, оказываемая Владиславом IV православию, и бездействие в отношении половцев, навсегда испортили отношения короля с римской церковью. Положение еще более усугубилось после того, как в 1286 г. король взял под арест свою жену Елизавету Анжуйскую, а в 1287 г. похитил из монастыря свою сестру Эржебет, чтобы выдать замуж за чешского магната Завиша из Фалькенштейна. За это эстергомский архиепископ Лодомер вновь отлучил короля от церкви, а папа Николай IV (1288–1292) даже строил планы крестового похода против Венгрии с целью передачи власти в стране племяннику короля Карлу Мартеллу Анжуйскому. После убийства Владислава по требованию папы было начато специальное расследование, призванное определить, умер ли король как еретик и раскольник или же как католик¹¹¹.

Победа над татарами короля Карла Роберта

Попробуем выяснить, о какой победе венгерского короля Владислава над татарами, предшествовавшей переселению валахов Драгоша в Молдавию, говорится в «Сказании вкратце о молдавских господарях».

Эта победа не может быть связана с рассмотренным выше походом через Карпаты венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи, совершенным в 1345 г. Описывающие его венгерские хроники говорят, что королевские войска разбили татар в их собственных землях: «большое войско вторглось в землю, где они (татары. – А. М.) обитали» (Янош из Тырнова); «предали мечу бесчисленное множество тартар в земле их» (анонимный минорит)¹¹². О том, что эти земли находились к востоку от Карпат, где преобладало русское население, подчинявшееся власти татар, может свидетельствовать королевская грамота 1357 г., в которой сказано, что поход Андрея Лакфи был направлен «против тартар и рутенов»¹¹³.

Между тем в «Сказании вкратце о молдавских господарях» прямо указывается, что татары, пришедшие из своих кочевий на реках Прут и Молдова через Карпаты, были разбиты войсками короля Владислава в Трансильвании (Эрдели): «И в лето Владислава коралевства воздвижеса на Угры брань от татарь, от князя Неймета с своих кочевищ, с реки Прута и с реки Молдавы. И преидоша чрезь высокие горы и поперегь земли Угорьския Ерделя, и приидоша на реку Морешь и

ста ту [...] И немногу времени минувшу, и быша битва велика Владиславу королю угорьскому съ татары, с Нейметомъ княземъ на реке на Тисе»¹¹⁴.

Обе названные здесь реки – Тиса и ее левый приток Марош (Му-реш) – расположены к западу от Карпат, в пределах исторической территории Венгерского королевства. Следовательно, описанная в «Сказании...» победа короля Владислава над татарами не соответствует реалиям кампаний 1345 и 1288 г., когда войска венгерских королей действовали в Восточном Прикарпатье, на землях, подвластных татарам.

Кроме того, из дальнейшего сообщения «Сказания...» следует, что битва на Тисе закончилась полной победой королевских войск, в авангарде которых шли «старые римляне» (т. е. православные валахи), и великой радостью короля по случаю разгрома татар: «... и поидоша старые римляне наперед всех и опосле многие люди угрове и римляне одинъ латыньский законъ, и побиша татаръ [...] Краль же Владиславъ укорьский вельми радовашася о такомъ пособии божи...»¹¹⁵. Приведенное описание не согласуется с известными нам событиями нашествия на Венгрию Ногая и Телебуги в 1285 г., в целом имевшего противоположные результаты.

Следовательно, в «Сказании вкратце о молдавских господарях» должно было найти отражение другое событие – крупная победа венгерских войск над татарами во время очередного нападения последних на королевство. Эта победа создала предпосылки для последовавших за ней успешных ответных походов венгров и секеев через Карпаты на земли самих татар, новых побед над ними, вытеснения татар из Карпато-Днестровского региона и заселения освобожденных земель православными валахами – подданными венгерского короля.

Все эти события, по-видимому, должны были происходить непосредственно одно за другим, не будучи разделены значительными промежутками во времени. Победа венгерского короля над татарами в битве на Тисе, по всей видимости, должна была произойти незадолго до успешных ответных походов против татар венгров и секеев, в частности кампании Андрея Лакфи 1345 г.

К тому же, если строго следовать сюжету «Сказания...», между победой на Тисе и началом переселения православных валахов («старых римлян») в Молдавию должно уместиться во времени еще одно событие. После победы над татарами венгерский король разрешил валахам переселиться из прежней области обитания («Старого Рима») к северо-восточным границам королевства, на новые земли в Марамароше и Кришане, жить здесь по православному закону и

взять в жены венгерских женщин: «Владислав же король прия их («старых римлян». – А.М.) с великым хотением а даде имъ землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася и собрашася римляне и живяше ту и пояше за себя жены угоркы от латыньского закону во свою веру християнскую даждь и до ныне»¹¹⁶.

Известные нам венгерские хроники не содержат сведений о крупной победе над татарами войск венгерского короля, которые можно было бы сопоставить с рассказом Славяно-Молдавской летописи. Тем не менее в нашем распоряжении есть свидетельства других средневековых источников, не связанных с венгерским и молдавским летописанием, в которых это событие все же нашло некоторое отражение.

О крупной победе венгерского короля над татарами под 1326 г. коротко сообщается в 125-й главе «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга: «125. Об опустошении земли Венгрии и убийстве 30 тысяч татар. В год от Рождества Христова 1326 король Венгрии убил 30 тысяч из войска татар, которые разорили его королевство»¹¹⁷.

Из слов хрониста следует, что разгром и избиение 30 тысяч татар венгерским королем произошли где-то на территории самого Венгерского королевства, после того как напавшие на страну татары в очередной раз подвергли ее разорению.

Насколько можно доверять этому известию?

Написанная священником Тевтонского ордена Петром из Дусбурга «Хроника земли Прусской» была завершена в том же 1326 г. и представляет картину исторических событий XIII – первой четверти XIV в. Интересующее нас сообщение помещается в заключительной четвертой книге хроники, которая, в отличие от трех предыдущих, повествует о различных событиях всемирной истории с целью вписать деяния ордена в более широкий исторический контекст¹¹⁸.

Венгерские дела стали интересовать орденского хрониста ввиду обострения противоречий с Польшей, которые на рубеже 1320 – 1330-х гг. переросли в масштабный военный конфликт, разделивший Европу на два враждебных лагеря.

Для борьбы с Тевтонским орденом новый польский король Владислав I Локетек (1320–1333) смог найти двух сильных союзников: в 1320 г. он выдал свою дочь Эльжбету за венгерского короля Карла Роберта (1312–1342), а сын и наследник Локетка Казимир в 1325 г. женился на дочери великого князя Литовского Гедимина (1316–1341). В ответ Тевтонский орден заключил ряд договоров с правителями Западного Поморья, Галиции, Мазовии, Брандербурга и Чехии, имевшими собственные претензии к Польше. Наиболее деятельным союзником ордена стал чешский король Иоганн Люксембургский (1310–1346), имевший права на польский престол¹¹⁹.

Война между двумя коалициями началась в 1327 г. На помощь ордену, объявившему крестовый поход против Литвы, пришел чешский король с сильным войском, состоявшим в основном из немецких и английских рыцарей. В ответ Владислав Локетек напал на подчиненную ордену Кульмскую (Хелминскую) землю. В 1330 г. войска чешского короля вторглись в пределы Польши, захватили Добжиньскую и Плоцкую земли и разорили Великую Польшу. После этого орден и Польша заключили перемирие, а их спор был вынесен на суд монархов Чехии и Венгрии. Новый польский король Казимир в итоге уладил дело дипломатическим путем, выплатив денежную компенсацию Иоганну Люксембургскому в обмен на его отказ от дальнейших претензий на польский престол¹²⁰.

В описанных событиях активное участие принимали войска венгерского короля, воевавшие на стороне Владислава Локетка. В частности, венгерские отряды участвовали в походах польского короля на Кульмскую землю. В дополнениях к «Хронике земли Прусской», написанных, вероятно, также Петром из Дусбурга и включающих известия за 1326 – 1330 гг., сообщается, что осенью 1330 г. «Локетек, король Польши, со всеми всадниками своего королевства и многими данниками и 8 тысячами воинов, которых ему послал на помощь король Венгрии из народа своего, мощно вторгся в землю Кульмскую и осадил город и замок ШёнENZE...»¹²¹.

О том, что прусский хронист в описываемый период внимательно следил за событиями, происходившими в Венгрии, свидетельствует детальный рассказ о неудачном походе венгерского короля против мятежного воеводы Мунтении Басараба и разгроме королевских войск в битве при Посаде в ноябре 1330 г.: «Между тем как венгры разоряли землю Кульмскую, король Венгрии с огромным войском выступил против одного короля, подданного своего. Когда он напал на его королевство, то крестьяне этой волости пилами подпилили посредине деревья в лесу, по которому венгры должны были пройти на обратном пути, чтобы когда одно упадет, то, коснувшись другого, повалило бы его и так далее. Вот почему случилось, что когда при отступлении венгры вошли в упомянутый лес и вышеупомянутые крестьяне толкнули деревья, то они упали друг на друга, и так все, падая со всех сторон, они придавили великое множество венгров»¹²².

Отмеченное в «Хронике...» Петра из Дусбурга крупное поражение татар в Венгрии, как кажется, нашло отражение и в других источниках.

В письме к венгерскому королю Карлу Роберту от 5 августа 1331 г. папа Иоанн XXII (1316–1334) сообщал, что недавно ему стало известно из писем самого Карла, доставленных его послом братом Иоанном, провинциальным министром ордена миноритов в Венгрии,

сразу о нескольких важных событиях. Во-первых, о славных победах короля над татарами и другими врагами католической веры и, во-вторых, о случайном поражении, постигшем Карла и его войско, возвращавшееся из похода и попавшее в засаду¹²³.

Очевидно, что в числе славных побед над татарами и другими врагами католической веры папа прежде всего имел в виду описанный выше разгром напавших на Венгрию татар войсками Карла Роберта, о чем последний сам сообщал папе в одном из несохранившихся до нашего времени посланий.

Победа венгров над татарами побудила папу впервые после нашествия Батыя поставить вопрос о возрождении Милковской епархии, что произошло, вероятно, уже в конце 1320-х гг. В 1332 г. в письме к эстергомскому архиепископу Иоанн XXII распорядился возвести в сан милковского епископа Витуса Монтеферрийского¹²⁴. Подобному решению папы, несомненно, должна была предшествовать крупная победа над татарами, приведшая к ослаблению их влияния к востоку от Карпат, сопоставимая по своим масштабам с успехом Андрея Лакфи в 1345 г., за которым, как мы видели, последовали аналогичные меры со стороны папы.

С какими событиями могло быть связано нападение татар на Венгрию, обернувшееся их тяжелым поражением от королевских войск?

О пребывании татар к северу от Дуная в 1326 г. сообщает Лаоник Халкокондил (ок. 1423 – ок. 1490) в своей «Истории в десяти книгах», освещающей события 1298–1463 гг., главным образом противостояние Византии с турками. Согласно греческому хронисту, нападение турок, дошедших в 1326 г. до Дуная, удалось остановить с помощью татар, переправившихся с северного берега реки¹²⁵.

Возможно, татары появились в Трансильвании как союзники Византии. По сведениям греческих хроник, император Андроник III Палеолог (1328–1341) в начале царствования заключил с ними мирный договор¹²⁶. Арабский купец и путешественник Ибн Баттута (1304–1377) сообщает, что одна из дочерей Андроника была выдана за хана Золотой Орды Узбека¹²⁷. Впрочем, отношения Византии и Золотой Орды в 1320–1330-е гг. в целом оставались весьма противоречивыми, а сведения о браке дочери императора с золотоордынским ханом не находят подтверждения в византийских источниках и, скорее всего, являются не вполне достоверными¹²⁸.

Более вероятной представляется связь нападения татар на Венгрию в середине 1320-х гг. с мятежом мунтянского воеводы Басараба (упоминается также как Иванко Басараб), приведшим к возникновению независимого Румынского государства. Судя по характерному тюркскому имени, Басараб мог происходить из рода знатных половцев (*bas-* –

«голова, главный», *-aba* – уважительное «отец, старший брат»), кроме того, известно о тесных контактах Басараба с татарами и их союзниками на Балканах. Пришедший к власти в Мунтении около 1314 г., Басараб, по-видимому, с самого начала своего правления признал зависимость от Золотой Орды и с ее помощью вел борьбу против Венгрии¹²⁹.

О союзе Басараба с «черными татарами» упоминает сербский царь Стефан Урош IV Душан (1331–1355) в автобиографической заметке, помещенной во введении к его «Законнику». По мнению новейших исследователей, *черными* могли называться татары, обитавшие на территории современной Молдавии¹³⁰.

Поражение Карла Роберта, нанесенное Басарабом в 1330 г., немедленно отразилось на венгерско-татарских отношениях. За ним последовала целая серия нападений татар на Венгрию, имевших место в 1332, 1334 и 1338 гг.¹³¹ Правда, все эти вторжения не оставили следов в королевских грамотах и исторических хрониках, судить о них можно только по не вполне ясным упоминаниям (или, скорее, намекам) в папской корреспонденции. По-видимому, стычки с татарами в 1330-х гг. носили локальный характер и не имели для Венгрии тяжелых последствий¹³².

Наконец, остается еще одна, на наш взгляд, наиболее вероятная возможность объяснения причин татарского нападения на Венгрию в середине 1320-х гг. Ввиду того что вторжение и разгром татар нашли отражение в «Хронике земли Прусской», эти события, как кажется, могут касаться не только венгерско-татарских отношений, но и взаимодействия королевской власти с немецкими колонистами, тесно связанными с Тевтонским орденом в Пруссии.

Хеннинг фон Петерсдорф, предводитель трансильванских саксов

В «Сказании вкратце о молдавских господарях» есть еще один след, позволяющий продолжить поиск отразившихся в памятнике исторических реалий. Это имя предводителя напавших на Венгрию татар – *Неймет* («воздвигся на Угры брань от татарь, от князя Неймета»).

Еще никому из исследователей не удалось объяснить, с каким из татарских антропонимов может быть связано такое имя, и кому из известных ныне правителей или иных исторических деятелей Золотой Орды оно могло принадлежать.

Между тем совершенно очевидна фонетическая связь имени *Неймет* с венгерским этнонимом *német* («немец»). Образованный от такого этнонима антропоним мог возникнуть только в венгерской

языковой среде. В румынском и молдавском языках этноним *немец* имеет другие эквиваленты: *german/джерман, neamț/нямц*.

По-видимому, *Немцем* или *Саксом* в средневековой Венгрии могли называть кого-нибудь из трансильванских саксов (венг. *Erdélyi szászok*, нем. *Siebenbürger Sachsen*, рум. *Sași*).

Выходцы из различных немецких земель (преимущественно из долины Мозеля) составляли основное население исторической области Бурценланд (Цара Бырсей) в Южных Карпатах.

Немецкая колонизация юго-восточных окраин Трансильвании началась в середине XII в., когда венгерский король Геза II (1141–1162) пригласил туда немцев-рудодокопов, рассчитывая с их помощью развивать местную горную промышленность. Вторая волна немецкой колонизации началась в 1211 г., когда королём Андреем II (1205–1235) были приглашены в Бурценланд рыцари Тевтонского ордена, оставшиеся не у дел после поражения в Палестине. Рыцари возвели на карпатских перевалах несколько крепостей, в том числе замок Кронштадт (ныне Брашов, административный центр одноименного жудеца Румынии). Однако чрезмерная самостоятельность тевтонцев встревожила Андрея II, и в 1225 г. он настоял на их переселении в Пруссию¹³³.

В ходе немецкой колонизации особое значение получили поселения вокруг Германштадта (ныне Сибиу, административный центр одноименного жудеца), которые должны были служить пограничными крепостями для защиты Венгрии от кочевников. Из района Германштадта немецкая колонизация продолжалась далее на восток, где возник город Мюльбах (ныне Себеш в жудеце Альба). В конце XIII в. первые группы немецких колонистов проникли в Марамарош, основав поселения по обоим берегам Тисы (в Хусте, Виске, Течуе и Кымпулунге, жудец Марамуреш в Румынии). Еще одно поселение – Сигет – было основано ими позднее, вероятно, в начале XIV в.¹³⁴

В 1324 г. трансильванские саксы восстали против венгерского короля Карла Роберта. Недовольство было вызвано проводимой им с помощью нового трансильванского воеводы Тома Сечени политикой, направленной на ограничение автономных прав и иных привилегий, которыми изначально пользовались «немецкие гости» в Венгерском королевстве¹³⁵.

Восстание возглавил комит Хеннинг из Петрифалеу или граф Хеннинг фон Петерсдорф (Graf Henning von Petersdorf). Об этом свидетельствуют два документа трансильванского воеводы и комита Солнока Тома, изданные 12 апреля 1325 г. в Деве (ныне административный центр жудеца Хунедоара). В первом, более пространным документе воевода Тома распоряжается возвратить наследникам

комита Хеннинга поместья, отобранные Карлом Робертом за то, что этот комит восстал против короля вместе с трансильванскими саксами¹³⁶. Второй документ содержит предписание воеводы Томы капитулу Альба-Юлии выдать наследникам комита Хеннинга грамоты на владение Петрифалеу¹³⁷. Из документов следует, что выступление саксов имело широкий размах, для его подавления королю пришлось объявить мобилизацию верных дворян и лично возглавить экспедицию в Трансильванию.

Боевые действия продолжались с июня по август¹³⁸. Под напором королевских войск восставшие отступили к замку Репс (ныне Рупеа в жудеце Брашов) и несколько недель выдерживали осаду. Но силы были неравными. В одной из стычек с королевскими войсками Хеннинг фон Петерсдорф погиб. В результате этого восстания король должен был пойти на некоторые уступки саксам. Тем не менее задуманная им административная реформа была проведена до конца: на заселенных саксами землях были созданы новые территориально-административные образования в главе с назначенными королем чиновниками¹³⁹.

По всей видимости, восстание саксов 1324 г. опиралось на военную поддержку со стороны татар. К такому выводу приходит большинство современных исследователей¹⁴⁰. Основанием для этого может служить следующий факт. После поражения восставших королевские войска под командованием Финты де Менде (Phynta de Mende) совершили поход через Карпаты «в земли татар» (in terram ipsorum Tartarorum), о чем свидетельствует жалованная грамота Карла Роберта от 10 октября 1324 г.¹⁴¹

Указанная грамота является подтверждением более раннего королевского пожалования в адрес Финты, сына Самуила, за его заслуги в борьбе с татарами. Оригинал первоначальной дарственной не сохранился, ее краткое содержание отражено лишь в королевских регестах¹⁴². Исходя из этого, некоторые исследователи датируют упомянутую в документе экспедицию против татар предыдущим 1323 г.¹⁴³ Однако из грамоты ясно следует, что впервые пожалование было сделано 12 августа 1324 г., когда Карл Роберт находился в Трансильвании. До мая 1324 г. король, судя по изданным им документам, в течение нескольких лет постоянно находился в Темешваре (нены – Тимишоара в Румынии), а затем в Буде и Вышеграде¹⁴⁴, и только в июне 1324 г. прибыл на юг Трансильвании, оставаясь здесь, по меньшей мере, до августа¹⁴⁵. Следовательно, экспедиция Финта де Менде могла состояться только в течение летних месяцев 1324 г., т. е. одновременно или сразу же после подавления восстания трансильванских саксов.

Цели экспедиции источник прямо не разъясняет. Тем не менее можно думать, что она носила военный характер и привела к боевым

столкновениям с татарами. Опасаясь ответных действий со стороны татар, Карл Роберт в 1325 г. обратился к папе с просьбой о помощи в борьбе с «неверными народами», живущими в непосредственной близости от границ его королевства¹⁴⁶.

Войскам Финты де Менде, очевидно, сопутствовал успех, который иногда даже сравнивают с победой над татарами Андрея Лакфи в 1345 г.¹⁴⁷ Во всяком случае, в результате похода в плен было захвачено несколько татар. Двое из них, по-видимому, представляли какую-то особую ценность и были отправлены венгерским королем Римскому папе. В булле от 1 октября 1325 г. папа Иоанна XXII особо благодарит Карла Роберта за присылку двух юных татарских пленников (*duos videlicet iuvenes Tartaros*)¹⁴⁸.

Очевидно, известная по документам 1324–1325 гг. победа венгерского короля над восставшими немецкими колонистами, подержанными татарами, может быть сопоставлена с сообщением «Хроники земли Прусской» о разгроме и массовом избиении татар венгерским королем, помещенным под 1326 г. Не исключено, что речь идет вообще об одном и том же событии, освещаемом, так сказать, с разных сторон, с несколько смещенной датировкой в прусской хронике. Как бы то ни было, причастность трансильванских саксов к нападению татар объясняет интерес к произошедшему со стороны прусского хрониста.

Есть еще одно важное обстоятельство, указывающее на возможную связь победы венгерского короля над татарско-немецкими войсками под предводительством графа Хеннинга фон Петерсдорфа – князя Неймета древнерусского «Сказания...» – с другим описанным в этом источнике событием – переселением в Марамарош православных валахов, перешедших на службу к венгерскому королю вскоре после победы над татарами.

22 сентября 1326 г. Карлом Робертом была издана жалованная грамота в адрес валашского князя Станислава, сына Стена (*Stanislav Kenezu filius Sten*), согласно которой за свою преданность и прежние заслуги перед королем он получал поместье Стрымтура (*Strâmtura*) в Марамароше вместе с другими привилегиями и княжеским титулом¹⁴⁹.

По всей видимости, валашскому князю были пожалованы свободные земли в малонаселенном окраинном комитате, и такое пожалование подразумевало переселение вместе с князем его родственников и прочих членов этно-племенной группы, которую он возглавлял. Потомки Станислава, один из которых носил имя Драгош, упоминаются в документах 1346 и 1408 гг.¹⁵⁰

Переселение в Марамарош валахов князя Станислава, несомненно, продолжало политику венгерских властей по освоению пустующих земель королевства. И, хотя первые валашские поселенцы появились

в Марамароше, вероятно, еще в конце XIII в., жалованная грамота 22 сентября 1326 г. является первым известным ныне письменным свидетельством колонизационной деятельности валашских князей¹⁵¹.

В литературе уже отмечалось, что пожалование валашскому князю Станиславу земель в Марамароше могло быть наградой за его участие в военных действиях венгерского короля против татар, в частности в экспедиции Финты де Менде¹⁵². Переселение в Марамарош, похоже, действительно означало для валахов переход на военную службу к венгерскому королю. Не исключено, что именно марамарошские валахи князя Станислава упоминаются в «Хронике» Яна Длугоша, сообщающего под тем же 1326 г. об участии в походе польского короля Владислава Локетка против Бранденбурга, начатом на праздник Св. Иоанна Крестителя вместе с русинами и литовцами, также валахов¹⁵³, присланных, вероятно, Карлом Робертом.

«Златые Затоцы» Венгерского королевства

Как нам кажется, есть еще одно важное обстоятельство, указывающее на то, что описанная в «Сказании вкратце о молдавских господарях» победа венгров над татарами должна была произойти в первой половине XIV в., не ранее времени правления короля Карла Роберта. Это весьма характерный для своего времени эпитет, использованный в обращении к венгерскому королю «новыми римлянами»: «Великому кралоу Владиславу, Златый Затокъ, рекше угорьскому»¹⁵⁴.

Выражение *Златый Заток*, использованное в обращении к венгерскому королю, неоднократно привлекало внимание исследователей «Сказания...». Отметив в целом исправную передачу составителем Воскресенской летописи текста Славяно-Молдавской хроники, И. Богдан указал на единственную, с его точки зрения, ошибку: лишенный всякого смысла эпитет, данный венгерскому королю Владиславу. Историк признал, что не может дать удовлетворительного объяснения словосочетанию «златый заток» и поэтому оставляет его без перевода на румынский язык.

В качестве возможной версии Богдан предлагает видеть здесь ошибку переписчика Воскресенской летописи. В оригинале рукописи против имени Владислава на полях могла значиться глосса «Златый За(ча)токъ» с надстрочным *ч* под титлом, означавшая, что следующий далее текст письма к королю «новых римлян» нужно писать с красной строки и выделить инициалом. Эту глоссу другой писец не смог правильно разобрать, приняв за эпитет, относящийся к Владиславу, и внес в основной текст¹⁵⁵.

Версию И. Богдана опроверг А.И. Яцимирский, согласно которому выражение «златый заток» в отношении венгерского короля имеет

вполне естественное происхождение и встречается в других памятниках древнерусской письменности¹⁵⁶. В составленном в XVII в. русском переводе некой латиноязычной «Космографии» (оригинал которой не установлен), в главе, посвященной описанию Венгрии, историк находит соответствующую параллель: «Страна Угорская и Ческая. Изъ давныхъ лет короли бывали самовластные, и нарицалися они златыя отоцы, что златыя руды копають множество, и златыя угорския идуть по всей земли»¹⁵⁷.

Мы можем привести еще одну параллель - более близкую. В созданном в начале XVI в. «Послании о Мономаховых дарах», приписываемом киевскому митрополиту Спиридону-Савве, для обозначения Венгерского королевства использован эпитет *Затоци Златые*. В «Послании...» рассказывается, что после получения власти над миром римский кесарь Август должен был поставить во всех странах своих наместников, в том числе и в Венгрии, куда он назначил Пиона: «...и Пиона постави в Затоцах Златых, иже ныне наричютца Угрове»¹⁵⁸.

Как видим, выражения *Златый Заток* и *Затоци Златые*, используемые для обозначения венгерского короля и Венгерского королевства, появляются в русской письменности практически одновременно - в начале XVI в. Название *Златые Затоцы*, очевидно, следует признать более правильным, тогда как встречающаяся в анонимной «Космографии» XVII в. форма *Златые Отоцы*, по-видимому, является ошибочной. Во всяком случае термины *отокъ* и *отоцы* не фиксируются в словарях древнерусского языка. Термин *затокъ*, напротив, хорошо известен и употребляется в нескольких значениях. В некоторых случаях существительное мужского рода *затокъ* образуется от глагола *заточити* в значении «заключить под стражу, заточить». В XVI - XVII вв. у глагола *заточити* появляется еще одно значение - «выстраивать, устроить», возможно, под влиянием польского *zatoczyć*¹⁵⁹.

Из описания Венгрии, помещенного в анонимной «Космографии» XVII в., следует, что именование венгерских королей «златыя отоцы (затоцы)» связано с массовой добычей золотой руды («златыя руды копають множество») и таким же массовым производством золотых монет венгерской чеканки, имевших хождение во многих европейских странах, в том числе в Молдавии и Валахии («златыя угорския идуть по всей земли»).

Подобное объяснение прямо отправляет нас к хорошо известным событиям, произошедшим в Венгрии в правление короля Карла Роберта, начавшего широкомасштабную добычу золотоносной руды и массовую чеканку венгерских золотых форинтов.

После открытия в 1320-х гг. двух крупнейших в Европе месторождений золота и серебра - в окрестностях Кермецбани (ныне Кремница в Банскобыстрицком крае Словакии) и Надьбани (ныне

Бая-Маре, административный центр жудеца Марамуреш Румынии) - Венгрия стала ведущим производителем драгоценных металлов и сохраняла этот статус вплоть до открытия Нового Света. Во второй половине XIV – начале XVI в. страна поставляла на мировой рынок до одной трети всех драгоценных металлов – 3 тыс. фунтов золота и 20 тыс. фунтов серебра ежегодно. Около 1325 г. на недавно построенном монетном дворе в Кермецбаны Карл Роберт по образцу флорентийского флорина начал массовый выпуск венгерского золотого форинта, имевшего постоянную стоимость и устойчивый обменный курс по отношению к серебряному динару. Венгерские золотые монеты очень быстро стали одним из самых популярных в Европе денежных средств¹⁶⁰.

Сказанное позволяет заключить, что эпитет *златый заток* в значении «изготовитель золотых монет» или «владелец золотых копий» мог быть обращен в адрес венгерского короля не ранее того, как Венгрия превратилась в крупнейшего экспортера золота производителя золотых монет, используемых в качестве международной валюты. Первым и наиболее вероятным обладателем прозвища *Златый Заток* среди венгерских правителей, как кажется, мог быть король Карл Роберт, чья успешная денежная реформа заложила фундамент финансового благополучия королевства.

Церковная политика воеводы Басараба

Описанное в «Сказании вкратце о молдавских господарях» обострение вражды православных «романовцев», или «старых римлян» с недавно обращенными в католичество «новыми римлянами», произошедшее в правление короля Владислава и закончившееся вынужденным переселением «романовцев» на новые земли в Марамароше и Кришане, по-видимому, также может найти объяснение в реальных событиях первой половины XIV в.

В XIII – начале XIV в. в Великой и Малой Валахии (Мунтении и Олтении), по-видимому, еще не существовало особой церковной организации. В силу традиционно преобладавшего болгарского церковного влияния большинство местного населения тяготело к православию, а большая часть валашского духовенства принадлежала к Видинской, Доростольской и Вичинской православным епархиям. Валашские священники рукополагались и подчинялись иерархам, поддерживавшим каноническую связь с Константинопольским патриархатом, которых Римский папа пренебрежительно называл «псевдоепископами»¹⁶¹.

Положение стало меняться во время правления мунтянского воеводы Басараба I. Чтобы заручиться поддержкой папы в своем противостоянии с венгерским королем, мятежный воевода начал

оказывать активную поддержку католическим миссионерам и, возможно, сам принял католичество. Во всяком случае, после того как Басараб заложил кафедральный собор (Biserica Domneasca) в своей новой столице Куртя-де-Арджеш, папа Иоанн XXII в булле от 1 февраля 1327 г. назвал его «преданным католическим князем» (Princers devotus Catholicus) и призвал продолжать поддержку церкви в борьбе со всеми ее врагами¹⁶². Этот факт, несомненно, свидетельствует о сотрудничестве мунтянского правителя с апостольским престолом, детали которого остаются неясными¹⁶³.

Впрочем, сближение правителей Валахии с католической церковью продолжалось недолго. Сын и преемник Басараба Николае I Александру (1351/1352–1364) был сторонником православия. Уже в 1359 г. он получил санкцию константинопольского патриарха на учреждение Угровлашской православной архиепископии с центром в Куртя-де-Арджеш¹⁶⁴. Новую епархию возглавил вичинский митрополит Иакинф Критопул, бежавший со своей прежней кафедры из-за притеснений со стороны татар¹⁶⁵.

Таким образом, если гонения на православие, вынудившие часть валахов переселиться в другие земли, действительно имели место в Мунтении, то произойти это могло, по-видимому, только в период воеводства Басараба I, незадолго до начала 1327 г., когда его сближение с папой, очевидно, достигло своего апогея.

Это наблюдение, как представляется, подкрепляет сделанный выше вывод о том, что в древнерусском «Сказании...» отразилось участие валахов в победе венгерского короля над объединенным татарско-немецким войском в 1324 г.

Сохранившиеся исторические документы, как кажется, подтверждают участие в кампании наряду с православными валахами («романовцами» или «старыми римлянами») валахов-католиков («новых римлян»), сторонников воеводы Басараба.

Жалованная грамота от 26 июля 1324 г. свидетельствует о награждении венгерским королем Карлом Робертом магистрата Мартина, сына Бугара, графа Силадьи (Szilagyí) за оказанные им многочисленные услуги, в том числе за многократную доставку посланий «Басарабу воеводе по ту сторону гор»; при этом последний именуется «нашим трансильванским воеводой» (Transalpinum Nostrum woyuodam)¹⁶⁶.

Как следует из документа, незадолго до 26 июля 1324 г. между королем и его мятежным воеводой было достигнуто соглашение, ставшее результатом длительных и трудных переговоров. Грамота была издана, когда король со своими войсками уже находился на юго-востоке Трансильвании и вел борьбу с восставшими саксами и поддерживавшими их татарами. Это обстоятельство наводит на

мысль, что временное примирение с Басарабом могло быть связано с необходимостью вооруженной борьбы с немцами и татарами¹⁶⁷.

Очевидно, следствием договоренности с мунтянским правителем стало прибытие на помощь королю военных отрядов, состоявших как из православных, так и из принявших католичество валахов. В одном из посланий Басараба, упоминаемых в королевской грамоте от 26 июля 1324 г., могла содержаться та самая просьба, которая изложена в письме «новых римлян» к венгерскому королю, приведенном в «Сказании вкратце о молдавских господарях», – поставить православных валахов впереди всего войска и тем самым обречь их на верную гибель.

Итак, по нашему мнению, описанные в древнерусском «Сказании вкратце о молдавских господарях» события происходили в первой половине XIV в. в правление двух венгерских королев Анжуйской династии – Карла Роберта и Людовика. Оба они фигурируют под именем Владислав в силу сложившейся в средневековой Венгрии традиции использовать образ св. Владислава как универсальный сакральный символ королевской власти.

Описанная в первой части «Сказания...» победа над татарами может быть связана с реальными событиями 1324 г. – подавлением поддержанного татарами восстания трансильванских саксов, за которым последовало переселение православных валахов из Мунтении в Марамарош. Переселение валахов воеводы Драгоша на молдавские земли могло произойти не ранее конца 1340-х гг. и было обусловлено вытеснением татар из Восточного Прикарпатья вследствие крупной победы над ними войска венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи в 1345 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текст памятника по одиннадцати спискам опубликован: Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул, отв. ред. В.И. Буганов. М., 1976. С. 55-59. См. также: *Cronicile slavo române din sec. XV–XVI publicate de Ion Bogdan / Ed. Revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959. P. 158-160.*

2. *Буганов В.И., Грекул Ф.А. Введение // Славяно-Молдавские летописи... С. 6-13.*

3. Мореш (Марош, Муреш) – левый приток Тисы.

4. Маромаруш (Марамарош) - исторический комитат в северо-восточной части Венгерского королевства, ныне территория Закарпатской области Украины и жудеца Марамуреш Румынии.

5. Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793. Ч. 1.

- С. 53-58; Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. 7. С. 256-259.
6. Обзор историографии вопроса см.: *Грекул Ф.А.* Историография славяно-молдавского летописания XV – XVI вв. // *Летописи и хроники.* 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 172-188; *Руссев Е. М.* Молдавское летописание: памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982. С. 53-56.
7. *Petriceicu-Hasdeu B.* Domnița Elena // *Traian.* București, 1869. Nr. 75. P. 302.
8. *Onciul D.* Opere. București, 1946. P. 311; *Bogdan I.* Scrieri alese. București, 1968. P. 318.
9. *Bogdan I.* Scrieri alese. P. 316-317.
10. *Minea I.* Letopisețele moldovenești scrise slavonește // *Cercetări istorice.* Iași, 1925. Nr. 1. P. 29-30.
11. *Brătianu G.* Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești. București, 1945. P. 150-151.
12. *Ciobanu St.* Istoria literaturii române vechi. Chișinău, 1992. P. 117.
13. *Cronicile slavo-române din sec. XV – XVI...* P. 153.
14. См.: *Spinei V.* Moldavia in the 11th – 14th Centuries. București, 1986. P. 197; *Pecican O.* Când a fost scrisă Gesta lui Roman și Vlahata? // *Pecican O.* Troia, Veneția, Roma, Cluj-Napoca, 1998. P. 244-245; *Ungheanu M.* Români și «Tălharii Romei». București, 2005. P. 101-102, 136.
15. В 1703 г. монастырь в Сэпынца - Пери был разорен и закрыт вследствие антигабсбургского восстания Франциска II Ракоши. Обитель возрождена в 2004 г. на территории, присоединенной после Второй мировой войны к Украине (село Грушево Тячевского района Закарпатской области).
16. См.: *Pecican O.* Când a fost scrisă Gesta lui Roman și Vlahata? P. 244-252.
17. См.: *Papacostea Ș.* Întemeierea Mitropoliei Moldovei: implicații central-și est-europene // *Români în istoria universală.* T. III. Vol. 1 / Coordonatori I. Agrigoroaiei, Gh. Buzatu, V. Cristian. Iași, 1988. P. 530–532.
18. *Gorovei St.* Dragoș și Bogdan. București, 1973. P. 100, 106-107.
19. *Яцимирский А.И.* Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи. СПб., 1901.
20. См., напр.: *Мохов Н.А.* Формирование молдавского народа и образование молдавского государства. Кишинев, 1959. С. 12.
21. *Болдур А.В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи // *Археографический ежегодник за 1963 год.* М., 1964. С. 74-75.
22. Там же. С. 77-83.
23. *Зимин А.А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* Сб. статей, посвящ. Л.В. Черепнину. М., 1972. С. 135. О миссии Федора Курицына в Венгрию и Молдавию см.: *Гонца Г.В.* Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. Кишинев, 1984. С. 35.
24. Славяно-Молдавские летописи... С. 24, 35, 62, 68, 105, 117.
25. *Grigore Ureche.* Letopisețul Țării Moldovei / Ed. P. P. Panaitescu. 2 ed. București, 1958. P. 68-69; *Григоре Уреке.* Летописецул Цэрий Молдовеи / Ст. Е. Руссев. Кишинэу, 1971. С. 62-64.
26. *Левина С.А.* Летопись Воскресенская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев.* Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 40.

27. *Petriceicu-Hasdeu B.* Negru-Vodă. Un secol și jumătate din începuturile statului Țării Românești, 1230–1380 // *Etymologicum magnum Romaniae.* București, 1898. T. IV. P. CXXXIX–CXLII.

28. *Ibid.* P. CLXI–CXX.

29. См.: *Tătulea C. M.* Romula-Malva. București, 1994.

30. См.: *Зеленчук В.С.* Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван // *Историографические аспекты славяно-волошских связей / Отв. ред. Н.А. Мохов. Кишинев, 1973. С. 13. См. также: Chihaiia P.* De la «Negru Vodă» la Neagoe Basarab: interferențe literar-artistice în cultura românească a evului de mijloc. București, 1976.

31. См.: *Ursache P.* Eseuri etnologice. București, 1986. P. 133–134; *Ciobanu St.* Istoria literaturii române vechi. P. 117; *Ungheanu M.* Românii și «Tâlharii Romei». P. 372–379.

32. *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005. P. 157. См. также: *Györffy Gy.* Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. K. IV: Liptó, Máramaros, Moson, Nagysziget, Nógrád, Nyitra, Pest és Pilis megye. Budapest, 1998. O. 111–121.

33. *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов / Пер. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.А. Шастина. М., 1957. С. 82.

34. *Brătianu Gh.I.* Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești, București, 1980. P. 164; *Русцев Н.Д.* Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2005. № 2. [Кишинев]. ISSN 1857-2685. С. 94.

35. Песнь о Нибелунгах / Пер. и примеч. Ю.Б. Корнеева. Л., 1972 (Литературные памятники). С. 157.

36. См.: *Spinei V.* Moldavia in the 11th – 14th Centuries... P. 199; *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 158, n. 96.

37. См.: *Параска П.Ф.* Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981. С. 50–62; *Полевой Л.Л.* «...И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев, 1990. С. 17–21.

38. *Cronicile slavo-române...* P. 14, 48, 60, 158, 191; Славяно-Молдавские летописи... С. 24, 35, 55, 60, 62, 68.

39. Славяно-Молдавские летописи... С. 105, 117.

40. *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, 1347 – 1412 // *The Slavonic and East European Review.* 1986. T. 64 (2). P. 190–191; *Niculescu A.* Romania Hungarica // *Revista Literară Vatra.* 2005. Nr. 1–2. P. 116–125; *Harjula M.* Romanian Historia. Norderstedt, 2009. P. 19. См. также: *Brezianu A., Spânu V.* Dragoș Vodă (? – ca. 1353) // *Historical Dictionary of Moldova* (2nd ed.). Lanham, 2007. P. 124–125.

41. *Gorovei St.* Întemeierea Moldovei. Probleme, controversă, Iași, 1997. P. 109.

42. *Ioannis Thwroc.* Cronica Hungarorum. Ab origine gentis inserta simul Chronica Ioannis archidiaconi de Kikullew // *Scriptio rerum Hungaricorum / Ed. I. G. Schwandtner.* Tyrnaviae, 1765. Pars I. P. 177.

43. *Onciul D.* Scrieri istorice / Ed. critică îngrijită de A. Sacerdoțeanu. București, 1968. Vol. I. P. 89–130.

44. *Ibid.* P. 303–304.

45. Documente privitoare la istoria românilor / Culese de E. Hurmuzaki și editate de N. Densușianu. București, 1987. Vol. I. Partea 1. P. 484.
46. *Xenopol A.D.* Istoria românilor din Dacia Traiană. (Ed. a IV-a). București, 1986. Vol. II / Text stabilit de N. Stoicescu și M. Simionescu. Note comentarii, prefață, indice și ilustrația de N. Stoicescu. P. 30-33.
47. *Stoicescu N.* Note și comentarii // *Xenopol A.D.* Istoria românilor din Dacia Traiană. Vol. II. P. 51, n. 3. Подробнее см.: *Stoicescu N.* «Descălecat» sau întemeiere? O veche preocupare a istoriografiei românești. Legendă și adevăr istoric // Constituirea statelor feudale românești / Redactor coord. N. Stoicescu. București, 1980. P. 123-164.
48. Cronicile slavo-române... P. 317-318.
49. *Schlözer A.L.* Geschichte von Litauen als einem eigenen Großfürstenthume bis zum Jahre 1569. Halle, 1785 (Allgemeine Welthistorie der neueren Zeiten. Bd. 32). S. 93 f.
50. *Параска П.Ф.* Внешнеполитические условия... С. 43-49. Из новейших работ этого автора см.: *Parasca P.* Cine a fost «Laslău craiul Unguresc» din tradiția medievală despre întemeierea Țării Moldovei? // Revistă de istorie și politică. 2011. An IV. Nr. 1. P. 7-21. См. также: *Pecican O.* Etapele consemnării legendei lui Dragoș vodă și semnificația lor // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj. Cluj-Napoca, 1990-1991. T. 30. P. 175-178; *Его же.* Dragoș-vodă – originea ciclului legendar despre întemeierea Moldovei // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj. Cluj-Napoca, 1994. T. 33. P. 221-232.
51. Подробнее о нашествии татар на Венгрию в 1285 г. см.: *Sălăgean T.* Transilvania și invazia mongolă din 1285 // Români în Europa medieval. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila, 2008. P. 271-282.
52. *Ioannis Thwroc.* Cronica Hungarorum. P. 247; *Petrus Ranzani.* Epitome rezum Hungaricarum per indices descripta a I. Sambuco // Scriptores rerum Hungaricum / Ed. I. G. Schwandtner. Tyrnaviae, 1765. Pars I. P. 624.
53. *Parasca P.* Cine a fost «Laslău craiul Unguresc»... P. 17.
54. *Grigore Ureche.* Letopisețul Țării Moldovei. P. 68-69; *Григоре Уреке.* Летописецул Цэрий Молдовой. С. 62-64.
55. *Sălăgean T.* Transilvania și invazia mongolă din 1285 // Români în Europa medieval. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila, 2008. P. 274-275.
56. Ibid. P. 281.
57. См.: *Paszkiwicz H.* Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków, 2002; *Wyrozumski J.* Kazimierz Wielki. Kraków, 2004. См. также: *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland... P. 189-211.
58. *Spinei V.* Moldavia in the 11th-14th Centuries. P. 175-176; *Vásáry I.* Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185-1365. Cambridge, 2005. P. 156; *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221 - 1410. Harlow, 2005. P. 213; *Sălăgean T.* Romanian Society in the Early Middle Ages (9th-14th Centuries) // History of Romania: Compendium / Eds. I.-A. Pop and I. Bolovan. Cluj-Napoca, 2006. P. 199.
59. Chronicon Budense / Ed. J. Podhradczki. Budaë, 1838. P. 276-277; *Ioannis Thwroc.* Cronica Hungarorum. P. 221.
60. См.: *Horváth J.* Die ungarischen Chronisten der Angiovinenzeit // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1971. T. 21. S. 375-377.

61. «Item cum gentes Tartarorum in regnum Hungariae seuientes confinia partis Transsilvaniensis et Siculos sepe infestarent, rex ipse strenuum et bellicosum virum Andream filium Lachk vayvodam transsilvaniensem contra ipsos Tartaros cum Siculis nobilibus et valida gente destinavit, qui terram in qua habitabant potenter subintrantes cum principe eorum nomine Athlamos ad resistendum eidem cum magna exercitu in campo obuiantes debellarunt, et ipsum principem eorum decapitauerunt, ac multa banderia et captiuos Tartaros regie maiestati in Vysegrad transmiserunt. Post hec etiam Siculi eosdem Tartaros sepius inuaserunt, et cum magna preda ad propria redierunt. Qui autem ex ipsis Tartaris remanserunt, ad partes maritimas longe distantes ad alios Tartaros fugerunt». Chronicon Dubnicense // Historiae Hungaricae Fontes Domestici (Quenque-Ecclesiae) / Ed. M. Florianus. Budapestini, 1884. Vol. III. P. 167-168.

62. «Item anno domini millesimo trecentesimo quadragesimo quinto, post coronacionem regis Lodouici tercio, circa festum Purificationis Beate Virginis Marie, Siculi cum paucis Hungaris, qui tunc in medio eorum existebant, contra Tartaros procedens deo auxiliante, innumerabilem multitudinem Tartarorum in terra ipsorum in ore gladij percusserunt. Ubi etiam princeps eorum valde potens nomine Othlamus, secundus post Kanum, qui habetat in uxorem sororem ipsius Kani, viuus captus est, sed postea decollatus: pro cuius redempcione quasi infinitam pecuniam promittebant. Sed hungari spreuerunt, precauentes future; vexilla etiam eorum portantes in terram suam, multosque captiuos, et spolia multa nimis in auro et argento, curialibus, necnon gemmis et vestibus preciosis, durauitque bellum inter eos tribus continuis diebus». Chronicon Dubnicense. P. 151-152.

63. Monumenta ecclesiae Strigoniensis. T. IV (1350–1358) / Ed. G. Dreska (et al.). Strigonii; Budapestini, 1999. P. 169. Nr. 137.

64. См.: *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3. С. 25.

65. *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 156, n. 91.

66. *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого. С. 24.

67. *Ванеева Е.И.* Александрия Сербская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 1. С. 21.

68. Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. подг. М.Н. Ботвинник, Я.С. Лурье и О.В. Творогов. М.; Л., 1965 (Литературные памятники). С. 14.

69. *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1: Греко-Византийский период. СПб., 1886 (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 40. № 2). С. 168.

70. Ср.: Александрия. Роман об Александре Македонском... С. 13-14; Chronicon Dubnicense. P. 151-152, 167-168.

71. *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Вып. 1. С. 136, 167.

72. См.: *Ванеева Е.И.* Киевский список Александрии XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 288-292.

73. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th Centuries. P. 177; *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 157.
74. Chronicon Dubnicense. P. 152.
75. См.: *Czamańska I.* Mołdawia i łośszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań, 1996. S. 23; *Бергер Е. Е.* «Черная смерть» // Средние века. М., 2004. Вып. 65. С. 335.
76. Acta Clementis PP. VI (1342–1352) / Ed. A. L. Tautu. Citta del Vaticano, 1960 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. IX). P. 188-189. Nr. 122.
77. *Dobre C.F.* Mendicants in Moldavia: mission in an orthodox land (thirteenth to fifteenth century). Daun, 2009. P. 32-33.
78. Acta Romanorum Pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276-1304) / Eds. F. M. Delorme et A. L. Tautu. Citta del Vaticano, 1954 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. V. Part 2). P. 59-60. Nr. 27.
79. *Papacostea S.* Geneza statului in evul mediu romănesc. București, 1999. P. 42-43; *Dobre C.F.* Mendicants in Moldavia... P. 33-34.
80. Acta Innocentii PP. VI (1352–1362) / Ed. A. L. Tautu. Citta del Vaticano, 1961 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. X). P. 14, Nr. 6. См. также: *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th Centuries. P. 178-181.
81. Chronicon Dubnicense. P. 163-166. См. также: *Knoll P.W.* The rise of the Polish monarchy : piast Poland in east central Europe, 1320–1370. Chicago, 1972. P. 149-151.
82. *Jackson P.* The Mongols and the West... P. 212-213.
83. Chroniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Secondo le migliori stampe e correddate di note filologiche e storiche / Ed. A. Racheli. Trieste, 1858. Vol. II. P. 84, 124-125.
84. См.: *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого. С. 27-29. См. также: *Дашкевич Я.Р.* Угорська експансія на золотоординське Поділля 40–50-х рр. XIV ст. // Україна в минулому. Львів, 1994. Т. 5. С. 32-65; *Его же.* Степові держани на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2006. Вып. 10. С. 112-121; *Черкас Б.* Похід хана Джанібєка на Правобережну Україну 1352 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2010. Вып. 9-10. С. 13-25; *Gedz T.* On the question regarding the location of Proslavia.
85. Documenta historiam Valachorum in Hungaria illustrantia: usque ad annum 1400 p. Christum / Curante E. Lukinich, L. Galdi, A. Fekete Nagy et L. Makkai. Budapest, 1941. P. 178–180; Documenta Romaniae historica. C. Transilvania. 1361–1365 / Ed. M. Berza, Șt. Pascu. București, 1985. P. 398. Nr. 382.
86. *Vásáry I.* Cumans and Tatars... P. 158.
87. *Ioannis Thwroc.* Cronica Hungarorum. P. 245.
88. См.: *Decei A.* Une opinion tendencieuse de l'historiographie hongroise: les origines de Bogdan I, fondateur de la Moldavie // Revue de Transylvanie. 1939. Vol. 5. P. 289-312; *Gorovei St.* Dragoș și Bogdan; *Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland... P. 190–191; *Györffy Gy.* Az Árpád-kori Magyarország

- történeti földrajza. K. IV. O. 118-119. См. также: *Brezianu A., Spânu V.* Bogdan I (? – 1365) // *Historical Dictionary of Moldova* (2nd ed.). Lanham, 2007. P. 56-57.
89. *Sălăgean T.* Romanian Society in the Early Middle Ages... P. 199-200.
90. «Dicitur quoque, quod quamdiu bellum inter Christianos et ipsos Tataros duravit, caput sancti Regis Ladislai, in ecclesia Waradiensis non inveniebatur. Mira certe res! Cum igitur Subcustos eiusdem ecclesiae, causa requirendi ipsum Caput, sacristiam ingressus fuisset, reperit ipsum Caput in suo loco iacere, ita insudatum, ac si vivus de maximo labore, vel calore aestus aliunde reversus fuisset... Ad probationem vero predicti miraculi, quidam ex praedictis Tartaris captivis, valde decrepitis, aiebat: quod non ipsi Siculi et Hungari percussissent eos, sed ille Ladislaus, quem ipsi in adiutorium suum semper vocant, dicebantque et alii socii sui: quod cum ipsi Siculi contra eos praeessissent, antecedebat eos, quidam magnus miles, sedens super arduum equum, habensque in capite eius coronam auream, et in manu sua dolabrum suum, qui omnes nos cum validissimis ictibus, et percussionibus consummebat. Super caput enim huius militis, in aera, quaedam speciosissima Domina, mirabili fulgure apparuit, in cuius capite corona aurea, decore nimio ac claritate adornata, videbatur. Unde manifestum est, praedictos Siculos pro fide lesu Christi certantes, ipsam beatam virginem Mariam, et beatum Regem Ladislaum, contra ipsos paganos... adiuvasse». *Chronicon Dubnicense*. P. 152.
91. См.: *Klaniczay G.* Holy rulers and blessed princesses... P. 173-194.
92. См.: *Montgomery S.B., Bauer A.A.* The Reliquary Bust of Saint Ladislav and Holy Kingship in Late Medieval Hungary // *Decorations for the holy dead: visual embellishments on tombs and shrines of saints* / Ed. by St. Lamia. Turnhout, 2002. P. 77-85; *Wetter E.* Objekt, Überlieferung und Narrativ. Spätmittelalterliche Goldschmiedekunst im historischen Königreich Ungarn. Ostfildern, 2011 (*Studia Jagellonica Lipsiensia*, Bd. 8).
93. *Engel P.* The Realm of St. Stephen: a history of medieval Hungary, 895 – 1526. London [u. a.], 2005. P. 147.
94. См.: *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках Повести о убиении Батыя // *Средневековая Русь*. М., 2013. Вып. 11.
95. *Onciul D.* Scrieri istorice / Ed. A. Sacerdoțeanu. București, 1968. Vol. I. P. 304.
96. *Cronicile slavo-române*... P. 158, n. 3; *Grigore Ureche.* Letopisetul Țării Moldovei. P. 41.
97. *Onciul D.* Scrieri istorice. Vol. I. P. 395, 484, 699-700.
98. *Славяно-Молдавские летописи*... С. 57.
99. См.: *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Budapest, 1963. Tabl. 542-543; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden des Mittelalters, 1325-1540. Graz, 1974. Tabl. 79.2,4,10.
100. См.: *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 566, 572-573; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden... Tabl. 112,4; D1.6; D2.52.
101. См.: *Kurcz A.* Lovagi kultúra Magyarországon a 13-14. Században. Budapest, 1988. Old. 213-215; *Magyar Z.* A Kolozsvári testvérek váradi királyszobrai // *Századok*. 1995. T. 129. Nr. 5. Old. 1155-1166.
102. *Lucie-Smith E.* Uncollected writings: [studies of western art]. London, 2012. P. 42-44. См. также: *Montgomery S.B., Bauer A.A.* The Reliquary Bust of Saint Ladislav and Holy Kingship in Late Medieval Hungary // *Decorations for*

the holy dead: visual embellishments on tombs and shrines of saints / Ed. by St. Lamia. Turnhout, 2002. P. 77-85; Sigismundus - Rex et Imperator: Kunst und Kultur zur Zeit Sigismunds von Luxemburg, 1387–1437. Ausstellungskatalog. Budapest und Luxemburg, März – Oktober 2006 / Hrsg. von I. Takács. Mainz, 2006.

103. *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 597, 636-637; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden... Tabl. F1-5; H2-10, H3-6.

104. *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 674, 676, 680; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden... Tabl. K1-22; K4-2; 15.6; 161.7.

105. *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 1002.

106. См.: *Грекул Ф.А.* Историография славяно-молдавского летописания XV – XVI вв. // Летописи и хроники. 1976 г.: М.Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 172-188.

107. См.: *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках...

108. См.: *Потин В.М.* Венгерский золотой Ивана III // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей к 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1972. С. 282-283.

109. Славяно-Молдавские летописи... С. 55.

110. См.: *Golab K.* De Philippo Firmano Episcopo eiusque statutis legativis a. 1279 // Revista española de derecho canónico. Salamanca, 1961. T. 16. P. 187-200.

111. См.: *Papacostea Ş.* României în secolul al XIII-lea. Între cruciată și Imperiul mongol. București, 1993. P. 162-163.

112. Chronicon Dubnicense. P. 151-152, 167-168.

113. Monumenta ecclesiae Strigoniensis. T. IV. P. 169. Nr. 137.

114. Славяно-Молдавские летописи... С. 55, 56.

115. Там же. С. 56.

116. Там же. С. 57.

117. *Peter von Dusburg.* Chronica terre Prussie / Ed. M. Toppen and tr. K. Scholz and D. Wojtecki. Darmstadt, 1984 (Chronik des Preussenlandes, AQ 25). P. 538. Русский перевод см.: *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. подг. В.И. Матузова. М., 1997. С. 211.

118. *Pollakówna M.* Kronika Piotra z Dusburga. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 185.

119. См.: *Długopolski E.* Władystaw Łokietek na tle swoich czasów. Wrocław, 1951.

120. См.: *Włodarski B.* Polityka Jana Luksemburczyka wobec Polski za czasów Władystawa Łokietka. Lwów, 1935; *Nowacki B.* Czeskie roszczenia do korony w Polsce w latach 1290–1335. Poznań, 1987.

121. *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. С. 216.

122. Там же. С. 217.

123. «Ad nostram nuper veniens presentiam dilectus filius Iohannes fratrum ordinis minorum in Ungaria provincialis minister, tue celsitudinis nuncius, nobis regias litteras, per quas progressum felicem Regium et triumphum gloriosum obtentum contra Tartaros fidei catholice inimicos ac casum sinistram, qui contigit proditoriis tibi et gentibus tuis paratis in regressu insidiis, excellentia

nunciavit regia, et super eis serius referendis fidem petiit dicto nuncio credulam adhiberi, nostro apostolatui presentavit». *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. Vol. I. P. 544. Nr. 845.

124. *Acta Clementis PP. VI.* P. 191. Nr. 122b.

125. *Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice* / Ed. V. Grecu. București, 1958. P. 31-32.

126. *Ioannis Cantacuzent Histriarum* / Ed. L. Schopen. Bonn, 1828. Bd. I. P. 465; *Fontes historiae Daco-Romanae. T. III* / Ed. Al. Elian și N.-Ș. Tanașoca. București, 1975. P. 484-485.

127. *Defremery M. Fragments de geographes et d'historiens arabes et persans inedits relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie Meridionale* // *Journal Asiatique*. Paris, 1849. Vol. 10. P. 179.

128. *Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*. Paris, 1949. P. 83-85; *Laurent V. L'assaut avorte de la Horde d'Or contre d'Empire byzantine* // *Revue des etudes byzantines*. 1960. T. 18. P. 154, 157, 160.

129. См.: *Brătianu Gh. I. Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomană. Ediția a II-a rev. Ed. Polirom. Iași, 1999. P. 380; Iorga N. Condițiile de politică generală în cari s-au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV-XV* // *Studii asupra evului mediu românesc* / Ed. Ș. Papacostea. București, 1984. P. 99; *Panaiteșcu P. P. Mircea l'ancien et les Tartares, în Revue Historique du Sud-Est européen*. 1942. T. 19. Nr. 2. P. 439.

130. *Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea trade in the thirteenth and fourteenth centuries*. Leiden; Boston, 2012 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450-1450. Vol. 20). P. 275-276, n. 548.

131. См.: *Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung, Bd. I: Im Mittelalter bis zum Jahre 1401*, Köln, 1955. S. 173; *Spuler B. Die goldene Horde: die Mongolen in Rußland, 1223-1502*. Wiesbaden, 1965. S. 97; *Knoll P. W. The rise of the Polish monarchy: piast Poland in east central Europe, 1320-1370*. Chicago, 1972. P. 125. n. 20. См. также: *Alexandrescu-Dersca M. M. L'Expédition d'Umur Beg d'Aydin aux Bouches du Danube (1337 ou 1338)*, Bucarest, 1960. P. 18.

132. См.: *Jackson P. The Mongols and the West...* P. 212.

133. См.: *Binder L., Göllner C. & E., Gündisch K. Geschichte der Deutschen auf dem Gebiete Rumäniens. Bd. I: 12. Jahrhundert bis 1848*. Bukarest, 1979.

134. См.: *Popa R. Țara Maramureșului in veacul XIV-lea* / Prefață de M. Berza. Ediția a II-a, îngrijită de A. Ioniță. București, 1997. P. 46-47.

135. *Kristó, Gy. Early Transylvania (895-1324)*. Budapest, 2003). P. 125, 234.

136. *Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II (1321-1330)* / Ed. I. Ionascu (et al.). București, 1953. P. 143-144. Nr. 309. См. также: *Quellen zur Geschichte der Siebenbürger Sachsen, 1191-1975* / Hrsg. von E. Wagner. Köln, 1976 (Schriften zur Landeskunde Siebenbürgens. Bd. 1). S. 43. Nr. 17.

137. *Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II.* P. 144. Nr. 310.

138. *Обзор документов, свидетельствующих о перемещении королевских войск см.: Jackson P. The Mongols and the West...* P. 230, n. 126. См. также:

Iosipescu S. Româniile din Carpații Meridionali la Dunărea de Jos de la invazia mongolă (1241–1243) până la consolidarea domniei a toată Țara Românească. Războiul victorios purtat la 1330 împotriva cuceririi ungare // Constituirea statelor feudale românești. P. 70.

139. См.: *Drotleff D.* Taten und Gestalten: Bilder aus der Vergangenheit der Rumäniendeutschen. Cluj-Napoca, 1983. S. 19-20; *Roth H.* Hermannstadt kleine Geschichte einer Stadt in Siebenbürgen. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 17.

140. См.: *Iosipescu S.* Româniile din Carpații Meridionali la Dunărea... P. 70-71; *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th centuries. P. 128; *Papacostea S.* Between the Crusade and the Mongol Empire: The Romanians in the 13th Century. Cluj-Napoca, 1998. P. 284; *Jackson P.* The Mongols and the West... P. 212; *Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea trade... P. 274-275.

141. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen / Hrsg. von Fr. Zimmermann, C. Warner. Hermannstadt, 1892. Bd. I (1191–1342). S. 387. Nr. 423; Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 135. Nr. 293.

142. Documente privind istoria românilor. C. Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 132-133. Nr. 287.

143. *Параска П.Ф.* Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в средние века / Отв. ред. Я. С. Гросул. Кишинев, 1975. С. 46.

144. Documente privind istoria românilor. C. Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 2-68, 71-72, 82-83, 85, 111, 119-120, 123-124.

145. Ibid. P. 126-127, 129-132.

146. Ibid. P. 159-160.

147. *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th centuries. P. 29, 128.

148. Vetera Monumenta historica Hungarum sacram illustrantia. Vol. I. P. 501-502. Nr. 772.

149. Diplome maramuresene din sec. XIV – XV / Ed. I. Mihaly de Apsa. Sighet, 1900. P. 6-7; Documente privind istoria românilor. C: Transilvania, veacul XIV. Vol. II. P. 197-198. Nr. 407.

150. См.: *Györffy Gy.* Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. K. IV. O. 128.

151. *Vásáry I.* Cumans and Tatars: P. 157.

152. *Giurescu C.C.* Țîrguri sau orașe și cetăți moldavene, din secolul al X-lea până la mijlocul secolului al XVI-lea. București, 1967 (Bibliotheca historica Romaniae. Monographies. T. 2. P. 61).

153. «Et contractis magnis suorum gentium copiis, solatiis etiam vicinorum populorum, videlicet Ruthenorum, Walachorum et Lithuanorum stipatus, Marchiam Brandenburgensem citra et ultra Odram sitam, post jestum Sancti Johannis Baptistae ingreditur». Ioannis Dlugnssii seu Longini Historiae Polonicae libri XII. Lib. III // Ioannis Dlugnssii Opera Omnia / Ed. Al. Przewdziecki, Cracovia, 1876. T. XII. P. 116.

154. Славяно-Молдавские летописи... С. 56.

155. *Bogdan I.* Vechile cronice moldovenesci până la Urechia. Texte slave cu studiu, traduceri și note. București, 1891. P. 67.

156. Яцимирский А.И. Сказание вкратце о молдавских господарях... С. 13
157. Книга, глаголемая Козмография, сложена отъ древнихъ философъ, преведена с Римскаго языка // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 462.
158. Послание Спиридона-Саввы // Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 162.
159. Словарь русского языка XI – XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 322, 324-325.
160. См.: *Sinor D.* A History of Hungary. New York, 1959. P. 89; *Kosáry D. G.* A history of Hungary. New York, 1971. P. 48; *Nagy B.* Transcontinental trade from East-Central Europe to Western Europe (fourteenth and fifteenth centuries) // ...The man of many devices, who wandered full many ways: Festschrift in honor of János M. Bak / Ed. B. Nagy. Budapest, 1999. P. 348.
161. См.: *Iorga N.* Condițiile de politică generală, în cari s'au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV–XV // *Iorga N.* Studii asupra evului mediu românesc / Ed. S. Papacostea. București, 1984. P. 210.
162. Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 384. Nr. 434.
163. См.: *Barbu D.* Pictura murală în Țările române în sec. XIV, București, 1986. P. 15; *Sălăgean T.* Romanian Society in the Early Middle Ages... P. 194.
164. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 – 1453 / Bearb. von F. Dölger. München, 1995. T. IV. P. 141-142. Nr. 2184.
165. *Chihaiia P.* Despre biserica domnească de la Curtea de Argeș și confesiunea primilor voievozi ai Țării Românești // Tradiții răsăritene și influențe occidentale în Țara Românească. București, 1993. P. 42-62; *Rădvan L.* At Europe's Borders: Medieval Towns in the Romanian Principalities. Amsterdam; Boston, 2010. P. 244.
166. Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 129-130. Nr. 282.
167. К подобному выводу приходят и некоторые новейшие исследователи. См.: *Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea trade... P. 274.

Referents

Acta Romanorum Pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276 -1304) / Eds. F. M. Delorme et A.L. Tautu. Citta del Vaticano, 1954 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. V. Part 2).

Acta Clementis PP. VI (1342–1352) / Ed. A.L. Tautu. Citta del Vaticano, 1960 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. IX).

Acta Innocentii PP. VI (1352–1362) / Ed. A.L. Tautu. Citta del Vaticano, 1961 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. X).

Alexandrescu-Dersca M.M. L'Expédition d'Umur Beg d'Aydin aux Bouches du Danube (1337 ou 1338). Bucarest, 1960.

- Barbu D.* Pictura murală în Țările române în sec. XIV. București, 1986.
- Bogdan I.* Vechile cronicе moldovenesci până la Urechia. Texte slave cu studiu, traduceri și note. București, 1891.
- Bogdan I.* Scrieri alese. București, 1968.
- Brătianu Gh.I.* Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești, București, 1980.
- Brătianu Gh.I.* Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomană. Ediția a II-a rev. Ed. Polirom, Iași, 1999.
- Brezianu A., Spânu V.* Bogdan I (?–1365) // Historical Dictionary of Moldova (2nd ed.). Lanham, 2007.
- Brezianu A., Spânu V.* Dragoș Vodă (?–ca. 1353) // Historical Dictionary of Moldova (2nd ed.). Lanham, 2007.
- Chihaia P.* De la «Negru Vodă» la Neagoe Basarab: interferențe literar-artistice în cultura românească a evului de mijloc. București, 1976.
- Chihaia P.* Despre biserica domnească de la Curtea de Argeș și confesiunea primilor voievozi ai Țării Românești // Tradiții răsăritene și influențe occidentale în Țara Românească. București, 1993.
- Chroniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Secondo le migliori stampe e correddate di note filologiche e storiche / Ed. A. Racheli. Trieste, 1858. Vol. II.
- Ciobanu St.* Istoria literaturii române vechi. Chișinău, 1992.
- Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea trade in the thirteenth and fourteenth centuries. Leiden; Boston, 2012 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 20).
- Cronicile slavo române din sec. XV–XVI publicate de Ion Bogdan / Ed. Revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959.
- Czamańska I.* Mołdawia i ołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań, 1996.
- Decel A.* Une opinion tendencieuse de l' historiographie hongroise: les origines de Bogdan I, fondateur de la Moldavie // Revue de Transylvanie. 1939. Vol. 5.
- Deletant D.* Moldavia between Hungary and Poland, 1347–1412 // The Slavonic and East European Review. 1986. T. 64 (2).
- Diplome maramuresene din sec. XIV–XV / Ed. I. Mihaly de Apsa. Sighet, 1900.
- Đługopolski E.* Władysław Łokietek na tle swoich czasów. Wrocław, 1951.
- Dobre C.F.* Mendicants in Moldavia: mission in an orthodox land (thirteenth to fifteenth century). Daun, 2009.
- Documenta historiam Valachorum in Hungaria illustrantia: usque ad annum 1400 p. Christum / Curante E. Lukinich, L. Galdi, A. Fekete Nagy et L. Makkai. Budapest, 1941.
- Documente privitoare la istoria românilor / Culese de E. Hurmuzasei și editate de N. Densușianu. București, 1987. Vol. I. Partea 1.
- Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II (1321–1330) / Ed. I. Ionascu (et al.). București, 1953.
- Documenta Romaniae historica. C. Transilvania. 1361–1365 / Ed. M. Berza, Șt. Pascu. București, 1985.
- Drotleff D.* Taten und Gestalten: Bilder aus der Vergangenheit der Rumäniendeutschen. Cluj-Napoca, 1983.

- Engel P.* The Realm of St. Stephen: a history of medieval Hungary, 895–1526. London [u. a.], 2005.
- Giurescu C.C.* Țîrguri sau orașe și cetăți moldavene, din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. București, 1967 (Bibliotheca historica Romaniae. Monographies. T. 2).
- Gündisch K.* Geschichte der Deutschen auf dem Gebiete Rumäniens. Bd. I: 12. Jahrhundert bis 1848. Bukarest, 1979.
- Golab K.* De Philippo Firmano Episcopo eiusque statutis legativis a. 1279 // Revista española de derecho canónico. Salamanca, 1961. T. 16.
- Gorovei St.* Dragoș și Bogdan. București, 1973.
- Gorovei St.* Întemeierea Moldovei. Probleme, controverse. Iași, 1997.
- Grigore Ureche.* Letopisețul Țării Moldovei / Ed. P.P. Panaitescu. 2 ed. București, 1958.
- Györffy Gy.* Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. K. IV: Liptó, Máramaros, Moson, Nagysziget, Nógrád, Nyitra, Pest és Pilis megye. Budapest, 1998.
- Harjula M.* Romanian Historia. Norderstedt, 2009.
- Horváth J.* Die ungarischen Chronisten der Angiovinenzeit // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1971. T. 21.
- Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Budapest, 1963.
- Ioannis Cantacuzent Histriarum* / Ed. L. Schopen. Bonn, 1828. Bd. I. P. 465; *Fontes historiae Daco-Romanae*. T. III / Ed. Al. Elian și N.-Ș. Tanașoca. București, 1975.
- Iorga N.* Condițiile de politică generală în cari s-au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV–XV // Studii asupra evului mediu românesc / Ed. Ș. Papacostea. București, 1984.
- Iosipescu S.* Românii din Carpații Meridionali la Dunărea de Jos de la invazia mongolă (1241–1243) pînă la consolidarea domniei a toată Țara Românească. Războiul victorios purtat la 1330 împotriva cuceririi ungare // Constituirea statelor feudale românești...
- Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, 2005.
- Knoll P.W.* The rise of the Polish monarchy: piast Poland in east central Europe, 1320–1370. Chicago, 1972.
- Kristó Gy.* Early Transylvania (895–1324). Budapest, 2003.
- Kurcz A.* Lovagi kultúra Magyarországon a 13-14. Században. Budapest, 1988.
- Laonic Chalcocondil.* Expuneri istorice / Ed. V. Grecu. București, 1958.
- Laurent V.* L'assaut avorte de la Horde d'Or contre d'Empire byzantine // Revue des études byzantines. 1960. T. 18.
- Lucie-Smith E.* Uncollected writings: [studies of western art]. London, 2012.
- Magyar Z.* A Kolozsvári testvérek váradi királysobrai // Századok. 1995. T. 129. Nr. 5.
- Minea I.* Letopisețele moldovenești scrise slavonește // Cercetări istorice. Iași, 1925. Nr. 1.
- Montgomery S.B., Bauer A.A.* The Reliquary Bust of Saint Ladislas and Holy Kingship in Late Medieval Hungary // Decorations for the holy dead: visual embellishments on tombs and shrines of saints / Ed. by St. Lamia. Turnhout, 2002.

Nagy B. Transcontinental trade from East-Central Europe to Western Europe (fourteenth and fifteenth centuries) // ...The man of many devices, who wandered full many ways: Festschrift in honor of János M. Bak / Ed. B. Nagy. Budapest, 1999.

Niculescu A. Romania Hungarica // Revista Literară Vatra, 2005. Nr. 1-2.

Nowacki B. Czeskie rozszczenia do korony w Polsce w latach 1290 – 1335. Poznań, 1987.

Onciul D. Opere. București, 1946.

Onciul D. Scrieri istorice / Ed. critică îngrijită de A. Sacerdoțeanu. București, 1968. Vol. I.

Panaitescu P.P. Mircea l'Ancien et les Tartares, în Revue Historique du Sud-Est européen. 1942. T. 19. Nr. 2.

Papacostea S. Between the Crusade and the Mongol Empire: The Romanians in the 13th Century. Cluj-Napoca, 1998.

Papacostea S. Geneza statului în evul mediu românesc. București, 1999.

Papacostea Ș. Întemeierea Mitropoliei Moldovei: implicații central- și est-europene // Români în istoria universală. T. III. Vol. 1 / Coordonatori I. Agrigoroaiei, Gh. Buzatu, V. Cristian. Iași, 1988.

Papacostea Ș. Români în secolul al XIII-lea. Între cruciată și Imperiul mongol. București, 1993.

Parasca P. Cine a fost «Laslău craiul Unguresc» din tradiția medievală despre întemeierea Țării Moldovei? // Revistă de istorie și politică. 2011. An IV. Nr. 1.

Paszkievicz H. Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków, 2002.

Pecican O. Când a fost scrisă Gesta lui Roman și Vlahata? // *Pecican O.* Troia, Veneția, Roma, Cluj-Napoca, 1998.

Pecican O. Etapele consemnării legendei lui Dragoș vodă și semnificația lor // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj. Cluj-Napoca, 1990-1991. T. 30.

Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.

Peter von Dusburg. Chronica terre Prussie / Ed. M. Toppen and tr. K. Scholz and D. Wojtecki. Darmstadt, 1984 (Chronik des Preussenlandes, AQ 25).

Petriceicu-Hasdeu B. Domnița Elena // Traian. București, 1869. Nr. 75.

Petriceicu-Hasdeu B. Negru-Vodă. Un secol și jumătate din începuturile statului Țării Românești, 1230 – 1380 // Etymologicum magnum Romaniae. București, 1898. T. IV.

Pohl A. Ungarische Goldgulden des Mittelalters, 1325-1540. Graz, 1974.

Pollakówna M. Kronika Piotra z Dusburga. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

Popa R. Țara Maramureșului în veacul XIV-lea / Prefață de M. Berza. Ediția a II-a, îngrijită de A. Ioniță. București, 1997.

Quellen zur Geschichte der Siebenbürger Sachsen, 1191–1975 / Hrsg. von E. Wagner. Köln, 1976 (Schriften zur Landeskunde Siebenbürgens. Bd. 1).

Rădvan L. At Europe's Borders: Medieval Towns in the Romanian Principalities. Amsterdam; Boston, 2010.

Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 – 1453 / Bearb. von F. Dölger. München, 1995. T. IV.

Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung, Bd. I: Im Mittelalter bis zum Jahre 1401, Köln; Graz, 1955.

Roth H. Hermannstadt kleine Geschichte einer Stadt in Siebenbürgen. Köln; Weimar; Wien, 2006.

Sălăgean T. Romanian Society in the Early Middle Ages (9th–14th Centuries) // History of Romania: Compendium / Eds. I.-A. Pop and I. Bolovan. Cluj-Napoca, 2006.

Sălăgean T. Transilvania și invazia mongolă din 1285 // Români în Europa medieval. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila, 2008.

Sigismundus - Rex et Imperator: Kunst und Kultur zur Zeit Sigismunds von Luxemburg, 1387 – 1437. Ausstellungskatalog. Budapest und Luxemburg, März – Oktober 2006 / Hrsg. von I. Takács. Mainz, 2006.

Sinor D. A History of Hungary. New York, 1959. P. 89; *Kosáry D. G.* A history of Hungary. New York, 1971.

Spinei V. Moldavia in the 11th – 14th Centuries. București, 1986.

Spuler B. Die goldene Horde: die Mongolen in Rußland, 1223–1502. Wiesbaden, 1965.

Stoicescu N. «Descălecat» sau întemeiere? O veche preocupare a istoriografiei românești. Legendă și adevăr istoric // Constituirea statelor feudale românești / Redactor coord. N. Stoicescu. București, 1980.

Tătulea C.M. Romula-Malva. București, 1994.

Ungheanu M. Români și «Tălharii Romei». București, 2005.

Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen / Hrsg. von Fr. Zimmermann, C. Warner. Hermannstadt, 1892. Bd. I (1191–1342).

Ursache P. Esei etnologice. București, 1986.

Vásáry I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.

Wetter E. Objekt, Überlieferung und Narrativ. Spätmittelalterliche Goldschmiedekunst im historischen Königreich Ungarn. Ostfildern, 2011 (Studia Jagellonica Lipsiensia, Bd. 8).

Włodarski B. Polityka Jana Luksemburczyka wobec Polski za czasów Władysława Łokietka. Lwów, 1935.

Wyrozumski J. Kazimierz Wielki. Kraków, 2004.

Xenopol A.D. Istoria românilor din Dacia Traiană. (Ed. a IV-a). București, 1986. Vol. II / Text stabilit de N. Stoicescu și M. Simionescu. Note comentarii, prefață, indice și ilustrația de N. Stoicescu.

Майоров Александр Вячеславович - доктор исторических наук, профессор, завкафедрой музееведения Санкт-Петербургского государственного университета.
e-mail: a.v.maurov@gmail.com

Maurov Aleksander - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Museology of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University.
e-mail: a.v.maurov@gmail.com

УДК 94(497.1)

DOI: 10.17223/18572685/33/5

СЛОВО З НАГОДИ 250-РОЧНИЦІ ПРИСЕЛЕННЯ РУСНАЦОХ ДО КОЦУРА И 100-РОЧНИЦІ ПЕРШЕЙ ТЕАТРАЛНЕЙ ПРЕДСТАВИ НА РУСКИМ ЯЗИКУ*

М. Фейса

Оддзелене за русинистику Филозофского факултета у Новим Садзе
(Сербия)
e-mail: fejsam@eunet.yu

Авторское резюме

После победы над турками и изгания их из Бачки, Срема и Баната австро-венгерские власти должны были заселить юг своего государства. Именно поэтому русины стали колонистами в этих местах с середины XVIII в. Решение о преселении в Коцур было подписано в 1763 г. Русины, пришедшие из предгорий Карпат, были униатами. В новых краях колонисты построили дома, экономические учреждения, церкви, школы и др.

Автор обращает внимание на состояние, перспективы и возможности развития культуры, образования и языка русинов Воеводины. Поскольку сербские (и воеводинские) власти делают все возможное, чтобы реализовать положения международных конвенций, есть основания надеяться, что русины, живущие в Сербии, смогут сохранить свой язык, культуру и национальную принадлежность в будущем, особенно в новой Европе без границ.

Сегодня правительства Словакии, Польши, Чехии, Венгрии, Румынии, Сербии и Хорватии признают карпатских русинов в качестве национального меньшинства. Даже Украина признала в 2012 г. русинский язык.

Ключевые слова: русины, сохранение культуры, русинский язык, Коцур.

RUTHENIANS SETTLING IN KUCURA AND 100-ANNIVERSARY OF THE FIRST LAY IN THE RUTHENIAN LANGUAGE

M. Fejsa

Rusin language and literature of the Faculty of Philosophy of the
University of Novy Sad (Serbia).

e-mail: fejsam@eunet.yu

Abstract

After defeating the Turks and expelling them from Bačka, Srem and Banat, the Austria-Hungarian authorities needed to repopulate the south of their state. That is why the Ruthenians / Rusyns were colonized in these parts in the middle of the 18th century. An agreement of Ruthenians settling in Kucura was signed in 1763. The Ruthenians came from the crests of the Carpathian Mountains as Uniates. Orthodox Ruthenians had been brought closer to the official Roman Catholic state religion between 1596 and 1646. In the new world, the newcomers built houses, economic establishments, churches, schools and other public institutions.

The author pays attention to the status, perspectives and possibilities of development in culture, education and language of Vojvodinian Ruthenians. Since the Serbian / Vojvodinian authorities do their best to implement international conventions it may be said that there is much hope for the Ruthenians in Serbia / Vojvodina to preserve their language, culture and national identity in the future, especially in a New Europe without the borders. Two decades after the Velvet Revolution it is clear that the Carpatho-Rusyns / Ruthenians were never completely wiped out from their homeland. Today, the governments of Slovakia, Poland, the Czech Republic, Hungary, Romania, Serbia, and Croatia recognize the Carpatho-Rusyns as a national minority. Even the Republic of Ukraine recognized the Ruthenian / Rusyn language in summer 2012.

Kucura is a proof that differences do not separate but make people closer and more familiar to each other. Even today, they respect the customs, language and culture of others while nourishing their own.

Keywords: Ruthenians / Rusyns settling, culture preservation, Ruthenian / Rusyn language, international conventions, Kucura.

Вековима су Русини / Рушњаки (Руснаки) живели у североисточним мађарским жупанијама, тачније у Земплину, Шаришу, Абауј-Торни, Боршоду, Саболчу, Ужу, Угочи, Марамарошу и Гемеру. Већина тих жупанија су данас у источној Словачкој, а остале у Мађарској, Украјини и Румунији. Пре око 270 година прве групе Русина почеле су се селити из своје постојбине у Карпатским планинама на југ у Бачку. До тога је дошло негде између 1743. и 1746. године. Година 1745. узета је као година насељавања Русина у Бачку.

После пораза и повлачења Отоманске империје из Бачке, Срема и Баната 1699. године, аустро-угарским је властима било потребно

* Робота настала на основи резултатах пројектох 187002 и 187017, хтори финансиуе Министерство науки Републики Србији. Слово 250 / 100 читане 25. августа 2013. року на Святочней академији у Дому култури Коцур.

више становништва на југу своје државе па су подстицале колонијацију Немаца, Мађара, Словака и других, као и Русина (Gavrilović, 1977: 153). То је разлог зашто је и прецима војвођанских Русина, грађанима слободног статуса у Хабзбуршкој монархији («Ruthenus Libertinus», како су их називали) и гркокатоличке вере, у укупном броју од око 2 000, дозвољено да се, по уговору са државним властима, населе у централној Бачкој средином XVIII в. (Хорњак, 2006: 25).

Постоје два службена документа која омогућавају пресељење Русина унијата из северних крајеве Аустро-Угарске монархије у јужне. Први службени докуменат представља уговор о насељавању 200 породица на пустару Велики Крстур, који је потписан 17. јануара 1751. године. Тај датум (17. јануар) је и Национални дан Русина у Републици Србији. Други службени докуменат нас је вечерас овде окупио. Реч је о уговору о насељавању Русина у Куцуру, који је потписан 15. маја 1763. године.

Пошто је Комора била задовољна Русинима у Крстуру, донела је решење да из северних жупанија Угарске насели Русине и у опустело село Куцура. Стога је, поменутог дана, 15. маја 1763. године, коморски администратор Редл од Роденхаузена Петру Кишу издао патент, којим му је поверено да доведе још око 150 русинских породица, овај пут у Куцуру, и то под следећим условима (Лабош, 1979: 76):

1. да сви буду подложници *liberae migrationis* (што подразумева сељаке који су се, након измирења обавеза, могли слободно пресељавати), русинске народности и унијатске вере, способни за пољске радове у корист државног ерара;

2. у Куцури ће добити простор за куће, али одвојено од других житеља, како би могли вршити своје богослужење;

3. добиће довољно земље и пустару Стуб, а подлегаће истим обавезама као и други поданици; даваће деветину и десетину;

4. Русини морају сами себи да саграде куће по упутству коморског господства од набоја или од цигли;

5. поред земљишта, насељеници ће добити право на полугодишње точење (тј. крчму), те две године ослобођења од дажбина, односно пореза.

Исте године у Куцуру је дошла 41 породица. Две године касније, 1765. године, Комора доводи још 42 породице из североисточних угарских жупанија (Гавриловић, 163-164; Лабош, 77). Записи у црквеним књигама у Мучењу (Мађарска) потврђују да је велики број Русина гркокатолика, који су имали право слободне селидбе, управо из те парохије (Жирос, I, 49).

Попис становника Куцуре крајем 1764. године прављен је посебно за српско, а посебно за русинско становништво. У Куцури је било 66 русинских кућа – 386 Русина у 88 породица, а 57 српских кућа – 391 Србин у 95 породица. Следеће, 1765. године начињен је јединствени попис житеља. Према овом попису у селу има 855 житеља – 494 Русина и 361 Србин. Они су живели у 144 куће (Жирос, I, 95). Коморски провизор у Кули Стефан Несмер у свом извештају од 11. априла 1765. године говори да постоје два учитеља за две вероисповести у Куцури. Српски учитељ је био Стеван Бранисављевић, а русински је вероватно био брат свештеника Осифа Кирде (Gavrilović, 1977: 201) – Ферко Кирда (Фејса, 2013: 26).

Према мапи из 1783. године Куцура има Велику улицу, Велики шор, Врбовац и Нови шор. Курти, Шандор шор и Мађарски шор тада још нису постојали. Мађари и Немци се досељавају крајем XVIII и почетком XIX в. из разних крајева Аустро-Угарске.

У то време становништво Куцуре је имало доста велики природни прираштај. Број становника се, међутим, није повећавао у складу са природним прираштајем. Разлога је било неколико: поплаве, лоша вода и ваздух, те болести свих врста, од којих су посебно биле опасне три куцурске колере (1831, 1848-1849, 1873). Период од 90-х година XIX в. до Другог светског рата карактерише исељавање становништва (у САД, Канаду, али и у Срем и Славонију). Илустрације ради, пре 100 година, тачније према Попису из 1910. године, Русина је било отприлике као и данас – 2 451. Немаца је те године било 1 131, Мађара - 528, Срба - 33, а осталих свега - 12. Куцура је, дакле, пре једног века имала 4 090 становника. С обзиром да још нису доступни подаци о броју становника у појединим местима Општине Врбас преносимо број становника у целој Општини према последњем попису (2011). Од укупно 42 092 становника у Општини Врбас 23 521 је Србин, 7 353 је Црногораца, 3 375 Русина, 2 464 Мађара, 836 Украјинаца, 549 Хрвата, 286 Словака, 170 Југословена, 149 Македонаца, 121 Немац, 112 Муслимана, 48 Албанаца, 46 Руса, 35 Словенаца, 15 Буњеваца, 13 Бугара, 7 Бошњака, 5 Румуна, 226 су неизјашњени, а 452 са регионалном припаданошћу. Иако тачне податке за Куцуру још не знамо можемо на основу претходних пописа истаћи да је и Куцура, као и Општина Врбас, у пуном значењу речи мултинационална и мултиконфесионална.

Од времена када су се први Русини доселили у ове крајеве па до Првог светског рата, они су доминантно били фармери, земљорадници. Њихове занатлије биле су организоване у еснафе, а свештеника и учитеља било је веома мало. Временом Русини су напредовали у економском, националном и културном животу. Успели су

сачувати свој национални, русински идентитет. Формирали су свој језик и подигли га на одређени ниво како би га могли користити у штампању књига. Прва књига на русинском језику је Идилски венац «Из моего села» др о. Хавријила Костељника, која је објављена 1904. године. Исти аутор је написао и прву драму на русинском језику – «Јефтајева ћерка», која је своје прво извођење доживела управо у Куцури 1925. године.

Десетак година пре, а то је и други разлог, што се окупљамо ових дана, ударени су и темељи позоришног стваралаштва међу јужним Русинима (данас у Војводини / Србији и у Срему и Славонији / у Хрватској). Наиме пре 100 година, 23. фебруара 1913, у Куцури је одиграна прва представа на русинском језику. Реч је, у ствари, о две једночинке («Врачара» и «Не проклињи»), које је режирао учитељ и појац Емилијан Губаш. У Куцури је до овог историјског догађаја дошло јер је су Куцурани смогли снаге да очувају конфесионалну школу на русинском језику (коју су сами и издржавали, за разлику нпр. од Руског Крстура). Историја, иначе, бележи да су једино Куцурани од свих русинских насеља успели да 1898. године сачувају статус конфесионалне школе (Вилјња, 1987: 23). Све до распада Аустро-Угарске, до 1918.

Без фалшиве скромности, у тих свјаточних хвиљкох, з гордосцу, можемо повесц же Руснаци у Војводини / Србији својофайтови феномен. И то у глобалних размјерох.

Чежко порозумиц, як ше єдней такеј малей популацији поспишело очувац свој јазик, виру, школи, обичаји – накратко, својо националне єство през вецей як два и пол вики.

Мало часу же бизме елаборовали шицки причини егзистованя малей популацији свидомих Руснацох (нешка у Србији коло 15000 припаднікох), формованя їх националног јазика и його подзвигованя на уровень 14. славјанског јазика, узретосци рускеј литератури, новинарства, фолклора и театра (Жирош, 1998: 463; Фејса, 2010: 70-71). Насампредз то существованє двох руских центрех – Керестура и Коцура. Покля вони егзистую Руснацох ту будзе. У очуваню рускосци значна улога и школскеј системи на руским језику (хтора не шме предлужиц поклекац, ани на єдним уровню – од предшколског по високошколски и грекокатолицкеј церкви, односно Апостолског егзархата за грекокатолицкох, хтори непреривно давали и давају значне доприношенє очуваню националног идентитета Руснацох на тих просторох.

Ми у Коцуре указуєме у континуитету, а то мож обачиц и тих трох дньох Централней манифестацији означованя двох вельких юбилејох, же чуваме традицији и национални обичаји (насампредз церковни швета – Крачун, Вельку ноц и Кирбай, хтори праве пред нами. Вид-

зели зме вчера и оживотворене рускей свадзби у цалосци. Нешка на тей Святочней академії даме и припознания и тим, хтори ше, по думаню Вивершного одбора 250, окреме визначели у явним живоце и по рижних основах пренесли мено Коцура же би бул як то гвари и народна писня – славни.

Додайме и податок же коцурска култура, медзи иншим, окремна и по тим же предствая приклад, як мож демократски существовац, медзисобно сотрудзовац и твориц у интересу ширшей заедніци.

Не лем Руснаци у Коцуре, але бачко-сримски Руснаци, патраци у цале, предстваяю доказ же длуготирваце еґзистоване єдней малочисленей заедніци цалком можлїве лем кед держава витвори одвитуюци условия. Искусство Руснацох нас учи же обставини, у хторих мож ришовац проблеми мож витвориц лем у сотрудніцтве зоз локалну державну власцу. И означоване тих двох ювильейох то потвердзує.

Случай руского языка, хтори у урядовим хаснованю даскельо децениї, як у покраїнских орґанох так и на території шейсцох општинах, у хторих Руснаци жию у значним чишлє, у каждим случаю приклад за визначоване пред велїма развитима европскимима дружтвами и державами. Понеже є припозната административно, руска меншина ужива найвисши можлїви ступень самоуправи. Законодавни, вивершни и судски цела дійствую у шицких обласцох, у хторих язични и културни права за руску меншину винїмково значни.

То ше окреме применює у обласцох образования, култури, информованя и урядового хаснованя языка и писма. И попри тим же етнокултурни розвой рускей култури претаргнути стредком 1990-х рокох з войну у бувшей Югославиї, у остатней децениї Република Сербия аж превжала и даскельо крочаї, хтори без сумніву одкриваю вельке напружене же би ше унапредзел статус рускей националней заедніци (Фејса, 2010: 71-72). 2002. року установена цалком нова институция – Национални совет рускей националней меншини. Шейсц роки познейше и Завод за културу войводянских Руснацох. У рамикох Национального совиту Руснаци преїг своїх представнікох участвую у одлучованю або сами одлучую о поєдинечних питаньох вязаних за свою културу, образоване, информоване и урядове хасноване языка и писма, у складу зоз Законом (исто: 77). У рамикох Заводу обчекує ше витворйоване вершинских резултатох на плану култури.

Припадніки рускей заедніци маю право образовац ше на мацеринским язичу и нащивйовац години, хтори ше фокусує на историю и културу меншини. У Коцуре, медзитим, мушели би право на образоване на руским язичу хасновац вельо, вельо вецей.

Припадніком рускей меншини оможлівене хасновац свой язык у урядовим хаснованю у општини або населеню, у хторим творя 15 % локального жительствова. Закон обезпечує и урядове хаснованє руско-го языка у судских поступках, праве як и у виберанкових материялох. Рускей меншини дате право же би на своїм языку могла виписовац назви улїцох (цо напр. у Коцуре покончене влонї) або других топографских указательох (исто: 78).

Єдна з одредбох, хтора заслужує окремну увагу то гевта, хтора оможлівує членом националних меншинох же би шлебодно запровадзовали и отримовали одношеня зоз легалнима субектами, хтори перебуваю у странских державах, зоз гевтима, зоз хторима маю даяки колективни, културни, язични або вирски подобносци. Маюци у виду же у остатней децениї ХХ. в. була можліва барз мала комуникация медзи войволянским Руснацами и карпатским Русинами, вшелїяк же пришло до значного напредованя у тим. Рижни руски институції и організації маю нагоду витвориц вязи зоз новоорганізованима образовнима центрами у Карпатским ареалу, як цо Прешов (Словацка), Краков (Польска), Нїредьгаза и Будапешт (Мадярска) и Ужгород (Україна). Можліве організовац и студентску черанку. Здогадайме ше наприклад же лєм прешлого пондзелку у нашим стредку госцовали краяне зоз Свидніку, у хторим Коцурци були недавно пред тим. Гу тому, праве нешка пополадню зме випровадзели представительох места Мучень, одкадз походза фамелиї зоз презвиском Мученски.

Держава пристава финансовац и главни културни активносци, хтори організую припадніки єдней националней меншини. То ше витворює и нешка вечар.

Мож повесц же єст вельо надїї за Руснацох же годни очувац свою культуру и национални идентитет у будучносци, окреме у Новей Европи без гранїцох. Войволянски Руснаци з нескерпеньом обчекую сцерање гранїцох, хтори дзеля жеми Карпатского ареала и обєдиньованє шицких жемох Карпатского ареала у єдней неподзеленої єдинки, у єдинственей Европскей унії. У периоду транзиції руски институції и організації маю даскельо нагоди же би обдумали, цо можліве вецей проєкти од национального значеня не лєм же би очували алє и же би унапредзели существованє и живот Руснацох у Войводини / Сербїї. Організації чий заєднічки менователь борба за очуванє руского национального идентитета треба же би здружели моци же би превозишли почужкосци и препреченя, хтори маю неґативни уплїв (напр. неспокойство и незадовольство, хтори примушую младши ґенерації же би ше висельовали зоз своїх родних местох; тирвацо нїзка стопа наталитета; свидома асиміляция и однарод-

зоване; слаба заинтересованост за нащивоване настави на руским языку; недостаток учебнікох и наставних средствох; одсутствие систематизації у медийох; недостаток швижих кадрох; недостаток кадрох зоз одвитующим знаньом руского языка у локалней администрации (итд.) и заргожую реализацию основних вредносцох и принципох, уключуюци и гевти, хтори унапямени на защиту национальных заедніцох / меншинох (исто: 109-111).

Пре шицко спомнуге, наздаваме ше и поставяме фундамент / основу же би нашо потомки о 100 роки означовали 200-рочніцу од виводзена першей театралней представи на руским языку, а о 250 роки – 500-рочніцу од приселеня Руснацох до Коцура. А же би до того пришло, Руснаку феномену, од шерца, з Божу помоцу, на многая и благая літа.

ЛИТЕРАТУРА

Biljnja V. (1987). *Rusini u Vojvodini*. Novi Sad: Dnevnik.

Дуличенко А. Д. (2009). *Jugoslavo Ruthenica II*, Роботи з рускей филології и исторії. Нови Сад: Филозофски факултет, Одделене за русинистику, НВУ Руске слово.

Fejsa M. (2000). Югославянски Русини (Руснаци) / *Ruthènes de Yougoslavie / Yugoslav Rusyns (Ruthenians)*, in: *Multilingual European Guide of Cultural Communities and of Maisons de Pays of Europe*. Le Cannet: European Federation of the Maisons de Pays, 267-278.

Фейса М. (2004). Социолингвистични аспект руского языка: Войводина, у: *Русиньский язык*. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 373-383.

Фейса М. (гл. ред.) (2007). *Русини / Руснаци / Ruthenians (1745-2005) I*. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК – Куцура.

Фейса М. (2008). Руски язык у урядовой сфери, у: *Русиньский язык меджі двома конгресами*. Пряшів: Світовый конгрес Русинів, Інштитут русиньского языка і культуры Пряшівской універзیتی в Пряшові, 92-95.

Фейса М. (2009). Найвисши ступень меншинского образovanja, у: *Карпатские русины в славянском мире*. М.; Братислава: Univerzita Komenskeho v Bratislave, Filozofická fakulta, Katedra všeobecných dejín - Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра истории южных и западных славян, 257-269.

Фейса М. (гл. ред.) (2009). *Русини / Руснаци / Ruthenians (1745-2005) II*. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК, Куцура.

Fejsa M. (2010). *Нова Србија и њена русинска мањина / Нова Сербия и еј руска меншина / The New Serbia And Its Ruthenian Minority*. Нови Сад: Издавачка кућа Прометеј, Културно-просветно друштво ДОК.

Фејса М. и др. (2013). Насред широке равнице. Нови Сад: ИК Прометеј, КПД ДОК, Куцура и др.

Гавриловић С. (1977). Rusini u Ваčkoј i Sremu od sredine XVIII do sredine XIX века, Godišnjak Društva istoričara Vojvodine. Novi Sad: Društvo istoričara Vojvodine, 153-215.

Хорњак М. (2006). Бачко-сремски Русини, у: Русини / Руснаци / Ruthenians (1745-2005) I. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет, Одсек за русинистику, КПД ДОК, 23-73.

Лабош Ф. (1979). История Русиных Бачкей, Сриму и Славониі 1745-1918. Вуковар: Союз Русиных и Украинцох.

Magocsi P.R. (2006). The People From Nowhere. Uzhorod: V. Padiak Publishers.

Магочій П.Р., Поп І. (укладачі) (2010). Енциклопедія історії та культури Карпатських Русинів. Ужгород: Видавництво В. Падяка.

Medješi L. (1993). The Problem of Cultural Borders in the History of Ethnic Groups: The Yugoslav Rusyns, in: Magocsi Paul R. ed., The Persistence of regional Cultures: Rusyns And Ukrainians In Their Carpathian Homeland And Abroad. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 139-162.

Plishkova A. (2009). Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians. New York: Columbia University Press.

Рамач Ю. (2002). Граматика руского языка. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.

Referents

Bilnja V. (1987). Rusini u Vojvodini. Novi Sad: Dnevnik.

Dulichenko A.D. (2009). Jugoslavo Ruthenica II, Roboti z ruskey filolorii i istorii. Novi Sad: Filozofski fakultet, Oddzelene za rusinistiku, NVU Ruske slovo.

Fejsa M. (2000). Yugoslavianski Rusini (Rusnatsi) / Ruthènes de Yougoslavie / Yugoslav Rusyns (Ruthenians), in: Multilingual European Guide of Cultural Communities and of Maisons de Pays of Europe. Le Cannet: European Federation of the Maisons de Pays, 267-278.

Fejsa M. (2004). Sotsiolinrvistichni aspekt ruskogo yazika: Voyvodina, u: Rusin'skiy yazik. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 373-385.

Fejsa M. (gl. red.) (2007). Rusini / Rusnatsi / Ruthenians (1745-2005) I. Novi Sad: Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK, Kutsura.

Fejsa M. (2008). Ruski yazik u uryadovey sferi, u: Rusin'skiy yazik medzhi dvoma konrresami. Pryashiv: Svitovyy konrres Rusiniv, Inshtitut rusin'skogo yazyka i kultury Pryashivskoy univerzity v Pryashovi, 92-95.

Fejsa M. (2009). Nayvisshi stupen' menshinskogo obrazovanya, u: Karpatskie rusiny v slavyanskom mire. M.; Bratislava: Univerzita Komenskeho v Bratislave, Filozofická fakulta, Katedra všeobecných dejín - Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova, Istoricheskiy fakul'tet, Kafedra istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan, 257-269.

- Fejsa M.* (gl. red.) (2009). *Rusini / Rusnatsi / Ruthenians (1745-2005) II*. Novi Sad: Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK – Kutsura.
- Fejsa M.* (2010). *Nova Srbija i њена rusinska мањина / Nova Serbiya i њ ruska menšina / The New Serbia And Its Ruthenian Minority*. Novi Sad: Izdavachka kuћа Prometej, Kulturno-prosvetno drushtvo DOK.
- Fejsa M. i dr.* (2013). *Nasred shiroke ravnitse*. Novi Sad IK Prometej, KPD DOK – Kutsura i dr.
- Gavrilović S.* (1977). *Rusini u Bačkoj i Sremu od sredine XVIII do sredine XIX veka, Godišnjak Društva istoričara Vojvodine*. Novi Sad: Društvo istoričara Vojvodine, 153-215.
- Коротњак М.* (2006). *Bachko-sremski Rusini, u: Rusini / Rusnatsi / Ruthenians (1745-2005) I*. Novi Sad: IK Prometej, Filozofski fakultet, Odsek za rusinistiku – KPD DOK, 23-73.
- Labosh F.* (1979). *Istoriya Rusinokh Bachkey, Srimu i Slavonii 1745-1918*. Vukovar: Soyuz Rusinokh i Ukraïntsokh.
- Magocsi P.R.* (2006). *The People From Nowhere*. Uzhorod: V. Padiak Publishers.
- Maŕochiy P.R., Pop I.* (ukladachi) (2010). *Entsiklopediya istorii ta kul'turi Karpats'kikh Rusiniv*. Uzhgorod: Vidavnitstvo V. Padyaka.
- Medješi L.* (1993). *The Problem of Cultural Borders in the History of Ethnic Groups: The Yugoslav Rusyns*, in: Magocsi Paul R. ed., *The Persistence of regional Cultures: Rusyns And Ukrainians In Their Carpathian Homeland And Abroad*. New York: Carpatho-Rusyn Research Center, 139-162.
- Plishkova A.* (2009). *Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians*. New York: Columbia University Press.
- Ramach Yu.* (2002). *Граматика руского язика*. Beograd: Zavod za uџbenike i nastavna sredstva.

Фейса Михайло - доктор лингвистических наук, профессор кафедры русинского языка и литературы философского факультета университета Нового Сада (Воеводина).
e-mail: fejsam@eunet.yu

Fejsa Mikhajlo - Doctor of linguistics, Professor of the Faculty of Rusin language and literature of the Faculty of Philosophy of the University of Novy Sad (Voevodina).
e-mail: fejsam@eunet.yu

УДК 94:39:811(478)"21"
DOI: 10.17223/18572685/33/6

ЭТНОСЫ И ЯЗЫКИ МОЛДАВИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПЕРЕПИСИ 2004 Г. И ДАННЫМ ГП «ЦЕНТР ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ "REGISTRU"»

С.Г. Суляк

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)
e-mail: sergei_suleak@rambler.ru
Scopus Author ID 55359315000
SPIN-код автора: ПИНЦ 6908-8277

Авторское резюме

В статье сравниваются результаты переписи, проведенной в Молдавии в 2004 г., и данные Государственного предприятия «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» (ГП «ЦГИР "Registru"»). По данным ГП «ЦГИР "Registru"», граждан Республики Молдова, задекларировавших русский язык как материнский, гораздо больше, чем по результатам переписи, а назвавших себя румынами и родным языком румынский - гораздо меньше. Все личные данные, в том числе касающиеся национальности и материнского языка, декларируются самим гражданином.

Ключевые слова: русский, румын, молдаванин, украинец, еврей, гагауз, болгарин, русский язык, румынский язык, молдавский язык, Молдавия, русины.

Ethnic Groups and Languages of Moldavia according to the Results of the Census of 2004 and the Statistics of the State Enterprise «Centre for State Information Resources "Registru"»

S.G. Sulyak

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)
e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The results of the 2004 Census of Moldova and the statistics of the State Enterprise «Centre for State Information Resources "Registru"» are compared in the article. According to the statistics of the State Enterprise «Centre for State Information Resources "Registru"» the citizens of the Republic of Moldova, who declared Russian as their mother tongue are much higher than the results of the Census and much lower than those who call themselves Rumanians and their mother tongue as Rumanian. All personal statistics, including those which regard nationality and mother tongue are documented by the citizen himself and then verified.

Keywords: Russian, Rumanian, Moldavian, Ukrainian, Jew, Gagauz, Bulgarian, Russian Language, Rumanian Language, Moldavian Language, Moldavia, Rusin.

С 5 по 12 октября 2004 г. в Республике Молдова проводилась первая национальная перепись населения. Но полно ли отражают данные переписи, особенно касающиеся национальной принадлежности и родного языка, существующие реалии?

К примеру, в России, согласно переписи населения 2002 г., из 145 166 731 человек 1 460 751 отнесен к категории «лиц, не указавших национальность в переписном листе», а 42 980 назвали национальность, не указанную в итоговом списке (категория «лица других национальностей (не перечисленных выше)»). Среди 430 уникальных «этносов» присутствуют буркинцы, иркуты, атыгийцы, чучмеки, москвичи, джедаи, гномы, лешие, орки, гоблины, хоббиты, полудницы, эльфы, толкинисты, марсиане и др.¹

Не лучшим образом обстоит дело и в других странах. В ответ на вопрос о принадлежности к какой-либо религии, заданный в анкете 2001 г., почти 390 тысяч британцев написали слово «джедаи» (термин из фильма «Звездные войны», смысл его – «защитник, покровитель»). После этого в Интернете была проведена кампания относительно признания «джедаев» как представителей новой религии. В местах проживания студентов Оксфорда, Кембриджа и других университетов подобного ранга ответ «джедаи» дали 2 % населения, и это явление уже стало социальным². По данным переписи 2011 г., число «джедаев» уменьшилось до 177 тыс. Однако с учетом выхода в 2015 г. нового фильма «Звёздные войны: Эпизод VII» стоит опять ожидать их «прироста». Около 6,2 тыс. британцев, заполняя графу «религиозная принадлежность», упомянули музыкальный стиль «heavy metal». Еще 2,4 тыс. считают себя «саентологами». Также оказалось, что в Англии и Уэльсе проживают почти 2 тыс. «сатанистов»³. В США 1 % населения признают себя «гуманоидами»⁴.

Говоря об объективности данных переписи, исследователи отмечают, что некоторая часть населения не хочет отвечать на вопрос о

национальной принадлежности или делает это неискренне⁵. К примеру, при переписи 2004 г. в Республике Молдова 14 020 чел. (0,4% населения) не указали свою национальность, а 14 108 - материнский язык⁶. Российский академик В.А. Тишков поднимает вопрос о приписках в численности национальностей⁷.

Указывают специалисты и на т. н. «политический фактор». К примеру, Т.Н. Сенишкина акцентирует внимание на проблеме «адекватной фиксации русинов», учитывая результаты Всеукраинской переписи 2001 г. (тогда русинами признали себя 10 183 чел.). Однако русины были включены в список этнографических групп украинского народа наряду с бойками, гуцулами и лемками и др. Официальная позиция Украины состояла в том, чтобы признавать эти группы как отдельные⁸. О.Б. Неменский резонно предположил, что численность в 97 русинов (в т. ч. бойки, карпатороссы, лемки) по Всероссийской переписи 2002 г. была установлена по просьбе официального Киева, из-за чего русинов можно не упоминать в перечне народов России, количество которых превышает 100 чел. (по предварительным итогам переписи русинами записалось 135 чел.)⁹.

В свою очередь национальная идентичность может быть разной: «внутренней», декларируемой, приписываемой, официально признанной. Причем декларируемая идентичность может зависеть от того, перед кем она декларируется. Несоответствие между декларируемой и официально фиксируемой идентичностью может привести к попытке изменить соответствующие записи в документах¹⁰.

Определенный научный интерес представляет сравнение результатов переписи 2004 г., данных Национального бюро статистики Республики Молдова по населению 2012 г. и сведений Государственного предприятия «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» (ГП «ЦГИР "Registru"»)¹¹. Несмотря на незавершенность процесса документирования населения и отсутствие полных данных о гражданах до 16 лет (они вводятся при документировании родителей или по актам гражданского состояния), информация о национальности и материнском языке декларируется и перепроверяется самими гражданами при заполнения форм на выдачу удостоверения личности или заграничного паспорта. Данные приводятся без учета населения г. Бендеры и левобережных районов Днестра (Приднестровья).

По состоянию на 12 октября 2004 г. (время проведения переписи), на учете в ГП «ЦГИР "Registru"» состояло 2 570 170 чел. Из них 2 362 540 чел. - старше 16 лет (по переписи таких граждан насчитывалось 2 673 438 чел.). Из данной возрастной категории молдаванами назвали себя 1 665 622 чел., румынами - 2 579, русскими - 147

014, украинцами – 206 594, гагаузами – 99 283, болгарами – 44 916, евреями – 4 175 чел.

Русский язык в качестве материнского указал 339 481 чел. (это при том, что на учете в ГП «ЦГИР "Registru"» в рассматриваемый период было на 813 162 чел. меньше, чем населения по переписи и в основном, это данные по лицам старше 16 лет).

По данным Бюро статистики Республики Молдова, на 1 января 2012 г. в республике числилось 3 559 541 чел. (старше 16 лет - 2 935 531).¹² В базе ГП «ЦГИР "Registru"» на 1 января 2012 г. - 3 559 605 чел. (старше 16 лет - 2 972 657 (83,5 %)). Т.е. цифры почти совпадают, причем сведения ГП «ЦГИР "Registru"» отражают более реальную картину.

Согласно сведениям ГП «ЦГИР "Registru"» на 01.01.2012 г., 2 477 084 чел. (69,6 %) граждан определили свою национальную идентичность как молдаване. Из них 2 212 800 – старше 16 лет (74,4 % данной категории). Румынами записали себя 3 087 чел. (0,09 %), из них старше 16 лет – 2 881, русскими – 183 115 (5,14 %), украинцами – 252 835 (7,1 %), гагаузами – 128 683 (3,6 %), болгарами – 61 609 (1,7 %), евреями – 4 098 чел. (0,12 %). Молдавский как материнский язык признали 1 930 103 чел. (54,2 %), румынский - 207 840 (5,8 %), русский – 524 885 (14,7 %).

Для граждан старше 16 лет, состоящих на учете в ГП «ЦГИР "Registru"» по состоянию на 01.01.2012 г. русский язык является материнским для 67 595 молдаван, 225 румын, 159 168 русских, 133 838 украинцев, 11 948 гагаузов, 16 557 болгар и 3 107 евреев.

Большая численность украинцев, признавших русский язык родным, объясняется тем фактом, что значительная их часть является русинами и их потомками. В переписи 1897 г. в Бессарабии русинов, чья численность в то время в крае составляла более 250 тыс. чел., отнесли к носителям малорусского языка, которых было 379 698 чел.¹³ После присоединении Бессарабии к СССР попытка украинизации русинов, предпринятая в Молдавии в 50-е гг. XX в., особого успеха не имела.

По переписи 2004 г. в Молдавии (данные без учета Приднестровья) своим родным языком признали молдавский 60 % граждан (2 029 847 из 3 383 332 чел.), румынский -16,5 % (558 508 чел.). Из 3 383 332 жителей республики русский язык родным указали 380 756 чел. (11,3%). Он был родным для 195 573 русских, 63 290 молдаван, 89 853 украинцев, 9 134 болгар, 8 618 гагаузов, 3 500 белорусов, 2 795 евреев, 1 557 поляков, 1 163 немцев, 571 румына. Языком, на котором обычно разговаривают, русский назвали 540 990 чел. (16 %), из которых 128 372 молдаванина, 141 206 украинцев, 40

445 гагаузов, 1 537 румын, 23 259 болгар и 18 610 представителей других национальностей. Свободно владеют русским языком 52,5 % молдаван (1 347 647 чел. из 2 564 849 по переписи 2004 г.), 32,7 % украинцев (92 248 чел.), 60,5 % румын (44 350 чел.), 57,1 % болгар (37 497 чел.), 62,5 % гагаузов (92 114 чел.)¹⁴.

Согласно Закону о переписи населения и жилищ в Республике Молдова в 2014 г. (№ 90 от 26.04. 2012 г.), с 1 по 14 апреля 2014 г. состоится новая перепись населения. Однако вряд ли ее результаты, если она в целом будет проведена корректно, будут радикально отличаться от предыдущих.

В свою очередь значительное число граждан, для которых русский язык является материнским и языком постоянного общения, делает актуальным вопрос о соблюдении в стране языкового законодательства, в т. ч. органического Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова № 3465-XI от 1 сентября 1989 г., который имеет приоритет над другими нормативными актами, но положения которого, к сожалению, не исполняются государственными структурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вымышленные народы в России. Материал из Википедии - свободной энциклопедии. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8B_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 10.11.2013).

2. Зарубежный опыт проведения переписей населения. Пресс-кит. С. 8. URL: www.depsmi.ru/upload/iblock/1be/17112009.DOC (дата обращения: 10.11.2013).

3. Неожиданные итоги переписи населения в Англии: «джедаи» и лентяи. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=981424> (дата обращения: 10.11.2013).

4. URL: <http://www.politforums.ru/internal/1194074866.html> (дата обращения: 10.12.2013).

5. *Степанов В.В.* Вступительное слово о переписи и академике Тишкове / Этнополитический мониторинг переписи населения. Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 12.

6. *Recensămîntul populației = Перепись населения = Population census, 2004. [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale = Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики = Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. Chișinău: Statistica, 2006. С. 300-301.*

7. *Тишков В.А.* О Всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков / Этнополитический мониторинг переписи населения. С. 17.
8. *Сенюшкина Т.Н.* Украина: перепись населения и политизация этничности / Этнополитический мониторинг переписи населения. С. 426-427.
9. *Неменский О.Б.* Многоцветье золотой Руси. Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. [Кишинев]. № 1 (3), 2006. С. 131-132.
10. *Коростылев А.Д.* Нечеткость этнической самоидентификации и перепись / Этнополитический мониторинг переписи населения. С. 73.
11. Данные получены согласно контракту № 18-СТ от 23 мая 2012 г. между Государственным предприятием «Центр государственных информационных ресурсов "Registru"» и Суляком С.Г.
12. *Populația Republicii Moldova pe vîrste și sexe, în profil teritorial la 1 ianuarie 2012. Culegere statistică / Население Республики Молдова по возрасту и полу в территориальном аспекте на 1 января 2012 г. Статистический сборник. Chișinău, 2012. С. 6.*
13. *Суляк С.Г.* Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX - начале XX в. // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 1 (27). [Кишинев]. ISSN 1857-2685. С. 20.
14. *Суляк С.Г.* Молдавия и Русский мир: возможно ли возвращение? // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. 2012. № 3 (29). [Кишинев]. ISSN 1857-2685. С. 18-19.

Referents

1. *Vymyshlennye narody v Rossii.* From Wikipedia, the free encyclopedia. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D1%8B%D0%BC%D1%8B%D1%88%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8B_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (data obrashhenija: 10.11.2013).
2. *Zarubezhnyj opyt provedenija perepisej naselenija.* Press-kit. S. 8. URL: www.depsmi.ru/upload/iblock/1be/17112009.DOC (data obrashhenija: 10.11.2013).
3. *Neozhidannye itogi perepisi naselenija v Anglii: «dzhedai» i lentjai.* URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=981424> (data obrashhenija: 10.11.2013).
4. URL: <http://www.politforums.ru/internal/1194074866.html> (data obrashhenija: 10.12.2013).
5. *Stepanov V.V.* Vstupitel'noe slovo o perepisi i akademike Tishkove / Jetnopoliticheskiy monitoring perepisi naselenija. Pod red. V.V. Stepanova. M.: IJeA RAN, 2011. S. 12.
6. *Recensămîntul populației = Perepis' naselenija = Population census, 2004. [În 4 vol.] / Biroul Național de Statistică al Republica Moldova. Vol. 1. Caracteristici demografice, naționale, lingvistice, culturale = Demograficheskie,*

nacional'nye, jazykovye, kul'turnye karakteristiki = Demographic, national, linguistic, cultural characteristics. Chişinău: Statistica, 2006. S. 300-301.

7. *Tishkov V.A.* O Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda: razjasnenija dlja retrogradov i nacionalistov i preduprezhdenija dlja chinovnikov i politikov / Jetnopoliticheskiy monitoring perepisi naselenija. S. 17.

8. *Senjushkina T.N.* Ukraina: perepis' naselenija i politizacija jetnichnosti / Jetnopoliticheskiy monitoring perepisi naselenija. S. 426-427.

9. *Nemenskiy O.B.* Mnogocvet'e zolotoj Rusi // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Suljak. [Kishinev]. № 1 (3), 2006. S. 131-132.

10. *Korostylev A.D.* Nechetkost' jetnicheskoy samoidentifikacii i perepis' / Jetnopoliticheskiy monitoring perepisi naselenija. S. 73.

11. Information obtained under contract number 18-ST on 23 May 2012 between the State Enterprise «Centre for State Information Resources "Registru"» (SE «CSIR "Registru"») and Sulyak S.G.

12. Populația Republicii Moldova pe vîrste și sexe, în profil territorial la 1 ianuarie 2012. Culegere statistică / Naselenie Respubliki Moldova po vozrastu i polu v territorial'nom aspekte na 1 janvarja 2012 g. Statisticheskij sbornik. Chişinău, 2012. S. 6.

13. Suljak S.G. Jetnodemograficheskie processy v Bessarabii v XIX - nachale XX v. [Ethno-Demographic processes in Bessarabia in the XIX - beginning of the XX ages] // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Suljak. 2012. № 1 (27). [Kishinev]. ISSN 1857-2685. S. 20.

14. Suljak S.G. Moldavija i Russkij mir: vozmozhno li vozvrashhenie? [Moldavia and the Russian World: Is a Return Possible?] // Rusin. Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal / Otv. red. S.G. Suljak.. 2012. № 3 (29). [Kishinev]. ISSN 1857-2685. S. 18-19.

Суляк Сергей Георгиевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Sulyak Sergey - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria, Chief Editor of the International Historical Journal «Rusin», President of the Association «Rus'» (Republic of Moldova).

e-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Приложение**Население Молдавии* по некоторым национальностям и языкам**

	Данные ГП «ЦГИР "Registru"» по состоянию на 12.10.2004 г., чел.	Данные переписи 5-12.10. 2004 г., чел.**	Данные ГП «ЦГИР "Registru"» по состоянию на 1.01.2012 г., чел.	Данные Националь- ного бюро статистики по состоянию на 1.01.2012 г., чел.	
Всего, чел.	2 570 170	3 383 332	3 559 605	3 559 541	
Всего в возрасте старше 16 лет	2 362 540	2 673 438	2 972 657	2 935 531	
Всего в возрасте до 16 лет	207 630	709 894	586 948	624 010	
молдаване	1 768 978	2 564 849	2 477 084	-	
- из них в возрасте до 16 лет	103 356	Нет данных	264 284	-	
румыны	2 664	73 276	3 087	-	
- из них в возрасте до 16 лет	85	Нет данных	206	-	
русские	153 300	201 218	183 115	-	
- из них в возрасте до 16 лет	6 286	Нет данных	8 241	-	
украинцы	214 238	282 406	252 835	-	
- из них в возрасте до 16 лет	7 644	Нет данных	12 263	-	
гагаузы	104 151	147 500	128 683	-	
- из них в возрасте до 16 лет	4 868	Нет данных	6 912	-	
болгары	47 593	65 662	61 609	-	
- из них в возрасте до 16 лет	2 677	Нет данных	4 748	-	
евреи	4 322	3 608	4 098	-	
- из них в возрасте до 16 лет	147	Нет данных	139	-	
Материнский язык (декларируемая информация)	молдавский	1 417 074	2 029 847	1 930 103	-
	румынский	153 590	558 508	207 840	-
	русский	339 481	380 796	524 885	-
	украинский	67 041	186 394	78 815	-
	гагаузский	86 034	137 774	105 209	-
	болгарский	29 731	54 401	36 764	-
	идиш	84	Нет данных	64	-
	иврит	33	Нет данных	26	-

* Без левобережных районов Днестра и Бендер.

** Приводятся данные по всем возрастным категориям.

УДК 94(478 "1924-1926"
DOI: 10.17223/18572685/33/7

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОЛДАВСКОЙ АВТОНОМИИ В 1924-1926 гг. (ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В.В. Иченко, Е.А. Матвейчук

Приднестровский государственный университет им Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)
e-mail: historia83@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена этническому составу общественных организаций на начальном этапе формирования Молдавской автономии. В частности, уделяется внимание таким организациям, как комитет советской молодежи, комитет незаможных селян, профсоюзным, женским и детским союзам. В работе приводится этнический и социальный состав по отдельным населенным пунктам и районам, при этом указывается преобладание того или иного этноса в регионе.

Ключевые слова: комсомольцы, профсоюзы, комитет незаможных селян, женские отделы, русские, молдаване, украинцы, евреи, Молдавская автономия, сионисты.

The social organizations of the Moldavian autonomy in 1924-1926 years (the ethnic aspect)

V.V. Ichenko, E.A. Matveychuk

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)
e-mail: historia83@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of ethnic staff of the social organizations on the initial stage of the Moldavian autonomy forming. In particular the attention is paid to such organizations, as The Committee of the Soviet youth, the Committee of the landless peasants, Trade, Women`s and Child units. The work describes the ethnic and social staff in different localities and regions. It indicates the predomination of the one or the other ethnos in the region.

Keywords: komsomol members, trade units, the Committee of the landless peasants, Women's units, Russians, Moldavians, Ukrainians, Jews, The Moldavian autonomy, Zionists.

Вопрос об этническом составе Молдавской автономии возникает фактически сразу же после ее образования. Эта идея принадлежала группе эмигрантов – бессарабцев, проживавших в Москве. Все же они не обладали реальной политической силой, в связи с чем проект мог быть реализован только при наличии таковой. Тогда в работу включились видные военачальники М.В. Фрунзе и Г.И. Котовский. Именно после этого была образована инициативная группа для подготовки обращения в ЦК партии о создании республики. Ее фактическим руководителем стал Ион Дическу-Дик. В записке говорилось: «Молдавская республика служила бы объективом привлечения внимания и симпатии бессарабского населения и дала бы еще большой повод претендовать на воссоединение Заднепровья. С этой точки зрения напрашивается необходимость создания именно социалистической республики, а не автономной области в пределах УССР. Объединение Приднестровья и Заднепровья служило бы стратегическим клином СССР по отношению и к Балканам (через Добруджу) и к Центральной Европе (через Буковину и Галицию), который СССР мог бы использовать в качестве плацдарма в военных и политических целях»¹.

Однако в контексте темы публикации интересен другой аспект докладной записки – состав населения: «На левом берегу Днестра в бывшей Херсонской и Каменец-Подольской губерниях живут компактной массой не менее 500–800 тыс. (а по утверждению румын – до 2 млн) молдаван, обладающих своим особым национальным бытом и говорящих на румынском диалекте, молдавском языке»². Это подчеркивает тот факт, что состав населения будущей МАССР отличался своей спецификой.

По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. всего в МАССР проживали 572,3 тыс. человек, из них украинцев – 48,5 %, молдаван – 30,1 %, русских – 8,5 %, евреев – 8,5 %, прочих – 4,4 %³. Украинцы населяли в основном семь районов, в пяти из которых они преобладали. Молдаване составляли большинство в трех районах и в двух из них доминировали. В Тираспольском районе значительную часть населения представляли русские, украинцы преимущественно проживали в городах Бирзула и Ананьев, евреи – в Балте и Рыбнице⁴.

Остановимся на пионерских и комсомольских организациях. Так, например, на начальном этапе существования молдавская пионер-

ская организация насчитывала в своих рядах 6 230 пионеров, городских - 2 116, сельских - 4 114⁵. По социальному составу: дети рабочих - 1 780, крестьян - 3 200, служащих - 686, прочих - 564. По национальному составу: молдаване - 1 506, украинцы - 2 570, русские - 1 180, евреи - 974. Позже наблюдается динамика снижения численности пионерских организаций. Так, к ноябрю 1925 г. насчитывалось 4 103 человека на 140 отрядов, из них молдавских детей - 532, т. е. всего 11 %⁶.

Достаточно интересными представляются сведения об этническом и социальном составе комсомольской организации к концу 1925 г. Они свидетельствуют о том, что внутри нее создано уже 30 молдавских ячеек. Тем не менее по сравнению с численностью всей организации в них не хватало коренного населения: молдаван - 19,5 %, евреев - 20 % Девушек в организации было 13%, из них молдаванок - 30 чел., т. е. всего 1 %⁷.

Обратим внимание на этнический состав женских организаций Молдавской автономии. К примеру, на заседании первой женской конференции Рыбницкого района АМССР (28.12.1924 г.) было четыре основных докладчика. Один (Этчин) выступал на молдавском языке, другой (Гольфельд) - на еврейском⁸. В Каменском районе в тот же период насчитывалось 70 делегаток-селянок и 20 делегаток-работниц, все они были членами Комитета незаможных селян (КНС) и профсоюзов. Из них представительницы молдавской национальности составляли только 30 %, остальные, как говорится в документе, - украинки, еврейки и прочие⁹. В селе Рашков на заседании женского отдела не только протокол, но и все выступления велись на украинском языке. В Тирасполе на одном из заседаний женотделов говорилось о том, что среди комсомольцев наблюдается малое число представителей молдавского этноса и слабое знание молдавского языка, в связи с чем принимается решение прикрепить 15 молдавских делегаток от женотдела к трем ячейкам КСМ¹⁰.

Особо в документах того времени отмечены сионистские организации. Например, Главное бюро еврейской секции представляло следующие данные об их структуре по Украине:

основные группы:

1. Сионисты-социалисты;
 2. СТП (Сионистская трудовая партия);
 3. ССФ (Сионистско-социалистическая федерация «Дройр») (Л. 6);
- юношеские:

1. Сионистско-социалистическая Югент Фербанд;
2. Организация сионистской молодежи - Гистатруд;
3. Гашомер;

и детские:

1. Гашомер и Гацоир;
2. Нацмол;
3. Цойфим¹¹.

Сионисты имели влияние на местечковую бедняцкую и трудовую молодежь и на еврейских детей, посещавших русские и украинские школы. В меньшей степени, но все же имело место их влияние на студенчество и советских служащих. В документе говорится и о том, что в отдельных местах сионистские организации количественно в несколько раз превышали комсомольские и пионерские. Ими издавались газеты, журналы, сборники и почти во всех городах - листовки¹². В отдельных местах отмечались случаи проникновения сионистской молодежи в комсомольские ячейки и пионеротряды. На тот период основными требованиями сионистов были:

- национально – персональная автономия для евреев;
- свободные еврейские советы в местных, республиканских и всесоюзных масштабах;
- создание еврейских отделений профсоюзов¹³.

О большой их активности говорят и такие данные: «Сионисты стремятся своим влиянием охватить молодежь. Недавно ими в г. Балта был созван съезд, на котором были представители организаций: Рыбницкой, Каменской и Крутнянской. Руководителями съезда были розданы материалы для руководства по привлечению КСМ в сионистские организации. В м. Дубоссарах имеется организация, в которую вошла молодежь кустарей. Такая же организация имеется и в г. Тирасполе - на 160 чел.»¹⁴.

Достаточно органично этнический состав МАССР представлен на примере КНС. По состоянию на 1926 г. всего членами КНС были 33 656 человек, из них мужчин - 27 954, женщин - 5 702; по национальному составу: украинцев - 21 521, молдаван - 8 116, русских - 2 020, евреев - 1 245, поляков - 406, прочих - 348¹⁵. Как мы видим, больший процент представлен украинским населением. Примерно та же картина наблюдается и в организации профсоюзов. В тот же период их членами были: украинцы - 51,8 %, евреи - 18,7 %, молдаване - 7,7 %. Заметим, что в данной организации процент молдаван был высок. Кроме того, необходимо указать и этнический состав тех работников профсоюзов, которые трудились по найму: всего 9 286 чел. (украинцев - 4 179, русских - 1 633, евреев - 2 313, молдаван - 492, поляков - 219, белорусов - 107, болгар - 39)¹⁶.

Прослеживается некоторая закономерность в том, что разнообразный этнический состав Молдавской автономии на начальном этапе становления республики нашел свое отражение на примере

состава некоторых общественных организаций МАССР, в чем убеждают нас факты, приведенные в статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Морару А.* Судьба документа // *Cugetul*. 1992. № 5–6. С. 59.
2. Там же. С. 58.
3. *Галущенко О.С.* Население Молдавской АССР (1924-1940 гг.). Кишинев, 2011. С. 13.
4. Там же. С. 14.
5. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АСПОМ). Ф. 49. Оп. 1. Д. 986. Л. 23.
6. Там же. Л. 23.
7. Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.
8. Там же. Л. 2.
9. Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 58. Л. 8.
10. Там же. Л. 21.
11. Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 62. Л. 6.
12. Там же. Л. 8.
13. Там же. Л. 9.
14. Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 80. Л. 15.
15. Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 653. Л. 1.
16. Там же. Л. 3.

Referents

1. *Moraru A.* Destiny dokument // *Cugetul*. 1992. № 5–6. S. 59.
2. Tam zhe. S. 58.
3. *Galuscenko O.S.* Population Moldavian ASSR (1924-1940 гг.). Kishinev, 2011. S. 13.
4. Tam zhe. S. 14.
5. The Social-political organizations archieve of the Moldavian republic (ASPORM), F. 49. Op.1. D. 986. L. 23.
6. Tam zhe. L. 23.
7. Tam zhe. F. 49. Op. 1. D. 44. L. 3.
8. Tam zhe. L. 2.
9. Tam zhe. F. 49. Op. 1. D. 58. L. 8.
10. Tam zhe. L. 21.
11. Tam zhe. F. 49. Op. 1. D. 62. L. 6.
12. Tam zhe. L. 8.
13. Tam zhe. L. 9.
14. Tam zhe. F. 49. Op. 1. D. 80. L. 15.
15. Tam zhe. F. 49. Op. 1. D. 653. L. 1.
16. Tam zhe. L. 3.

Иченко Виталий Владимирович - старший преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: historia83@mail.ru

Матвейчук Евгения Афанасьевна - доцент кафедры журналистики Института языка и литературы Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: historia83@mail.ru

Ichenko Vitaliy - Senior Lecturer of the Faculty of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: historia83@mail.ru

Matveychuk Yevgenia - Associate Professor of the Faculty of Journalism of the The Institute of Language and Literature of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: historia83@mail.ru

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. и содержит материалы по истории Малороссии, создания украинского языка и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных авторов (С. Сидоренко).

УДК 81'246.3(477.85)"1774-1918"

DOI: 10.17223/18572685/33/8

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА БУКОВИНЕ В АВСТРИЙСКИЙ ПЕРИОД: ДИНАМИКА КРАЕВЫХ ЯЗЫКОВ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (1774-1918 гг.)

А.Д. Огуй

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
(Украина)

e-mail: aloguy@inbox.ru

Авторское резюме

Целью данной работы является социолингвистический анализ функционирования краевых языков Буковины через языковую ситуацию на фоне культурного пограничья, которым был край на протяжении XVIII-XX ст., что делает это исследование особенно актуальным в рамках глобализационной политики современности. В статье впервые проводится социолингвистическое описание языковой ситуации как функционирование пяти основных краевых языков (украинского, румынского, польского, немецкого и идиш) на Буковине в австрийский период (1774-1918) с учетом политики Габсбургской Австрии, которой принадлежала Буковина. Языковая ситуация в условиях экзоглосности (многоязычия) была вполне динамичной, зависимой от языковой политики государства, которое постепенно сумело сбалансировать обращение региональных языков, распределить их функции. Немецкий литературный язык выполнял функцию языка закона и культуры. На его основе для межнационального бытового общения выработалось буковинское койне - бухенлендиш, включившее черты других краевых языков. Другие краевые языки (благодаря прессе и образовательной системе) подняли уровень применения, что способствовало сбалансированию ситуации в многоязычном регионе. Буковинский опыт толерантности следует применить в строящемся «европейском доме».

Ключевые слова: Буковина, краевые языки (украинский, румынский, польский, немецкий, идиш), языковая ситуация, языковая политика.

**Linguistic situation in Bukovina in Austrian period:
the dynamics of regional languages in the sociolinguistic
aspect (1774-1918)**

A.D. Ogyu

Fedkovich National University of Chernivtsi (Ukraine)

e-mail: aloguy@inbox.ru

Abstract

The aim of this work is sociolinguistic analysis of the regional languages' functioning in Bukovina produced by evaluating linguistic situation in the cultural frontier, which the Bukovina was between the 18th and 20th centuries. It makes this study particularly relevant within the globalization policy of today. The paper is directed to sociolinguistic description of language situation as functioning of five major regional languages (Ukrainian, Romanian, Polish, German and Yiddish) in the Bukovina in Austrian period (1774-1918). The language situation was exoglossic (i.e. multilingual), rather dynamic, dependent on language policy of Austria, which could balance the circulation of regional languages, distributing their function. The German language acted as the language of law and culture. On its basis the Bukovynian Koine-Buchenlendish was evolved for interethnic communication community including features of other regional languages. Other language (thanks to the press and schooling) have raised their level of use, which helped to stabilize the situation in multilingual region. The Bukovinian experience should be applied in the construction of European house.

Keywords: Bukovina, regional languages (Ukrainian, Romanian, Polish, German, Yiddish); linguistic situation, language policy.

Буковина, часть пограничной прикарпатской Украины между реками Сучава, Серет, Прут и Днестр, бывшая составная часть Киевской Руси (с IX в.) и Галицко-Владимирского королевства (с XII в.), с 1349/77 г. входила в состав Молдавского княжества, где сформировалась уникальная языковая ситуация, существовавшая до аннексии территории Австро-Венгерской империей Габсбургов (1774-1918). Буковине австрийских времен также присущи были феномены пограничья и мультикультурализм, что представляется весьма актуальным для понимания общеевропейских интеграционных процессов в объединенной Европе. Поэтому целью данной работы является социолингвистический анализ функционирования языков на фоне культурного пограничья, которым была Буковина в течение XVIII-XX вв.

Подобные исследования осуществляли историки XIX (J. Polek, R.F. Kaindl) и XX вв. (И. Манолатий, С. Осачук, С. Троян, К. Feleszko; D. Hrenciuc, M. Petraru, P. Urbanitsch и др.), а также литературоведы (П. Рыхло, М. Иваницкая) и языковеды (К.Фелешко, И.Я. Яцюк), которые, однако, ограничивались или рассмотрением демографических процессов, или изучением только одного из языков Буковины. Как

видим, чисто социолингвистические труды, касающиеся языковой ситуации на Буковине, за исключением работ автора¹, в настоящее время отсутствуют, что делает это исследование особенно актуальным в рамках глобализационной политики современности.

Ключевой научной дисциплиной для осуществления такого исследования выступает социолингвистика (термин К. Курри, 1952), которая развивается на грани языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Социолингвистика изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества. Сейчас основной проблемой социолингвистики, наряду с проблемой социальной дифференциации языка, его употребления как социолекта на всех уровнях (бытовом, официальном)², является изучение языковой ситуации, которая определяется как совокупность форм существования языка (региональное койне, территориальные и социальные диалекты), что обеспечивает его существование в определенных административно-территориальных объединениях. Для Буковины исследуемых времен одновременно были характерны экзо- и эндогlossenность, т. е. мультилингвизм разноязычных и диглоссия разнодиалектных говорящих³. Это обстоятельство отразилось на сбалансированности экзоглосной, т. е. разноязычной ситуации, создавая определенную иерархию сфер применения имеющихся языков (в т. ч. и немецкого *Buchenländisch*). Языковую ситуацию в значительной степени определяла для Буковины языковая политика – совокупность мероприятий, которые, как правило, проводит общество для изменения или сохранения существующего функционального разделения языков или языковых подсистем для введения новых или сбережения старых языковых норм⁴.

Остановимся подробнее на социально-исторических аспектах проблемы. Как известно, после первого раздела Польского королевства (1772 г.) Малая Польша и Красная Русь вошли в состав Австрии – одного из самых мощных государств Европы. Для коммуникации новых земель с Трансильванией император Иосиф II пожелал присоединить северную часть Молдавии – Буковину, которую он аннексировал, воспользовавшись результатами военных действий России против Турции. На Буковине (после ее присоединения в 1774 г. к империи Габсбургов) установилось правление так называемой военной администрации (с центром в Черновцах), которое продолжалось до 1787 г. под управлением генерала Сплени, а с 1778 г. – генерала Энценберга⁵.

Как свидетельствуют документы, тогдашняя Буковина была мало-заселенной – здесь проживала всего 11 421 семья (1774), т. е. около

45 тыс. чел.⁶ Основную часть населения представляли, по данным переписи 1776 г., русины и волохи (молдаване) (вместе - 90 % семей). Остальными были евреи (526 семей), армяне (58) и цыгане (294 кочевых и 500 оседлых семей), не считая поляков, которые появились во времена Штефана III, турок, липован (с 1723 г.), немцев – ткачей из Прилипча (1760) и немцев-монетариев с Садгоры (1771). До аннексии употребительными были молдавский язык как язык официальных документов и русинский язык северных цинутов⁷. Таким образом, до 1774 г. на Буковине имела место экзогlossная, относительно уравновешенная языковая ситуация, представлявшая собой сосуществование различных языков в закрытом сообществе.

Поскольку, по мнению австрийских чиновников - проводников идей просвещенного либерализма-«йозефинизма», было необходимо срочно улучшать инфраструктуру Буковины⁸ (в крае ощущались как нехватка рабочей силы для обработки земли, так и недостаток мещан), то началось привлечение немецкого и другого населения к колонизации края. «Патентом о переселении» от 17 сентября 1781 г. правительство пообещало льготы всем иностранцам, которые пожелают переселиться на территорию Австрии. «Патентом о толерантности» от 13 октября 1781 г. общинам христиан-некатоликов и православным гарантировались гражданское равенство с католическим большинством населения и свобода вероисповедания. «Патентом о веротерпимости» от 20 октября 1781 г. была открыта возможность и для свободного въезда многочисленных переселенцев-протестантов⁹. Комплекс этих патентов фактически создал основу для широкой сельскохозяйственной колонизации малозаселенных земель, в первую очередь Галичины и Буковины, т. к. он предоставлял условия для притока в эти края выходцев прежде всего из аграрно перенаселенных немецких княжеств.

В соответствии с патентами в июне 1782 г. в Черновцы прибыли первые две семьи немецких колонистов из Баната. В октябре того же года на Буковину приехали еще 20 семей из Баната, 19 из которых были выходцами из городов Мангейм и Майнфранкен. Первое расселение немецких поселенцев сознательно проводилось в существующие общины автохтонного населения¹⁰. После второго посещения края австрийским императором Иосифом II в 1786 г. появился его указ о переселении остальных еще не расселенных немецких колонистов из Галиции на Буковину. Вследствие этого осенью 1787 г. из Галиции на Буковину прибыли еще 74 немецкие семьи из Гессена, Пфальца, Бадена и Вюртемберга¹¹. Исключительное значение для германизации края имел эдикт Иосифа II о евреях (1782 г.), по которому тех уравнивали в правах со всеми гражданами, однако (как носителей близкородственного западногерманского идиша) обяза-

ли выучить немецкий язык. Это вызвало значительный приток немецкоязычных евреев на Буковину – преимущественно в ее города. Наряду с немцами и евреями из Галиции и других регионов прибыли и другие переселенцы: поляки (после освободительного восстания 1830 г. - до 4 тыс.)¹² и армяне (до 1000 чел. армян в 1850 г.), русские старообрядцы – липоване, а также венгры, которые с 1776 г. заселили пять сел (Фогадистен, Истенегитс, Южеффалва, Гадикфалва и Андрашфалва).

Немцы играли значительную роль в колонизации края. Они прибыли за время йозефинской и францисканской колонизации четырьмя потоками, так что с 1782 до конца 1830-х гг. на Буковину переселилось до 3 тыс. немецких семей. Наряду с городской колонизацией (за счет чиновников и ремесленников), которая не прекращалась до 1910-х гг., происходила интенсивная сельская «йозефинская» (1782-1790) и «францисканская» (1792-1835) колонизация Буковины крестьянами - рейнландцами, которых называли швабами (Роша, Молодия, Жучка и др.), «горнодобывающая» колонизация - ципсамы и банатскими немцами (Якобены, 1784; Кирлибаба, 1797; Айзенау, 1808 и т.д.) и «стеклянно-лесорубная» колонизация - немцами-богемцами (Старая и Новая Гута, Фюрстенталь и др.), которые на гутах плавил стекло. Немцы, которых сначала селили вместе с автохтонным населением, где они ассимилировались, пытались создавать закрытые колонии, получавшие освобождение от налогов и финансовой помощи. Немцы принесли на Буковину свою материальную культуру: новое добротное строительство, цветники возле домов, эффективное земледелие (немецким плугом) и сев огородных и садовых культур (в т. ч. груши и орехи на сельских окраинах), европейское ремесленничество. Тем самым они выполняли попутно определенную культуртрегерскую функцию. Благодаря иммиграционным процессам немцы, согласно государственной переписи 1851 г., составили 25 592 человека (6,72 % населения края)¹³, однако немецкий литературный язык существовал только в канцеляриях и школах городов, а в общинах общались на родных языках и диалектах.

Языками русинского (украинского) и румынского населения в условиях германской колонизации, которая принесла в них многочисленные заимствования (до 15 %), постоянно пренебрегали. После объединения Буковины с Галицией (1787 г.) польский язык стал обязательным (как и немецкий), в результате чего уменьшилось количество школ, перешедших под контроль римско-католической консистории во Львове (1816)¹⁴. Как видим, колонизация и присоединение к Галиции привели к существенному дисбалансу экзоглос-

ной языковой ситуации. Таким образом, характерными чертами Буковины (в составе монархии) были полиэтничность, экзоглосное и дисбалансированное изолированное многоязычие, многообразие вероисповеданий и культур. Отмечая особый характер миграции, направленный на заработки и создание новых поселений по национально-профессиональным признакам, можем говорить о тогдашней замкнутости языково-культурных систем каждой отдельной нации (в 1850-х гг.).

После национально-демократической революции 1848-1849 гг. языковая ситуация существенно изменилась. Разрешением на открытие национальных школ и создание прессы воспользовались местные волохи (т.е. молдаване / румыны) Буковины, основав газету «*Visovina*». Мощная немецкая сельскохозяйственная колонизация прекратилась, однако продолжалась городская. Поражение Габсбургской монархии в прусско-австрийской войне (1866) привело к утверждению дуалистической Австро-Венгрии и значительной культурно-национальной либерализации, когда и началось массовое открытие национальных школ. В условиях образования независимого Румынского королевства (1867/1883) и интенсивной москвофильской пропаганды австрийская власть, следуя принципу «разделяй и властвуй», поддержала местных русинов (нем. *Ruthenen*), отделенных своим наименованием (в значительной степени и по политическим соображениям) от украинцев Российской империи.

К этому времени (1869-1875 гг.) основным населением Буковины оставались румыны (41 %) и русины (украинцы) (36,8 %), преобладавшие соответственно на Южной и Северной Буковине. Немцы же и евреи, которые часто записывали себя немцами, составляли по 7-10%. Всего по государственной переписи населения от 1869 г. среди всех жителей Буковины (533 964 человека) было 10 479 евангельских и 29 502 католических немца¹⁵ а остальные, записавшие себя таковыми, были немецкоязычными евреями (см. данные 1875 г.). Остальные группы населения представляли поляки, армяне, цыгане, русские-филипоны, чехи, поляки, венгры, сербо-хорваты и др., которые также трудились на благо Буковины.

Профессиональную занятость буковинцев, которая в значительной степени отразилась на лексических заимствованиях и семантических кальках в разных языках края, иллюстрируют следующие примеры 1910 г.¹⁶ В профессиональном классе «земледелие и лесоводство» работало 46,7 % русинов (остальные 34,4 % - военные и 22,2 % - люди без профессий) и 42,2 % румын (22,7 % - свободные профессии, 25,2 % - военнослужащие и 21,4 % - люди без профессий). Промышленность и ремесла в значительной степени пред-

ставляли немцы (24,2 %), немецкоязычные евреи (24,3 %) и поляки (29,7 %). В группе «торговля и транспорт» безоговорочно доминировали евреи (41,7 % всех евреев, которые также занимались промыслом, - 24,3 %); публичными профессиями (учителя, врачи, юристы) занимались 20,7 %, а остальные не работали. В группе «общественные и публичные профессии» выделялись немцы (21,1 %), евреи (24,3 %) и поляки (21,7 %). На этом основании Буковину и Черновцы во времена Австро-Венгрии сравнивали с кораблем для прогулок, на котором руководил немец/австриец-капитан, боцманами были поляки, гребли украинские и молдавские матросы, а развлекались еврейские пассажиры. Пароход этот курсировал под австрийским флагом между Западом и Востоком¹⁷.

Что касается немцев, то, несмотря на их сравнительно небольшую численность в крае (в 1900 г. на Буковине их насчитывалось более 60 тыс., а в 1927 г. – 71 678 тыс.)¹⁸, они существенно способствовали развитию как материальной, так и духовной культуры Буковины. Еще эдиктами 1780-х гг. переселение немцев имело две цели. Первая, чисто экономическая – увеличить плотность населения в новой провинции и поднять ее хозяйственный потенциал. Вторая, цивилизационная - немецкие колонисты должны были стать представителями Запада на Востоке, образцом хозяйственной и духовно-культурной организованности и порядка. Немецкие колонисты приложили много усилий для освоения полученных земель, создания прочных зажиточных хозяйств, способствовали распространению в крае лучших орудий и методов труда, а также создали «буковинизм» (Т. Галип) как чувство краевой корпоративности через утверждение школьных и культурных организаций (театров, национальных домов и т.д.). В условиях «буковинизма» носителями «немецкого духа», языка (и классического, и бухенлендиша) и литературы были не только местные немецкие поселенцы, но и выходцы из ассимилированных еврейских семей. Их прадеды переселились во времена либерального и веротерпимого императора Иосифа II на Буковину, где и осели. Евреи стремились приобщиться к немецкой культуре и воспитывали своих детей в духе немецко-еврейского симбиоза, выступая горячими сторонниками немецкого образования, культуры и театра. Их разговорным языком был уже не идиш или гебрайский, а специфический местный немецкий бухенлендиш¹⁹.

В условиях Габсбургской монархии этого времени ключевым языком стал литературный немецкий, а региональными языками – русинский (украинский), молдавский, польский и идиш, выполнявшие функции в сфере как официального общения, так и управления.

Простые буковинцы знали на разговорном уровне от трех до пяти и более языков²⁰, а для служащих устное и письменное знание двух-трех языков было обязательным, что усиливало межъязыковую интерференцию. На основе немецкого для бытового общения выработалось буковинское койне - бухенлендиш, которое включало в себя черты других краевых языков. В этот период немецкий язык – язык высших слоев – благодаря умелой языковой политике Австрии стал языком образования, культуры и общественной жизни, а языковая экзоглотная ситуация существенно уравнилась.

Вместо послесловия. После Первой мировой войны по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. за Румынией было признано право на Южную Буковину, а по Севрскому мирному договору 1920 г. – и на Северную Буковину. В период румынской оккупации Буковины (1918-1940 гг.) были отменены все автономные права края, который был преобразован в провинцию Румынии. До прихода советских войск (28.06.1940 г.) на Буковине было запрещено употребление украинского языка, ограничено употребление немецкого, закрыты учебные и культурно-просветительские учреждения, газеты и журналы. В 1918 г. из-за интенсивной румынизации Буковину покинуло определенное количество немцев, а в 1940 г. начался их массовый отток в связи с возвращением на историческую родину – в Германию. Хотя вследствие румынизации на Буковине началось вытеснение немецкого языка из всех важнейших сфер жизни, именно здесь появилось целое созвездие молодых талантов (П. Целан, Р. Ауслендер и др.), которые модернизировали немецкую литературу. При советской власти (с 28.06.1940 до 21.06.1941 г., а затем с марта 1944 г.) Буковина стала Черновицкой областью Советской Украины, вследствие чего национальные школы начали исчезать сначала из-за массового выезда поляков, немцев, евреев, а затем из-за русификации, сделавшей русский язык языком культуры.

В независимой Украине, при сохранении многоязычия Буковины, основными языками выступают украинский (70,8 % населения), румынский (19,3 %), русский (10,5 %), однако социолингвистическая экзоглотная ситуация частично стабилизировалась за счет открытия разноязычных школ и деятельности национальных обществ.

Выводы. Как видим, в 1774-1918 гг. языковая ситуация на Буковине в условиях экзоглотности (многоязычия) была совершенно динамичной, зависимой от языковой политики Габсбургской Австрии, которая постепенно сумела сбалансировать обращение региональных языков, распределить их функции. Немецкий литературный выполнял функцию языка закона и культуры, а на основе немецкого для межнационального бытового общения выработалось буковин-

ское койне – бухенлендиш. Эти краевые языка (благодаря прессе и системе образования) расширили сферу своего применения, что способствовало сбалансированию ситуации в многоязычном регионе. В перспективе этот опыт целесообразно применить не только на Украине, но и в языковом строительстве «европейского дома».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині: утвердження, функціонування та занепад у багатомовному краї // Буковинський журнал. №1 (83). 2012. С. 198-203.
2. *Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik. 2. Aufl. Berlin: Schmidt, 1994. С. 9, 38-40, 123-160.
3. *Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik. С. 76-80.
4. *Зозграф Г.А.* Многоязычие // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Энциклопедия, 1990. С. 303; *Швейцер А.Д.* Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева (ред.). М., 1990. С. 481-482.
5. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині: утвердження, функціонування та занепад у багатомовному краї // Буковинський журнал. №1 (83). 2012. С. 198-203.
6. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 201.
7. *Шорников П.* Языковой дуализм в Молдавском княжестве. XIV-XVII вв. // Русин: международный исторический журнал. №2. Кишинев, 2010. С. 66-74.
8. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 199.
9. см. *Осачук С.* Буковинські німці: від Йозефа II до Адольфа Гітлера // Незалежний культурологічний журнал «І». Ч. 56, 2009. С. 57-70; прим. 8.
10. *Осачук С.* Буковинські німці: від Йозефа II до Адольфа Гітлера. Прим. 5.
11. *Осачук С.* Буковинські німці: від Йозефа II до Адольфа Гітлера. Прим. 8, 18.
12. *Feleszko K.* Język polski na Bukowinie do roku 1945. Zarys problematyki // Studia nad polszczyzną kresową / Pod red. J. Riegera. T.6. Warszawa, 1992. S. 10.
13. См.: *Осачук С.* Буковинські німці: від Йозефа II до Адольфа Гітлера. Прим. 17.
14. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 202.
15. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 203.
16. *Монолатій І.* Австрійська Буковина: особливості національних, професійних та мовних поділів // Незалежний культурологічний журнал «І». Ч. 56. 2009. С. 25-37; *Petraru M.* Bukovina, the Switzerland of Eastern Europe // Anuarul muzeului Bucovinei XXXVII. Suceava: Ed. Univ., 2010. P. 195.
17. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 203.
18. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 204.
19. См.: *Монолатій І.* Австрійська Буковина. С. 27; *Осачук С.* Буковинські німці: від Йозефа II до Адольфа Гітлера. С. 61.
20. *Озуй М., Озуй О.* Німецька мова на Буковині. С. 201.

Referents

1. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini: utverzhennya, funktsionuvannya ta zanepad u bagatomovnomu krayi [The German language in the Bukovina: appearance, functioning and decrease in the multilingual region] // *Bukovins'kiy zhurnal.* №1 (83). 2012. S. 198-203 [in Ukrainian].
2. *Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik [Germanic sociolinguistics]. 2. Aufl. Berlin: Schmidt, 1994. C. 9, 38-40, 123-160 [in German].
3. *Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik [Germanic sociolinguistics]. C. 76-80 [in German].
4. *Zograf G.A.* Mnogoyazychie [Multilinguism] // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / pod red. V.N. Yartsevoy.* M.: Entsiklopediya, 1990. S. 303 [in Russian]; *Shveytser A.D.* Sotsiolingvistika [Sociolinguistics] // *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / V.N. Yartseva (red.).* M., 1990. S. 481-482 [in Russian].
5. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini: utverzhennya, funktsionuvannya ta zanepad u bagatomovnomu krayi [The German language in the Bukovina] // *Bukovins'kiy zhurnal.* №1 (83). 2012. S. 198-203 [in Ukrainian].
6. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. C. 201 [in Ukrainian].
7. *Shornikov P.* Yazykovoy dualizm v Moldavskom knyazhestve. XIV-XVII vv. [Linguistic dualism in the principality of Moldova between the 14th and 17th centuries]. *Rusin: mezhdunarodnii istoricheskii zhurnal.* № 2. Kishinev, 2010. S. 66-74 [in Russian].
8. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. C. 199 [in Ukrainian].
9. *Osachuk S.* Bukovins'ki nimtsi: vid Yozefa II do Adol'fa Gitlera [Bukovinian Germans: from Joseph II. till Adolf Hitler], *Nezalezhnyi kul'turologichnyi zhurnal «Ī».* Ch. 56, 2009. S. 57-70; prim. 8 [in Ukrainian].
10. *Osachuk S.* Bukovins'ki nimtsi: vid Yozefa II do Adol'fa Gitlera [Bukovinian Germans: from Joseph II. till Adolf Hitler], prim. 5 [in Ukrainian].
11. *Osachuk S.* Bukovins'ki nimtsi: vid Yozefa II do Adol'fa Gitlera [Bukovinian Germans: from Joseph II. till Adolf Hitler], prim. 8, 18 [in Ukrainian].
12. *Feleszko K.* Język polski na Bukowinie do roku 1945. Zarys problematyki [The Polish language in Bukovina till 1945: Scetch of problems], *Studia nad polszczyzną kresową / Pod red. J.Riegera.* T.6. Warszawa, 1992. S. 10 [in Polish].
13. *Osachuk S.* Bukovins'ki nimtsi: vid Yozefa II do Adol'fa Gitlera [Bukovinian Germans: from Joseph II. till Adolf Hitler], prim. 17 [in Ukrainian].
14. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. S. 202 [in Ukrainian].
15. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. S. 203 [in Ukrainian].
16. *Monolatiy I.* Avstriys'ka Bukovina: osoblivosti natsional'nikh, profesiyonikh ta movnikh podiliv [The Austrian Bukovina: some peculiarities of national, professional and lingual characteristics], *Nezalezhnyi kul'turologichnyi zhurnal*

«І». Ch. 56. 2009. С. 25-37 [in Ukrainian]; Petraru M. Bukovina, the Switzerland of Eastern Europe // Anuarul muzeului Bucovinei XXXVII. Suceava: Ed. Univ., 2010. P. 195 [in English].

17. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. S. 203 [in Ukrainian].

18. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. S. 204 [in Ukrainian].

19. *Monolatiy I.* Avstriys'ka Bukovina [The Austrian Bukovina]. S. 27 [in Ukrainian]; Osachuk S. Bukovins'ki nimtsi: vid Yozefa II do Adol'fa Gitlera [Bukovinian Germans: from Joseph II. till Adolf Hitler]. S. 61 [in Ukrainian].

20. *Oguy M., Oguy O.* Nimets'ka mova na Bukovini [The German language in the Bukovina]. S. 201 [in Ukrainian].

Огуй Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

e-mail: aloguy@inbox.ru

Oguy Aleksandr – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Chair of Foreign Languages at Fedkovich National University of Chernivtsi.

e-mail: aloguy@inbox.ru

Подписка

На международный исторический журнал

Русини

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**

УДК 39(477.85)

DOI: 10.17223/18572685/33/9

МАГИЧЕСКИ-АНИМИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОЖДЕСТВЕНСКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ РУСИНОВ БУКОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

А.Г. Кожолянко

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
(Украина)

e-mail: alexkozholianko@gmail

Авторское резюме

В статье рассматриваются вопросы времени и обстоятельств заселения Буковины русинами (руснаками). Исследован магически-анимистический характер календарных обрядов рождественского периода (Святого вечера) XIX – начала XX в.

Ключевые слова: обряд, праздник, магия, этнокультурная общность, культура, этноним.

The Magical-Mystical Character of the Christmas Customs of the Rusins of Bukovina in the 19th and Beginning of the 20th C.

A.G. Kojolianko

Fedkovich National University of Chernivtsi (Ukraine)

e-mail: alexkozholianko@gmail

Abstract

Under consideration in the article are issues of the time and the circumstances of the settlement of Bukovina by the Rusins (Rusnaks). The magical-mystical character of the Christmas customs (Christmas Eve) in the 19th and 20th Centuries are researched.

Keywords: Custom, Holiday, Magic, Ethno-cultural Commonality, Culture Ethnonym

Постановка проблемы. Изучить магический характер календарных обрядов русинов. Определить задачи, средства и практику проведения магически-анимистических обрядов в зимней календарной обрядности русинов (руснаков) Буковины XIX - начала XX в.

Анализ исследований и публикаций. Сведения о народной культуре славян-русинов встречаются в трудах средневековых путешественников: Л. Февра¹, П. Алепского², И. Поля³ и др.

В научной литературе проблема магических действий при проведении календарных обрядов русинов, молдаван и румын Буковины начала разрабатываться еще во второй половине XIX – начале XX в. учеными А. Конским⁴, С.Ф. Марианом⁵, Е. Аничковым⁶.

В XX в. вопросы календарных праздников и обрядов исследовали Л. Берг⁷, Т. Памфиле⁸, С. Рели⁹, Г. Ботезану¹⁰, Н. Беешу¹¹, Т. Златковская¹², Ю. Попович¹³, Г. Спатару¹⁴, Н. Кожокару¹⁵, Г. Бостан¹⁶ и др.

Проблемой девичьих гаданий при проведении календарных праздников занимался буковинский этнолог А. Мойсей. В работах «Магия и мантика в народном календаре восточнороманского населения Буковины» и «Аграрные обычаи и обряды в народном календаре восточнороманского населения Буковины»¹⁷ частично изучил вопросы девичьих гаданий во время календарных праздников, проведение обрядов с водой, пищей, растениями, предметами одежды, обрядов-наблюдений за поведением животных, птиц и т. д.

Материалы о магических обрядах календарной обрядности украинцев встречаются в трудах М. Грушевского¹⁸, В. Скуративского¹⁹, С. Килимника²⁰, А. Курочкина²¹ и др., а также в учебной литературе «Этнография Украины»²² и «Украинское народоведение»²³.

Частично вопрос осенне-зимней календарной обрядности русинов Буковины исследовали буковинские этнологи конца XIX в. Г. Купчанко²⁴, Р.Ф. Кайндль и А. Монастырский²⁵.

Среди новых исследований календарных праздников можно отметить статьи И.Чеховского и С. Джурджу²⁶.

При исследовании вопроса о характере календарных обрядов русинов нужно обратить внимание на обстоятельства и время заселения Буковины славянским и восточнороманским населением.

В отношении формирования и проживания этнокультурных общностей на территории Украины, включая Галичину и Буковину, существует несколько точек зрения. В частности, одна из них указывает, что центр индоевропейской (арийской) культуры как прародины славянства – это Подунавье. По мнению видных ученых-археологов, здесь уже за несколько тысячелетий до трипольской цивилизации существовало государство Аратта, границы которого на западе достигали Дуная и Карпат, а на востоке – Днепра²⁷.

Материалы археологических исследований указывают, что славяне являются прямыми потомками древнейшего в мире государства Аратты – страны земледельцев, возникшей в 6200 г. до н.э. на ши-

роких просторах - от малоазийской Анатолии до восточноевропейского Поднепровья.

Лесостепная Аратта стала ядром формирования индоевропейских народов. Первые самоназвания славян – орияне, энеты, скотлы, русены²⁸.

Что касается этнического состава населения Галиции и Буковины, то есть определенные данные еще с середины I тыс. до н.э. В письменных источниках отмечается, что одним из древних народов, живших к северу от Дуная в IX – VIII вв. до н.э., были геты. Еще до появления скифов они заселяли земли от Днестра до Дона²⁹. Собственно гетское племя, которое располагалось ближе к Днестру, называлось киммерийцами или таргитами. Уже в то далекое время киммерийцы совершали походы в Малую Азию и празднично отмечали на землях Галичины и Буковины летний день земных плодов и земледельческого труда – Купала³⁰.

Еще в середине I тыс. до н.э. на территории Буковины существовали археологические культуры славяно-прарусинской принадлежности. Здесь рядом с кочевыми народами, которые приходили и уходили из края, проживало коренное население. Зарубинецкая и черняховская культуры принадлежали славянским племенам венедов (венетов).

Упоминания о славянах встречаем, в частности, в работе готского (латинского) историка Иордана «О происхождении готов» (550 г.). Он пишет: «Венеты делятся на три части: венетов, антов и склавен; все они теперь, за грехи наши, свирепствуют против нас...»³¹.

Проживание славян в Галичине и Буковине подтверждено многочисленными археологическими находками в бассейне Днестра и Прута (исследования вели археологи А. Черныш, Б. Тимошук, в последние два десятилетия – С. Пивоваров, Л. Михайлина, И. Возный, Б. Томенчук).

Археологические исследования Буковины (Б. Тимошук, Л. Михайлина) доказывают, что в IX–X вв. на Буковине жили племена хорватов³². Такого же мнения придерживался и известный славист Л. Нидерле, считая, что хорваты жили на большой территории, в которую входили Галичина и Буковина³³.

В IX в. территория Буковины с преобладавшим славянским населением была частью Киевской Руси. В составе древнерусских княжеств Галичина и Буковина находились до середины XIV в.³⁴

Об этническом составе населения Буковины начала II тыс. свидетельствуют результаты археологических исследований и письменные источники. Преобладающими в то время (XI–XIII вв.) на территории края были древнеславянские поселения и городища³⁵.

Молдавский летописец XVII в. Мирон Костин писал, что в Черновицком, Хотинском, а также частично Ясском и Сучавском цинутах (уездах) в XIV–XVI вв. «проживали русы»³⁶.

Несмотря на то, что сильная валашско-молдавская волна колонизации во времена вхождения Буковины в состав Молдавского княжества (XIV–XVIII вв.) привела к значительному росту в крае количества романского этнического элемента, еще в середине XVII в. русинское население преобладало не только в северной части Буковины, но и в некоторых ее южных местностях, в частности в Сучавском округе³⁷.

В конце XVII и первой половине XIX в. природный и механический прирост населения Буковины обуславливался тем ее социально-экономическим развитием и политическим положением, которое сложилось вследствие оккупации края Австрией. Преобладающим был русинский этнический элемент, т. е. автохтонным населением края были русины (руснаки). Они были представлены жителями Днестровско-Сучавского междуречья, буковинских Карпат, отдельными ареалами и населенными пунктами в северной части Буковины³⁸.

Согласно переписи 1774 г., русины (руснаки) составляли 69 % от всего населения края³⁹.

Русинское население Буковины увеличивалось, естественно, еще и за счет иммиграции из Галичины, Подолья и других соседних территорий. Так, в 1766–1787 гг. наблюдался большой поток галицких переселенцев, которые расселились главным образом в Прутско-Днестровском междуречье (села Окно, Кадубовцы, Товтры, Погореловка, Лашковка, Кливодин, Шишковцы, Вербовцы, Кучуров Малый, Садгора, Мамаевцы, Юрковцы, Гавриловка, Заставна) и в Прутско-Сиретском междуречье (села Молодия, Слобода, Буденец, Каменная)⁴⁰.

Большая часть русинов-переселенцев, прибыв на Буковину, сразу же присоединилась к православию, которое было распространено в крае еще со времени его вхождения в состав Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, хотя элементы первобытных языческих верований еще довольно долго жили в религии буковинцев⁴¹.

Предки современных украинцев на западноукраинских землях в начале XX в. называли себя этнонимом «русин». С формированием украинского национального движения в конце XIX в. и развитием интенсивных этноконсолидирующих процессов в Украине в первой половине XX в. этот этноним исчез, оставшись лишь в среде небольшой части украинцев Закарпатской области Украины.

Таким образом, русинами называло себя до начала XX в. украинское население Галичины и Буковины, которое в XX в. полностью

перешло на современный этноним – «украинцы», а использование старого термина «русины» в наше время не отмечено.

По этому поводу политолог И. Буркут писал: «Когда происходит консолидация нации, то на смену старому этнониму часто приходит новый».

Внедрение нового этнонима «украинцы» началось на востоке Австро-Венгрии только в конце XIX – начале XX в. Но процесс этот шел медленно и сначала охватывал только образованные слои населения – педагогов, юристов, чиновников, инженеров и врачей, а также студентов, семинаристов, часть греко-католических и православных священников и особенно гимназистов, школьников⁴².

Появление молдаван на землях восточнее Карпат, где располагается и территория Буковины, исследователи относят к середине XIV–XV вв. («Анонимная летопись страны Молдовы-Быстрицкой», Г. Уреке, М. Костин, Д. Кантемир и др.).

Интенсивная колонизация малозаселенной Буковины молдаванами началась со времени вхождения края в состав Молдавского княжества и продолжалась практически до последней четверти XVII в., когда Буковина была захвачена Австрией.

Важной составляющей духовной культуры русин Буковины XIX – начала XX в. являются календарные праздники и обряды, при проведении которых осуществлялись различные магические действия с целью влияния на жизненный цикл человека.

Сведения о народной культуре русинов встречаются в трудах средневековых путешественников: Л. Февра⁴³, П. Алепского⁴⁴, И. Поля⁴⁵ и др.

В то же время ряд вопросов содержания магических обрядов, гаданий, прогнозирования урожая или семейных событий буковинцев, фольклорного сопровождения магических действий, ворожбы и пр. еще требуют научного исследования.

В народных обрядах буковинцев сохранились остатки солнечного культа и верования в другие небесные светила. Люди были убеждены, что в день Рождества на землю с солнечными лучами сходит с неба бог богатства, бог урожая. Поэтому его приветствовали как люди, так и животные, растения, поля, леса, горы – все, что существует на земле.

В частности, перед праздником Рождества (Святым вечером) хозяйка в доме снимала со стен все, что висело на вешалках, гвоздях, «чтобы птицы не сажались летом на грядки»⁴⁶.

Во время праздника Рождества проявляется магия огня. Первое магическое действие – добыча «нового огня». Хозяйка доставала кремень и огниво, которые должны были двенадцать дней лежать под иконами, трижды крестилась и, повернувшись к восходу солнца,

высекала «новый огонь». Этим огнем она разжигала в печи двенадцать поленьев. Предварительно она их сушила на протяжении двенадцати дней последнего месяца. При этом обращает на себя внимание мистическое число двенадцать. В использовании этого числа прослеживаются дохристианские верования в небесные светила. В обряде добывания «нового огня» усматриваем обряд поклонения ему. Издавна считалось, что огонь происходит от солнца, будто это его лучи. Люди издревле любили и уважали огонь, называя его сыном Сварога – бога неба. Огонь, верили наши предки, был проявлением солнечного бога на земле, посланцем неба на землю⁴⁷.

Существует большое количество письменных источников, которые указывают на обожествление огня у славян-русинов. В частности, арабский писатель X в. Ибн Даста повествует, что славяне были огнепоклонниками, а Кирилл Туровский в XII в. писал, что с принятием христианства верующие уже не будут звать огонь богом. Прокопий Кессарийский отмечал, что славяне приносили в жертву огню быков и совершали другие священные обряды⁴⁸.

Зажигая огонь в печи, хозяйка крестила его и ставила горшок с водой – это жертва огню. Началу религиозного культа положило стремление человека умиловить высшие силы, чтобы те не приносили ему вреда. С течением времени эти силы превратились в богов.

При осуществлении обряда добывания «нового огня» хозяйка крестится на восток. Еще с древних времен человек обращал особое внимание на закат и восход солнца. Когда солнце заходило, его провожали с грустью и страхом – а вдруг оно не взойдет опять? Потому люди не любили закат, считая его предвестником ада. Напротив, место, откуда утром всходило солнце, то есть восток, – это блаженная сторона, это вечное тепло, свет, рай. Поэтому считалось правилом молиться на восток, особенно утром. Утреннее солнце, хорошо искупанное и выспавшееся, всегда милостиво.

Бог Солнце был в большом почете у многих народов, и практически все они молились на восток. Уважение востока еще в глубокой древности приняла и христианская церковь.

Магическим содержанием были наполнены приготовление и потребление рождественских блюд, в частности кутьи.

Хозяйка готовила блюда для Святого вечера с утра в день перед праздничным ужином – этот день назывался Вилия.

Главным блюдом для вечера является кутья. Существование этого блюда на славянской территории с древнейших времен подтверждают археологические находки трипольской культуры. Уже за 6000 лет до наших дней люди употребляли в пищу вкусное блюдо из пшеницы и меда, имеющее чудодейственную силу⁴⁹.

В древности кутью готовили из проросшего пшеничного зерна. Его за несколько дней до праздника замачивали в воде, толкли в ступе, чтобы освободить от оболочки, а потом уже варили. Приправляли кутью тертым маком. Кстати, в народной медицине проросшее зерно с маком используют как лекарство от камней в почках.

Издавна буковинцы использовали орехи и мед как приправу к кутье. Во время варки ее перемешивали. Если сваренная кутья выходила с верхом, это предвещало урожайный год и то, что будут высокие стога сена и соломы.

Воду на кутью приносили «нетронутую» (взятую до рассвета). Кутья должна свариться, чтобы до восхода солнца ее вынуть из печи уже готовую. Считалось, что это еда бога урожая - «Солнца праведного»⁵⁰.

Дрова в печь с особым уважением клали муж и жена вместе, одевшись в чистую одежду. Разогрев печь, хозяева (снова вместе) ставили туда «божью пищу» кутью и узвар. Также вместе они замешивали тесто для хлеба-кныша. Такие совместные действия хозяина и хозяйки свидетельствовали о давнем равенстве в жизни мужчины и женщины.

Кутья как обрядовая пища пережила определенную эволюцию. В XIX в. ее готовили преимущественно из пшеничной или ячменной крупы, в конце XX в. на Буковине встречается кутья, приготовленная из риса⁵¹.

Кутью и узвар вынимают из печи только во время восхода солнца, чтобы его первые лучи освятили эту еду. Затем хозяйка кладет кутью в глиняной миске на покуть (красный угол). Покуть – почетное место в углу дома с восточной стороны. Как правило, в нем сходились краями две скамейки, стоял стол, горела жертвенная лампадка.

Уважительное отношение к этому месту отмечается с глубокой древности. Ведь в древние времена в углу под покутью или под порогом хоронили покойников. Считалось, что умерший будет хранителем своей семьи, своего дома, что он становится домашним (домовым) божеством. Потому это место и считалось почетным, там жил домовый охранник.

Кутья ставится на покуть в присутствии одних женщин, при этом они приговаривают: «Становись, кутья, на покуть, а узвар на базар»⁵².

Особый магический смысл вкладывался в обрядовый рождественский соломенный сноп-Дидух.

Дидухом назывался последний сноп, сжатый на ниве. Его хранят с осени в кладовой. В обеденное время перед Святым вечером хозяин вместе с сыном торжественно берут Дидуха в левую руку, а под мышку правой – связку сена, которое несет сын, разбрасывая по пути к дому. Хозяйка низко кланяется в сторону Дидуха и хозяина

и приглашает всех домашних в дом. Хозяин сразу же за порогом говорит поздравительные слова: «Будьте здоровы с праздниками, с Богатой кутьей». Все в это время должны стоять. Хозяин кладет сноп в почетный угол, а небольшой пучок сена - под стол.

Солому, которую заносят в Сочельник в дом, называют «Дедом», а сено – «Бабой». Сенном устилали стол, а соломой пол. Хозяин, сидя на полу, разбрасывал солому в разные стороны. Следуя движениям насадки, дети имитировали звуки домашних животных и птиц. Эти магические действия проводились для хорошего приплода скота, «чтобы овцы окотились, скот плодился»⁵³.

Сноп-Дидух считался местом пребывания духов дедов-прадедов, опекунов или покровителей дома. Славяне-русины верили, что все души умерших – это святые духи, благодетели рода и семьи; летом они находятся на полях и среди скота, способствуя хорошему урожаю.

Считалось, что духи являются посредниками Бога-Солнца и людей, они пришли с неба и вселились в человека, а после его смерти снова отошли в мир духов. Если нива скошена, то духи вселяются в последний «почетный» сноп – «Дидух», или «Рай» и переселяются к хозяину в сарай на зиму, а весной Бог-Солнце снова шлет их на поля.

Дидух - это, бесспорно, прадед, первый предок; само название об этом говорит. Он символизирует не единственного предка народа, а отца первоначальной семьи. В традициях русинов мистическая фигура Дидуха имела разное значение: это «сам предок народа», «первоначальный идеальный хозяин», а также «проявление луны»⁵⁴.

Дидух называют еще Колядой, а Коляда – это синоним Рождества, следовательно, с вносом Дидуха начинаются рождественские таинства. Рядом с Дидухом кладут хлеб и кутью. В этом ритуале нет культа прадеда как умершего. Это акт жертвы Богу, а не умершим предкам.

К Дидуху относятся как к предку рода, его считают бессмертным, поэтому его символом является луна, которая постоянно восстанавливается, хотя на время «гибнет». Он - прошенный и ожидаемый гость на Святом вечере, поэтому его не боятся, радуются его присутствию.

Подобная идея о прадеде в рождественских обрядах встречается и у южных славян, сербов. Но вместо хлебного снопа здесь сжигают три дубовых пенька, смазанных медом и посыпанных пшеницей, часто политых вином. Эти горящие пеньки, которые сербы называют «бадник, бадначица и их дети», являются, по мнению ученых (К. Сошенко, С. Килимник), символами прадеда и его родных и, очевидно, символизируют три астральных «огня» – солнце, луну и звезды.

Магией в Святой вечер буковинцы наделяли также сено и железо.

Сено вместе с Дидухом заносил в дом сын хозяина. На сено, разостланное под столом, клали миску с тлеющими угольками, где дымился ладан, а рядом лежали лемех от плуга, топор.

Важную роль в рождественских обрядах играло железо как средство, защищающее от злых сил. Существовал обычай ставить косу за скамью, «чтобы мертвецы не пришли, потому что мертвый боится железа».

Русины предгорья Карпат и буковинской Гуцульщины клали под стол железные вещи: косу, топор, части плуга и т. д.⁵⁵

С ритуальным применением железа было связано и опоясывание рождественского стола цепью. Дети во время Рождества касаются голыми ногами железных вещей под столом – «чтобы ноги были твердые, как железо». Такими магическими действиями хозяин защищает свой дом от злых сил, чтобы они обходили стороной все его хозяйство целый год.

Охранные магические действия осуществлялись также перед началом Святой вечера. Хозяин и хозяйка с праздничным ужином (кутья, хлеб, мак, мед) обходят двор, у конюшни высыпая мак, «чтобы ведьмы, собирая мак, не успели к рассвету подступиться к скоту».

Магическое действие мака и другого зелья прослеживается с глубокой древности. Считалось, что дикий мак-видюк видит все злые силы и обладает свойством не допускать их к скоту, двору.

В Рождественский вечер хозяин также «зарубывает пороги» – считалось, что на пороге сидит «злая сила» и ждет удобного случая попасть в дом. «Зарубывание» осуществляется топором путем легкого удара о порог. Этот обычай имеет давнее происхождение, когда порог считали границей дома, а за порогом уже господствовал другой бог.

В давние времена в селах Прикарпатья и Карпат, как только появлялись на небе звезды, хозяин вынимал ставни или оконные створки из одного окна дома, брал под мышку хлеб, а в руку топор. Со всем этим трижды обходил хозяйственные постройки, трижды произнося перед окнами: «Добрый вечер». С этого момента никто не смел выходить из дома. Этот обряд извлечения окна символизирует впускание в дом бога богатства.

Обход с топором несет на себе отпечаток той эпохи, когда человек преимущественно занимался охотой, поэтому такое орудие, как топор, было почти всегда при нем. Обряд этот, несомненно, имеет связь с древней традицией и является религиозным актом.

Все это время, пока хозяин освящает двор, семья ждет его. Хозяйка зажигает свечи и кладет в новую миску (за которую нельзя

было торговаться при покупке) немного «всякой пищи», но только из девяти блюд, сверху кладет калач, в середину – один стакан с медом, второй – с водой, а на калач накладывает орехов, яблок и ждет возвращения хозяина. Тот, вернувшись в дом, берет в одну руку приготовленную женой миску, в другую – топор и выходит еще раз во двор, а домашние запирают за ним двери.

Хозяин становится посреди двора и приглашает на ужин всех людей, обладающих злой силой («имеют черта»), а также серого волка, черные бури и злые ветры, мороз. Это приглашение он повторяет три раза. В святвечернее время, когда все должно быть под знаком искренности и любви, хозяин обращается к злым силам с просьбой о согласии и мире.

В народном веровании мороз противоположен огню. Он очень злится на тех, кто не зовет его на кутью, и вымораживает им посеvy на поле, простуживает скот. Чтобы этого не произошло, все злые силы нужно было умиловить.

В этом обряде можно проследить отголоски тех времен, когда первобытный человек с покорностью и страхом смотрел на все, что его окружало, от чего зависела вся его жизнь и что было ему непонятным.

Он думал, как сделать, чтобы духи природы и разные природные силы не вредили ему, чтобы жить с ними в согласии. Поэтому он стремился их задобрить.

Анализ этого материала показывает наличие у наших далеких предков магически-анимистических верований и их отголоски в XIX и даже в начале XX в.

Заходя в дом, хозяин трижды обходит его, двигаясь против солнца, запирает дверь, и до конца ужина никто не должен выходить из дома. Этим магическим действием он будто ограждает семью от всякого бедствия. Затем три раза обкуривает ладаном дом, всех домашних и ставит мисочку с ладаном под стол. Это делается для того, чтобы выкурить из дома нечистую силу, чтобы она не приближалась к праздничному столу и к Дидуху.

По народным верованиям, в ночь перед Рождеством на землю сходят духи наших предков. Для них готовили отдельный ужин-вечерю или отделяли для них еду с праздничного стола: чаще на подоконник клали по ложке кутьи, кроме того, в новую миску набирали по ложке каждого блюда ритуальной вечера, накрывали куском «первого» хлеба. Со свечой и этим «ужином» хозяин трижды обходил жилое помещение дома по движению солнца, начиная от стола, приглашая к вечеру души умерших. Потом хозяин обращался к духам с молитвами и заклинаниями:

Роди, Боже, рожь-пшеницу
И всякий хлеб:
Корень – коренастый,
Колос – колосистый,
С колоса – горстку,
Из снопа – мерку,
С копны – коляску,
А с тележки – стожочек.

Магически-обереговое значение имела во время Святого вечера система действий по защите от «недобрых» душ покойников, например, обычай стрелять перед святвечерней трапезой из пистолей, а также употреблять в пищу чеснок, мак, соль.

Для встречи предков как желанных людей использовался ритуальный огонь, на который, как считалось, умершие родственники сходились погреться, а это предвещало хороший урожай яровой пшеницы. В XIX в. в буковинском Предгорье (села Камена, Панка, Красная Дубрава) и на буковинской Гуцульщине женщина выходила за ворота с пучком овсяной соломы и там зажигала его в то время, когда хозяин обходил скот.

В Прутско-Днестровском междуречье Буковины (села Погореловка, Топоривцы, Зарожаны, Недобоевцы, Митков, Бридок) перед обходом двора хозяин посреди двора раскладывал огонь. В конце XIX – начале XX в. во многих гуцульских селах вместо ритуальных огней зажигали свечи не только в домах, но и на могилах умерших родственников⁵⁶.

Садясь на лавку или скамейку, присутствовавшие на ужине обмахивали это место, чтобы не прижать собой души умерших, потому что в этот день везде они есть: на скамейках, на окнах, на столе и под столом.

Стол в Святой вечер застилался скатертью только тогда, когда были обдуды все углы, чтобы «не придавить духов»; чеснок раскладывался по четырем углам – он должен был оберегать ужин от злых духов. Чеснок считается символом Луны, его зубцы напоминают серп новолуния, а лечебные свойства этого растения подсказывали людям, что в нем кроется тайная сила, которая исходит от Луны – источника творческой энергии земного мира.

Известна также традиция «сеять» семена льна или конопли по углам жилища.

Затем на стол укладывали соломенные стебли, чтобы в хозяйстве водился скот и все домашнее добро приумножалось. Наши предки верили, что в сене «прячется» судьба скота – невидимые духи домашних животных и птицы. Духи эти созерцают праздничный ужин.

Стол с сеном накрывали скатертью и ставили на него двенадцать блюд. В древности эти блюда были естественной жертвой созвездиям Зодиака. С принятием христианства двенадцать блюд стали символизировать апостолов Христа.

Главное место в ритуальной пище Сочельника принадлежало мучным изделиям. Культ хлеба у русинов был очень распространен в обрядности. Специально к Святому вечеру выпекали обрядовый хлеб, который, как правило, лежал на столе в течение всех праздников до Водокрещения включительно.

На буковинской Гуцульщине выпекали специальный калач. Муку для него замешивали, принимая по ложке из девяти блюд. Этому калачу приписывали способность оберегать скот от влияния злых сил.

В селах Верхнего буковинского Попрутья в XIX в. выпекали два обрядовых хлеба, которые назывались «Василий» и «Маланка». На столе один хлеб накрывали вторым, под них клали семена конопли и медную монету, и все это накрывалось венком чеснока. «Маланку» съедали на Новый год, а от «Василия» отрезали кусок и давали скоту. Засушенный кусок «Василия» хранили до того дня, когда впервые выходили в поле сеять.

На святвечернем столе всегда должно было быть два хлеба и плетеный калач, которые, бесспорно, считались символами Солнца, Луны и звезды. Прежде чем начать ужинать, зажигали свечу, которая была сделана из воска с домашней пасеки. При отсутствии пасеки свечу покупали у сельских пасечников или в магазинах. Должна была гореть только восковая свеча, потому что воск – продукт тяжелой работы пчелы, а пчела символизировала человека. Кроме того, свеча олицетворяла жизненную силу. Эту свечу нельзя гасить, поскольку она считалась символом жизни.

В селе Киселев на Кицманщине в верхнем буковинском Попрутье после Святого вечера отец тушил свечу, и все наблюдали за направлением дыма: если он поднимается вверх, то никто из семьи не умрет в этом году, если же в сторону двери или окон – то в течение года кто-то из семьи отойдет в мир иной.

Затем хозяйка подавала пищу, накладывала ее в миску, клала сверху кусок хлеба, втыкала в него свечу и все это на полотенце подавала хозяину. Тот трижды обходил стол «за солнцем» или делал над столом руками тройной круг и произносил молитву:

Боже наш, мы молимся тебе,
Благослови ты внуков своих,
Прости им, бедным, вину перед тобой,
Не наказывай за неисполненный грех.
Прими жертву трудов наших

В благодарность за помощь в их приобретении.

Боже наш Солнце Всевышнее,

Сила твоих лучей становится силой нашей,

Твоя любовь излучает радость жизни.

Просим тебя, освети и согрей поля и скот,

Дай свою благодать нам сейчас и навсегда.

К началу Святого вечера все дыры в лавках обязательно затыкали, чтобы там не спрятались злые духи и не помешали Солнцу, духам природы и духам предков прийти на ужин. После всех приготовлений и молитвы семья садилась за стол.

Хозяин во время ужина сидел в почетном углу: считалось, что таким образом он присоединится к богу Солнца, на него в почетном углу сходят благодатные лучи богов. А через хозяина все хорошее перенесется на остальных членов семьи и на хозяйство.

Хозяйка подавала старшему мужчине миску с кутьей и деревянную ложку. Первую ложку кутьи хозяин подбрасывал до потолка – «чтобы так ягнята прыгали». Все внимательно следили: сколько прилипнет зерен к потолку, столько в новом году появится ягнят или другой живности.

Вторую ложку кутьи хозяин снова подбрасывал до потолка – «чтобы телята велись», а третью – «чтобы пчелы роились». Как отмечает Василий Скуративский, этот обычай существовал еще со времен солнцепоклонения: кутья бросается в потолок – в небо к солнцу – угощается святой едой высшая добрая сила⁵⁷. Это свидетельство еще одного проявления жертвы богу-Солнцу.

На Гуцульщине, бросая пшеницу вверх, хозяин в первый раз говорил «пра», во второй – «шкне». Исследователь К.Сосенко считает, что эти слова заимствованы из древнеиранского языка и означают «хорошее крепкое поколение, крепкий род»⁵⁸.

Затем хозяйка ставила на стол миску с кутьей, и семья приступала к ужину. В равнинных селах Пруто-Днестровского междуречья первую ложку кутьи ели стоя, «чтобы пшеница и всякий хлеб не лег летом», при этом закрывали глаза, что должно было защитить зерно от воробьев и саранчи.

Кутью ели первой из-за того, что пшеница была основным пищевым продуктом с момента возникновения натурального хозяйства, от ее урожайности зависел не только достаток семьи, но и ее жизнеспособность в течение года.

Во время Святого вечера из-за стола никто, кроме хозяйки, не вставал. Считалось, что таким образом сбудутся желания и надежды в следующем году.

Перед тем как выпить, полную кружку наклоняли так, чтобы вылилось немного напитка. Это было своеобразным пожертвованием

верховному божеству. А поскольку напиток проливали на землю, можно предположить, что это было также жертвой богу земли.

Ужинали медленно, торжественно. Закончив ужин, первым встал отец. Все благодарили Бога и духов за добро и за ужин, а дети - еще и родителей. После ужина миски с едой не убирали со стола, так как позже должны были прийти ужинать духи умерших.

На буковинских Гуцульщине и в Предгорье кутью и другие блюда ставили на подоконник или в почетный угол комнаты. Обычай оставлять ложки в почетном углу жилища, ставить кутью, воду и миски с едой на подоконник или стол свидетельствует о существовании у русинов культа почитания умерших.

Отсутствие каких-либо мясных блюд, а тем самым и жертв богам, свидетельствует о том, что не только животных, но и человеческих жертв в календарном обрядовом культе не было. Вместо кровавых жертв имели место жертвы растительного мира.

После ужина начинались гадания, связанные с прогнозами преимущественно аграрного и семейного характера. Например, по размерам соломенного стебля, который вынимали из-под праздничной скатерти, гадали, кого ждал век жизни длинный, а кого - короткий. Еще на Буковине встречался обычай, когда хозяин брал ложку кутьи в рот и, не глотая, выходил посмотреть на небо: если оно звездное, то ожидалось, что в следующем году будет заводиться всякая домашняя птица.

В равнинной местности Буковины и в Предгорье, где широко культивировались фруктовые деревья, на Сочельник хозяева обвязывали стволы садовых деревьев соломой. Обязательно проводили такие действия, если дерево переставало давать урожай. Кроме перевязки соломой, на дереве делали из теста крест, при этом приговаривали пугающие слова: «Если не будешь родить - срублю»⁵⁹.

Эти магические действия были направлены на то, чтобы сверхъестественным образом повлиять на весеннее цветение деревьев и обеспечить обильный урожай фруктов.

В своей основе этот обряд имеет сельскохозяйственное значение. Наши предки одухотворяли всю природу и считали, что боги любят деревья и живут на них. Поэтому и места для своих молений они выбирали в лесах и рощах.

У русинов Буковины было много преданий о мифическом дереве. Считалось, что оно растет наверху небесной нивы, в царстве богов, а ветвями достигает земли. По этому дереву бегают с земли на небо белка и приносит богу вести о землянах⁶⁰. Видимо, русины представляли себе солнечные лучи в виде белки, которая сходит на землю.

У хозяев, где была пасека, после ужина все выходили из-за стола, приседали посреди комнаты и сидели тихо несколько минут, чтобы

летом так тихонько садились рои пчел, чтобы их легко можно было снять в ульи. А хозяйка ложилась посреди комнаты на сено и просила, чтобы коровы в будущем легко могли телиться.

Таким образом, в торжественные моменты Святого вечера хозяева забывали о себе, а прежде всего беспокоились о животных. Кроме того, первые ложки еды торжественного ужина отдавали душам умерших родственников.

Существование такой рождественской обрядности еще в конце XIX - начале XX в. свидетельствует, что в празднике Рождества сохранялось еще очень много ритуалов древней магически-анимистической веры, где культ природы лежал в основе первоначально-го религиозного мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Люсьен Февр*. Главные аспекты одной цивилизации // *Бои за историю*. М., 1991.
2. *Лукьянец О.* Образ молдаванина в записках путешественников XVII-XVIII в. // *Вестник славянского университета*. Вып. 7. Кишинэу, 2002.
3. Німецький вчений Йоган Поль про Буковину та Галичину в середині XIX ст. Чернівці, 2007.
4. *Конский А.* Простонародные праздничные обычаи в Бессарабии // *Кишиневские епархиальные ведомости*, 1870, № 23.
5. *Marian S.F.* Sarbatorile la romani. Vol. I, 1898. Vol. II, 1899. Vol. III, 1901. Bucuresti.
6. *Аничков Е.* Весенняя обрядовая поэзия на Западе и у славян. СПб., 1903.
7. *Берг Л.* Бессарабия. Страна, люди, хозяйство. Пг., 1918.
8. *Pamfile T.* Sărbătorile de vară la români. București, 1910.
9. *Reli S.* Viața religioasă și morală românească în sec. XVIII-XIX după scriitorii străini. Cernauti, 1935.
10. *Ботезану Г.* Молдавский фольклор. Кишинев, 1976.
11. *Бэешу Н.* Поезия популаре и обичерилор календариче. Кишинэу, 1975.
12. *Златковская Т.* Некоторые проблемы этногенеза молдаван в свете данных их весенней обрядности // *Этническая история и этнография восточных романцев*. М., 1979.
13. *Попович Ю.* Молдавские новогодние праздники. Кишинев, 1974.
14. *Спатару Г.И.* Молдавский новогодний обрядовый фольклор // *Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор*. Л., 1974.
15. *Cojocaru N.* Folklor din Moldova / Cintece obiceiuri și trasdiții populare românești. Vol. V. București, 1984.
16. *Folklor din țara fagilor / Alc. N. Băiesu, G. Bostan.* Chișinău, 1993.
17. *Мойсей А.* Магія і мантика у народному календарі східноромансько-

го населення Буковини. Чернівці, 2008; *Його ж.* Аграрні звичаї та обряди у народному календарі східнороманського населення Буковини. Чернівці, 2010.

18. *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. 1. Київ–Львів, 1923.

19. *Скуратівський В.* Русалії. К., 1992; *Його ж.* Місяцелік. К., 1993; *Його ж.* Український народний календар. К., 2003; *Його ж.* Морозе, морозе, йди до нас куті їсти // Вітчизна. 1991. № 1; *Сосенко К.* Різдво-Коляда і Щедрий Вечір. К., 1994.

20. *Килимник С.* Український рік у народних звичаях в історичному освітленні. Т. 5. Вінніпег–Торонто, 1963.

21. *Курочкин А.В.* Календарные обычаи и обряды. В кн.: Украинцы. М., 2000.

22. Етнографія України / Під ред. С. Макарчука. Львів, 1994.

23. *Павлюк С., Горинь Г., Курчів Р.* Українське народознавство. Львів, 1994.

24. Сборник песен буковинського народа / Сост. А. Лоначевский, дост. Г. Купчанко. К., 1875.

25. *Kaindl R.F., Monastyrski A.B.* Die Ruthenen in der Bukowina. Bd. I–II. Czernowitz, 1889–1890.

26. *Чеховський І., Джурджу С.* Календарна ворожба в румунів і молдован: українські обрядові паралелі. Питання стародавньої, середньовічної історії, археології і етнології. Т. 2. Чернівці, 2001.

27. *Шилов Ю.* Прародина ариєв. К., 1995; *Його ж.* Джерела витоків української етнокультури. К., 2002.

28. *Його ж.* Край ушедших лет. К., 2004. С. 228.

29. Історія України. К., 1991. С. 5.

30. *Партицький О.* Старинна історія Галичини. Львів, 1894. Т. 1. С. 260.

31. *Иордан.* О происхождении и деяниях готов. М., 1960. С. 71–72.

32. *Тимошук Б.О.* Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. К., 1976. С. 47.

33. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. С. 155.

34. *Кожоляно Г.* Етнографія Буковини. Т. 1. Чернівці, 1999. С. 44.

35. *Тимошук Б.О.* Шипинська земля за археологічними даними // Сучасне і минуле Північної Буковини. К., 1973. Т. 2. С. 26.

36. *Costin M.* Letopisul Tarii Moldovei de la Aron V. Opere. Bucuresti, 1959. P. 233.

37. Чернівецький обласний державний архів. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 23. С. 2–18.

38. *Martinowicz I.* Historische Zeugnisse uber dieaaltesten Beherscher und Einwohner der Bukowina in der Moldau. Czernowitz, 1887. S. 27.

39. *Kaindl R.F., Monastyrski A.B.* Die Ruthenen in der Bukowina. Bd. I–II. Czernowitz, 1889–1890. S. 89.

40. *Zeiglaue E.* Geschichtliche Bilder aus der Bukowina. XIII. Czernowitz, 1901. S. 37.

41. *Кожоляно Г.* Етнографія Буковини. Т. 1. С. 49.

42. *Буркут И.* Историческая судьба галицкого и буковинського русинства. Финал // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк. № 3 (17). 2008. [Кишинев]. ISSN 1857-2685. С. 47–48.

43. *Февр Люсьен.* Указ. соч.

44. Лукьянец О. Указ соч.
45. Німецький вчений Йоган Поль про Буковину та Галичину в середині XIX ст. Чернівці, 2007.
46. Кожолянко Г. Етнографія Буковини. Т. 3. Чернівці, 2004. С. 49.
47. Огієнко І. Дохристиянські вірування українського народу. К., 1992. С. 30.
48. Прокопий Кессарийский о славянах и антах / Хрестоматія по истории СРСР с древнейших времен до 1961 г. М., 1987. С. 21.
49. Тудорковецька Я. Жінко, кутя на твоїх руках – це 6000-літня традиція // Новий шлях. Т. 69, 1998. № 51-52. С. 13.
50. Кожолянко Г. Етнографія Буковини. Т. 3. С. 81.
51. Матеріали етнографічної експедиції Чернівецького національного університету (МЕЕ ЧНУ). 1997. Т. 8. С. 6.
52. Вовк І. Різдво Христове сіли вітати // Людина і світ. № 2, 1990. С. 57.
53. МЕЕ ЧНУ, 1997. Т. 17. С. 5.
54. Сосенко К. Різдво-Коляда і Щедрий Вечір. К., 1994. С. 65.
55. МЕЕ ЧНУ. 2001. Т. 5. С. 16.
56. Кутельмах К. Календарна обрядовість / Гуцульщина. К., 1987. С. 289.
57. Скуратівський В. Морозе, морозе, йди до нас кути їсти // Вітчизна. 1991. № 1. С. 19.
58. Сосенко К. Вказ. твір. С. 100.
59. Кожолянко Г. Етнографія Буковини. Т. 3. С. 93.
60. Огієнко І. Вказ. твір. С. 57.

Referents

1. *Ljus'en Fevr*: Glavnye aspekty odnoj civilizacii // Boi za istoriju. M., 1991.
2. *Luk'janec O*. Obraz moldovanina v zapiskah puteshestvennikov XVII-XVIII v. // Vestnik slavjanskogo universiteta. Vyp. 7. Kishinjeu, 2002.
3. Nimec'kij vchenij Jogan Pol' pro Bukovinu ta Galichinu v seredini XIX st. Chernivci, 2007.
4. *Konskij A*. Prostonarodnye prazdnichnye obychai v Bessarabii // Kishinevskie eparhial'nye vedomosti, 1870, № 23.
5. *Marian S.F*. Sărbătorile de vară la români. Vol. I, 1898. Vol. II, 1899. Vol. III, 1901. București.
6. *Anichkov E*. Vesennjaja obrjadovaja poezija na Zapade i u slavjan. SPb., 1903.
7. *Berg L*. Bessarabija. Strana, ljudi, hozjajstvo. Pg., 1918.
8. *Pamfile T*. Sarbatorile de vara la Romani. Bucuresti, 1910.
9. *Reli S*. Viața religioasă și morală românească în sec. XVIII-XIX după scriitori străini. Cernăuți, 1935.
10. *Botezanu G*. Moldavskij fol'klor. Kishinev, 1976.
11. *Beeshu N*. Poezija populare i obicherilor kalendariche. Kishinjeu, 1975.
12. *Zlatkovskaja T*. Nekotorye problemy jetnogeneza moldavan v svete dannyh ih vesennej obrjadnosti // Jetnicheskaja istorija i jetnografija vostochnyh romancev. M., 1979.

13. *Popovich Ju.* Moldavskie novogodnie prazdniki. Kishinev, 1974.
14. *Spataru G.I.* Moldavskij novogodnij obrjadovij fol'klor // Fol'klor i jetnografija. Obrjady i obrjadovij fol'klor. L., 1974.
15. *Cojocaru N.* Folklor din Moldova / Cintece obiceiuri și trasdiții populare românești. Vol. V. București, 1984.
16. Folklor din țara fagilor / Alc. N. Băiesu, G. Bostan. Chișinău, 1993.
17. *Mojsej A.* Magija i mantika u narodnomu kalendari shidnoromans'kogo naselennja Bukovini. Chernivci, 2008; Jogo zh. Agrarni zvichaï ta obrjadi u narodnomu kalendari shidnoromans'kogo naselennja Bukovini. Chernivci, 2010.
18. *Grushevs'kij M.* Istorija ukraïns'koï literaturi. T. 1. Kiïv–L'viv, 1923.
19. *Skurativs'kij V.* Rusalii. K., 1992; Jogo zh. Misjacelik. K., 1993. Jogo zh. Ukraïns'kij narodnij kalendar. K., 2003; Jogo zh. Moroze, moroze, jdi do nas kuti ïsti // Vitchizna. 1991. № 1; *Sosenko K.* Rizdvo-Koljada i Shhedrij Vechir. K., 1994.
20. *Kilimnik S.* Ukraïns'kij rik u narodnih zvichajah v istorichnomu osvittleni. T. 5. Vinnipeg–Toronto, 1963.
21. *Kurochkin A.V.* Kalendarnye obychai i obrjady. V kn.: Ukraincy. M., 2000.
22. Etnografija Ukraïni / Pid red. S.Makarchuka. L'viv, 1994.
23. *Pavljuk S., Gorin' G., Kirchiv R.* Ukraïns'ke narodoznavstvo. L'viv, 1994.
24. Sbornik pesen bukovins'kogo naroda / Sost. A. Lonachevskij, dost. G. Kupchanko. K., 1875.
25. *Kaindl R.F., Monastyrski A.B.* Die Ruthenen in der Bukowina. Bd. I–II. Czernowitz, 1889–1890.
26. *Chehovs'kij I., Dzhurdzhu S.* Kalendarna vorozhba v rumuniv i moldovan: ukraïns'ki obrjadovi paraleli. Pitannja starodavn'oï, seredn'ovichnoï istoriï, arheologii i etnologii. T. 2. Chernivci, 2001.
27. *Shilov Ju.* Prarodina ariev. K., 1995; Jogo zh. Dzherela vitokiv ukraïns'koï etnokul'turi. K., 2002.
28. Jogo zh. Kraj ushedshih let. K., 2004. S. 228.
29. Istorija Ukraïni. K., 1991. S. 5.
30. *Partic'kij O.* Starinna istorija Galichini. L'viv, 1894. T. 1. S. 260.
31. *Jordan.* O proishozhdenii i dejanijah gotov. M., 1960. S. 71–72.
32. *Timoshhuk B.O.* Slov'jani Pivnichnoï Bukovini V–IX st. K., 1976. S. 47.
33. *Niderle L.* Slavjanskije drevnosti. M., 1956. S. 155.
34. *Kozholjanko G.* Etnografija Bukovini. T. 1. Chernivci, 1999. S. 44.
35. *Timoshhuk B.O.* Shipins'ka zemlja za arheologichnimi danimi // Suchasne i minule Pivnichnoï Bukovini. K., 1973. T. 2. S. 26.
36. *Costin M.* Letopisul Tarii Moldovei de la Aron V. Opere. Bucuresti, 1959. P. 233.
37. Chernivec'kij oblasnij derzhavnij arhiv. F. 1. Op. 1. Spr. 23. S. 2–18.
38. *Martinowicz I.* Historische Zeugnisse uber dieaaltesten Beherscher und Einwohner der Bukowina in der Moldau. Czernowitz, 1887. S. 27.
39. *Kaindl R.F., Monastyrski A.B.* Die Ruthenen in der Bukowina. Bd. I–II. Czernowitz, 1889–1890. S. 89.
40. *Zeiglaue E.* Geschichtliche Bilder aus der Bukowina. XIII. Czernowitz, 1901. S. 37.

41. *Kozholjanko G.* Etnografija Bukovini. T. 1. S. 49.
42. *Burkut I.* Istoricheska ja sud'ba galickogo i bukovins'kogo rusinstva. Final // Rusin. Mezhdunarodnyy istoricheskiy zhurnal / Otv. redaktor S.G. Sulyak. №3 (17). 2008. [Kishinev]. ISSN 1857-2685. S. 47-48.
43. *Fevr Ljus'en.* Glavnye aspekty odnoj civilizacii // Boi za istoriju. M., 1991.
44. *Luk'janec O.* Obraz moldovanina v zapiskah puteshestvennikov XVII-XVIII v. // Vestnik slavjanskogo universiteta. Vyp. 7. Kishinjeu, 2002.
45. Nimec'kij vchenij Jogan Pol' pro Bukovinu ta Galichinu v seredini XIX st. Chernivci, 2007.
46. *Kozholjanko G.* Etnografija Bukovini. T. 3. Chernivci, 2004. S. 49.
47. *Ogienko I.* Dohristijans'ki viruvannja ukraïns'kogo narodu. K., 1992. S. 30.
48. Prokopij Kessarijskij o slavjanah i antah / Hrestomatija po istorii SRSR s drevnejshih vremen do 1961 g. M., 1987. S. 21.
49. *Tudorkovec'ka Ja.* Zhinko, kutja na tvoih rukah – ce 6000-litnja tradicija // Novij shljah. T. 69, 1998. № 51-52. S. 13.
50. *Kozholjanko G.* Etnografija Bukovini. T. 3. S. 81.
51. Materiali etnografichnoï ekspedicii Chernivec'kogo nacional'nogo universitetu (MEE ChNU). 1997. T. 8. S. 6.
52. *Vovk I.* Rizdvo Hristove sili vitati // Ljudina i svit. №2, 1990. S. 57.
53. MEE ChNU, 1997. T. 17. S. 5.
54. *Sosenko K.* Rizdvo-Koljada i Shhedrij Vechir. K., 1994. S. 65.
55. MEE ChNU. 2001. T. 5. S. 16.
56. *Kutel'mah K.* Kalendarsna obrjadovist'. U kn.: Gucul'shhina. K., 1987. S. 289.
57. *Skurativs'kij V.* Moroze, moroze, jdi do nas kuti isti // Vitichizna. 1991. № 1. S. 19.
58. *Sosenko K.* Rizdvo-Koljada i Shhedrij Vechir. S. 100.
59. *Kozholjanko G.* Etnografija Bukovini. T. 3. S. 93.
60. *Ogienko I.* Dohristijans'ki viruvannja ukraïns'kogo narodu. S. 57.

Кожолянко Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, античной и средневековой истории Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича.

e-mail: alexkozholianko@gmail.com

Kojolianko Alexander - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Ethnology, Ancient and Medieval History of Fedkovych National University of Chernivtsi.

e-mail: alexkozholianko@gmail.com

УДК 94(478)

DOI: 10.17223/18572685/33/10

СФАТУЛ ЦЭРИЙ, «ОБЪЕДИНЕНИЕ» С РУМЫНИЕЙ И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ МОЛДАВАН И НАЦМЕНЬШИНСТВ БЕССАРАБИИ (1917-1918 гг.)

С.М. Назария

Государственный институт международных отношений Молдова
(Молдова)

e-mail: sergnazar@mail.ru

Авторское резюме

В современной историографии румыно-унионистской ориентации господствуют оценки Сфатул Цэрий как истинного «репрезентативного органа Бессарабии». Национальные меньшинства Бессарабии представлены как враждебные элементы и противопоставляются молдаванам. Когда в румынистской историографии возникает дилемма «истинное или „патриотическое“ отражение истории», мы сталкиваемся с попыткой отражения исторических событий в пользу «патриотизма» в ущерб исторической истине.

Ключевые слова: Бессарабия, Сфатул Цэрий, нацменьшинства, историография, румынизм.

Sfatul Tarii, unification with Romania and attitude towards him Moldovans and Minorities Bessarabia (1917-1918)

S.M. Nazaria

State Institute of International Relations of Moldova (Moldova)

e-mail: sergnazar@mail.ru

Abstract

The assessments that Sfatul Tarii is a true «representative body of Bessarabia» are dominated in modern historiography of rumynist-unionist orientation. National minorities are represented as Bessarabia hostile elements opposed to the Moldovans. When the dilemma of «truth» or «patriotic» reflection of history appears in rumynist historiography,

then we face with an attempt to reflect the historical events in favor of «patriotism» and in the detriment of the historical truth. In the nineties the «monopoly on truth» was reigned in the Moldovan «historical science», but the dissents were simply hounded and extruded from the both scientific and educational environments.

Keywords: Bessarabia, minorities, Sfatul Tarii, historiography, rumynizm.

В результате Русской революции молдаване получили возможность самостоятельно решать свою судьбу. Вскоре после февраля 1917 г. частью интеллигенции овладела идея автономии Бессарабии. Наиболее энергично выступали за нее активисты Молдавской национальной партии и некоторые солдаты-молдаване российской армии.

Правда, при этом следует иметь в виду, что с самого момента создания МНП из-за своих националистических устремлений не пользовалась поддержкой среди молдавских крестьян. Это признавали и сами ее члены. Так, например, В. Казаклиу и В. Валуца писали летом 1917 г.: «Факты из Бессарабии изо дня в день свидетельствуют, что наш народ очень далек от наших национальных идей... Солдаты-молдаване и наши крестьяне арестовывают пропагандистов Молдавской национальной партии... Молдавский народ считает нас своими врагами»¹. Слова активистов МНП являются веским доказательством того, что молдавский народ не верил националистам. И у него были на то основания, так как он чувствовал, что, по признанию одного из видных активистов этой партии, она видела свою конечную цель в объединении с Румынией².

Кроме румынизма МНП (этнократическая концепция, не признававшая идентичность молдаван, считая их румынами, и выступавшая за «объединение всех румын в единое государство – Великая Румыния»; соседние народы и национальные меньшинства представлены как «извечные враги румынского рода»), у большинства молдаван, являвшихся малоземельными крестьянами, были и другие причины для недоверия ее лидерам. Дело в том, что сразу после ее образования в руководство вошли крупные бессарабские помещики и капиталисты, а также некоторые граждане Румынии.

Вот как оценивает настроения различных слоев населения Молдовы после Февральской революции американский историк Кейт Хиткинс: «Крестьяне приступили к захвату и разделу принадлежавших крупным помещикам земель, в то время как молдавские офицеры русской армии, священники, интеллигенты либеральных взглядов и консервативно настроенные собственники земли требовали политической автономии»³.

Следует отметить, что и часть молдавской интеллигенции была далеко не в восторге от программы МНП⁴. А вот что по этому вопросу

писали активисты этой партии из Оргеевского уезда: «Интеллигенция, священники и учителя к вопросу автономии относятся отрицательно. Найдется 3-4 надежных». Примерно в таком же тоне писали о состоянии дел на своих участках и кишиневские активисты МНП⁵.

Как и по всей России, в Бессарабии также возникли Советы, которые активно включились в политическую борьбу за власть в крае. В этих условиях 20 октября в Кишиневе собралось около 600 делегатов, представлявших 300 тыс. соотечественников, мобилизованных на фронт. Правда, их никто не избирал, и это были лица, которых персонально пригласили организаторы Первого Всероссийского военно-молдавского съезда. Исходя из нормы представительства, на съезд должно было прибыть около 9000 делегатов, а явилось не более одной пятнадцатой части от необходимого⁶.

Делегаты поддержали предложение о создании Сфатул Цэрий (Совета страны) – высшего органа территориально-политической автономии края⁷. Примечателен и тот факт, что из 32 депутатов, избранных на съезде, только 7 были солдатами и матросами. Остальные являлись офицерами и военными чиновниками. В резолюции съезда отмечался временный характер Сфатул Цэрий, полномочия которого истекали с момента созыва Учредительного собрания Бессарабии⁸.

2 ноября 1917 г. для организации Сфатул Цэрий было создано бюро, установившее численность этого органа в 160 чел., включая 10 мест для молдаван, проживавших на левом берегу Днестра. Бессарабцам молдавской национальности выделили 105 мест, и позднее в «первом парламенте» они создали Молдавский блок. Каждая политическая партия, социальная группа, национальная, кооперативная, студенческая, женская организации, профессиональный союз, культурное общество получили мандаты⁹.

Национальным меньшинствам, составлявшим 50 % населения края, выделили только 36 мандатов, то есть меньше 25 %. Рабочим не выделили ни одного, а крестьяне (80 % населения) получили лишь 30 % мандатов. Политическим формированиям достались в Сфатул Цэрий места не в соответствии с их социальным весом, а в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили организации прорумынской ориентации. А наиболее влиятельной партии в Бессарабии – эсерам, за которых на выборах в Учредительное собрание проголосовало 31,2 % участвовавших в выборах, было предоставлено всего одно место, в то время как за МНП, набравшей на этих выборах 2,2 % голосов, было закреплено 4 места¹⁰.

21 ноября 1917 г. открылись заседания Сфатул Цэрий, который 2 декабря 1917 г. провозгласил Бессарабию Молдавской Демокра-

тической Республикой, равной в правах частью единой Российской Демократической Федеративной Республики¹¹.

В современной историографии румыно-унионистской ориентации господствуют оценки Сфатул Цэрий как истинного «репрезентативного органа Бессарабии», «избранного на демократической основе»¹², как «собрания, представлявшего все классы и социальные слои бессарабского населения»¹³, «организма с четкими парламентскими атрибутами»¹⁴. Утверждается, что Сфатул Цэрий «вобрал в себя единогласное одобрение населения Бессарабии»¹⁵, «отразил национальную структуру, весь политический, профессиональный и институционный спектр общества»¹⁶, а выборы в этот «парламент» происходили в условиях, когда «население могло свободно выражать свою волю, избирая своих представителей в состав этого великого форума»¹⁷, и, наконец, «объединение», произошедшее 27 марта 1918 г., «соответствует всем общепринятым критериям в деле национального самоопределения и принципа национальностей»¹⁸.

И.М. Опря считает, что «этот парламент Бессарабии отражал истинное национальное, социальное и политическое представительство румын и национальных меньшинств..., являлся законодательным органом, созданным посредством всенародных консультаций, имевших плебисцитарный характер и поэтому имевший полное право решать все вопросы Бессарабии»¹⁹. В «патриотическо-демократическом» рвении он доходит до утверждения, что «те, кто ставят под сомнение значение Сфатул Цэрий, не желают признавать, что данный парламент был образован посредством демократической процедуры, а его решения представляли собой завершённую форму западных демократических принципов»²⁰.

Г. Кожокару отмечает, что «румынские историки увидели в Сфатул Цэрий верховный орган государственной власти, избранный в полном соответствии с демократическими нормами своего времени, обладавший необходимыми законодательными демократическими прерогативами и в точности отражавший социальную, политическую и национальную структуру бессарабского общества. Очень похвально отметить, что в своих исследованиях посткоммунистического периода большинство румынских историков характеризовали Сфатул Цэрий в качестве „представительного органа (собрания)“ Бессарабии, в то время как большинство молдавских исследователей склоняются к интерпретации Сфатул Цэрий в качестве „парламента“ Бессарабии. В принципе, и одни, и другие четко придерживаются мысли, что с момента своего учреждения Сфатул Цэрий был единственным законным выразителем суверенитета Молдавской Республики (Бессарабии)»²¹.

Странно, как же можно увидеть то, чего никогда в действительности не существовало?! Этот вопрос имеет не только научное значение - он достаточно идеологизирован и политизирован. Как говорил классик, если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы²². Поэтому даже некоторые очевидные истины, касающиеся исследуемых событий, опровергаются и еще долго будут опровергаться, а то, чего не было, но очень хотелось бы, чтобы было, признается в качестве действительности. Так, И.М. Опря заявляет, что «провозглашение Молдавской Демократической Республики завершает очередной этап политической подготовки к отделению Бессарабии от Российской империи»²³. Зачастую доходят до абсурда, но тезис «Бессарабия – румынская земля!» – это «священная корова» и всегда является квинтэссенцией любого «исследования» любого «добротного румына». Утверждается, к примеру, что до 1917 г. Бессарабия «представляла собой фрагмент румынского государства, насильственно удерживаемого в составе царской империи»²⁴.

Абсолютно ясно, что подобного рода эпитеты отражают не столько действительное положение вещей, сколько желание этих авторов. Здесь, как и в большинстве случаев, когда возникает дилемма румынской чаушистской и постчаушистской историографии – «истинное или "патриотическое" отражение истории»: мы сталкиваемся с попыткой отражения исторических событий в пользу «патриотизма» в ущерб исторической истине²⁵. Данную мысль четко выразил М. Мельтюхов: «Никакой критики своей собственной истории румынские авторы не допускают, их страна всегда была всего лишь зажатой меж двух "хищников" жертвой обстоятельств... В румынской исторической литературе создана своя собственная слабо связанная с исследованиями соседних стран картина событий международной политики. Понятно, что в этих условиях румынские авторы стараются не затруднять себя сколько-нибудь обстоятельной аргументацией своих тезисов»²⁶.

В принципе, эту мысль поддерживает и голландский исследователь В.П. ван Мёрс. Он отмечает, что «проблема Сфатул Цэрий несет в себе сильнейший политический заряд как в румынской историографии, так и в советской» и она «не была достаточно и объективно изучена ни одной из них... Советские историки всегда считали Сфатул Цэрий реакционной и контрреволюционной организацией, ответственной за аннексию Бессарабии румынами в 1918 году... Румынская точка зрения в отношении Сфатул Цэрий – с точностью до наоборот, являлась зеркальным отражением советских догм: парламент представлял население Бессарабии и выражал волю большин-

ства... Румынские интерпретации концентрируются на законном праве парламента решать вопрос об объединении, но и эти слабые аргументы перекрываются тяжестью изначально сформулированного румынами предположения, будто бы результат был исторически предопределен. Это означает, что имевшее место в ходе апрельского голосования сопротивление, а также карикатурное декабрьское голосование²⁷ представлены в румынских исторических текстах как события незначительные»²⁸.

Но продолжим изучение оценок «первого молдавского парламента». Вот как отмечают значение вышеупомянутой организации И. Негрей и Д. Поштаренку: «Сфатул Цэрий был краеугольным камнем, на котором основывались покой и порядок провинции. Он должен был погасить анархию, собрать разобщенных по различным организациям молдаван, создав основу местной власти, которая проникнется нуждами и болью страны и будет пользоваться всеобщей поддержкой... Выборы в Сфатул Цэрий, чтобы иметь истинно демократический характер, должны были быть проведены всеобщим, прямым и равным голосованием, но это было невозможно в тогдашних условиях»²⁹.

Однако известный румынский историк А. Болдур, говоря о принципах организации Сфатул Цэрий, следующим образом оценил эту структуру: «Направленность организации, недостаточная ясность состава, полная неопределенность компетенции – вот характерные черты органа, который декретирован постановлением Первого Всероссийского военно-молдавского съезда... Может ли этот орган быть авторитетным выразителем воли населения Бессарабии, пользоваться его сочувствием и поддержкой? Увы, сомнениям нет конца!»³⁰. Того же мнения относительно законности Сфатул Цэрий был и тогдашний румынский министр Г. Арджетоаяну, называвший данный орган «советом ничтожеств, собранных с подворотни»³¹.

Примерно в том же духе пишут об этом органе и некоторые западные исследователи. Так, американский историк Уильям Максвелл следующим образом оценивает его легитимность: «Организовав опереточный парламент, названный „Сфатул Цэрий“, созданный из представителей организаций, существующих только на бумаге..., эта клика румынских агентов и местных контрреволюционеров начала свою деятельность с провозглашения Молдавской Республики как части Российской Демократической Республики, а затем пригласила румынскую армию»³².

Лидеры Сфатул Цэрий отрицали свою приверженность идее румынизма. Так, И. Инкулец говорил: «Сепаратизма в Бессарабии нет, в особенности в сторону Румынии, и если кто-либо не сводит глаз с

Прута, то это только кучка людей. Пути Бессарабии сходятся с путями России, ибо нет более свободной страны, чем Россия... Все желают работать в единении с великой Россией»³³.

И такого рода заявления звучали из уст лидеров Сфатул Цэрий непрерывно³⁴. В этом смысле показательно свидетельство Арджетоану. Описывая выступление премьер-министра королевства А. Авереску (в феврале 1918 г., когда уже более месяца Кишинев находился под румынской оккупацией) перед «депутатами» Сфатул Цэрий, он отмечает, что слушали они его весьма безразлично. Однако, «когда он заговорил по-русски, весь зал встал и, если до того атмосфера была довольно прохладной, взорвался аплодисментами и одобрительными криками. Буквально на глазах генерал Авереску стал очень популярен в Сфатул Цэрий. У меня же сердце ушло в пятки. Я спросил себя, что было бы, если бы какой-нибудь румынский генерал заговорил по-венгерски на заседании народного собрания где-либо в Клуже или Сибиу»³⁵.

Однако в атмосфере румынской военной оккупации, никем не избранный, самопровозглашенный «верховным органом власти» в Бессарабии, никого не представлявший Сфатул Цэрий, нарушая обычные демократические нормы, не тайным, а открытым поименным голосованием 27 марта/9 апреля 1918 г. провозгласил объединение Бессарабии с Румынией. О том, насколько «законным» был данный акт, говорит крупнейший румынский историк Н. Йорга, который прямо и без тени смущения пишет, что «генерал Броштяну переправился через Прут, и провинция... превратилась, в соответствии с ожиданиями, в оккупированную военным путем территорию»³⁶.

Одобрительно относятся к действиям румынских военных властей на территории МДР историки И. Негрей и Д. Поштаренку: «Накануне вхождения румынской армии в Кишинев повсеместно царил полный беспорядок... Румынские части двинулись вперед..., большевистские остатки были отброшены за Днестр, оставив за собой 10 тысяч убитых»³⁷. Правда, в своем «официальном коммюнике в связи с захватом Тигины» генерал Е. Броштяну несколько подправляет историка Негрея, отмечая, что лишь за три дня боев за Бендеры «было убито около 10 тысяч большевиков»³⁸.

Мнение большинства населения при этом было полностью проигнорировано, а малейшее сопротивление жестоко подавлялось. Среди расстрелянных были 17 солдат 1-го Молдавского пехотного запасного полка. Под Окницею были взяты в плен 400 русских солдат, которых расстреляли из пулеметов³⁹. Еще 19/31 января, во время работы III съезда Советов крестьянских депутатов Бессарабии, в зал вошел отряд жандармов с четырьмя пулеметами⁴⁰. Молдаван В.

Рудьева, В. Прахницкого, И. Панцыря, Т. Котороса и украинца П. Чумаченко (заметим, что ни один из них не был большевиком) арестовали и, объявив врагами румынизма, на следующий день расстреляли. Были также расстреляны меньшевичка Н. Гринфельд и эсер Н. Ковсан. Все они являлись членами Сфатул Цэрий. Кроме них были расстреляны еще 40 делегатов съезда⁴¹. Их «вина» состояла в том, что они выступили против румынской интервенции и за Молдавскую Республику в составе России.

Подобные настроения четко выразил американский историк Чарльз Кинг: «Приглашение румын в Бессарабию, хотя состоялось в результате обращения, сделанного Сфатул Цэрий, не было... желанным всюду... Многие члены Сфатул Цэрий сами очень мало выступали в пользу румынского присутствия»⁴². Голландец В.П. ван Мёрс дополняет его: «Молдавские лидеры Сфатул Цэрий прекрасно осознали, что в умах доминируют революционные идеи и недоверие к румынскому правлению в республике». Он оценивает господствовавший в то время в Румынии режим как реакционный⁴³.

Незаконность так называемого «объединения» в первую очередь доказывают умонастроения жителей края. Архивные документы свидетельствуют о том, что крестьяне многих сел открыто проявляли несогласие с решением Сфатул Цэрий⁴⁴.

Так, например, начальник бендерской сигуранцы Д. Попеску уже после 27 марта докладывал в Кишинев, что «крестьяне пока настроены против нашей армии... В селах Булбоака, Гырбовэц, Фэрлэдень, Спея и Шерпень крестьянское движение наиболее развито. Жители Гырбовэц, созванные 31 марта священником на церковную службу в честь объединения, вели себя агрессивно со священником и выступили против объединения с Румынией»⁴⁵.

В рапорте генерала Рышкану в адрес командования говорится о собрании крестьян села Мерень Кишиневского уезда, на котором было открыто сказано румынским офицерам: «Нам не нужно объединение. Сфатул Цэрий предал нас, мы не нуждаемся в румынском иге». В рапорте отмечалось: большинство селян объявили, что бессарабцы жили 100 лет с русскими, поэтому и далее могут жить так, и «сохрани их Бог стать румынами». Вывод делался однозначный: «Из всего вышеуказанного явствует, что население села Мерень противится нашим интересам»⁴⁶.

И такого рода свидетельства, включая донесения агентов тайной полиции, шли из разных уголков Молдовы⁴⁷. Таким образом, после шестимесячной деятельности кишиневская сигуранца констатировала: «Как свидетельствуют надежные источники, в целом население городов и сел воспринимает приход румын не только с

недоверием, но и с ненавистью. Оно считает этот приход не только бесполезным, но и вредным. Что касается самого „Объединения“, то оно даже не обсуждается, так как, по мнению людей, это объединение могло состояться лишь посредством плебисцита»⁴⁸.

Начальник бендерской сигуранцы Д. Попеску еще 14 февраля сообщал своему начальству об одном эпизоде, который, по нашему мнению, является очень показательным: «Возвращаясь из Кишинева на автомобиле, при выезде из села Броаска я вступил в разговор с тремя парнями, пасшими овец в поле. Я был одет в форму русского солдата и спросил их, знают ли по-русски. Они ответили мне, что говорят лишь по-молдавски. Я сделал вид, что являюсь сторонником большевиков, так как они сразу же начали ругать румын. Они рассказали, что все жители села Броаска являются большевиками, готовыми получить оружие и боеприпасы и, восстав, изгнать румын из Бессарабии... По своей наивности они были абсолютно искренни»⁴⁹.

Для слежки за настроениями населения Бессарабии румынские власти ввели цензуру на почте. Профессор Н. Шербан, один из ответственных чиновников данного ведомства, на основе отобранных 14-15 июля 1918 г. писем писал вышестоящему начальству: «Отовсюду раздается один тревожный клич: румыны отбирают все у нас и оставляют умирать нас с голоду... В некоторых письмах румын осыпают грубой бранью... В общем из всех этих писем видно серьезное недовольство крестьян, вызывает тревогу их решимость оказывать сопротивление с топорами и дубинами в руках проведению реквизиций. Из села в село посылаются письма, в которых население призывается к сопротивлению. Судя по фамилии отправителя или адресата, эти письма большей частью пишутся молдаванами»⁵⁰.

Подводя итоги по данному вопросу, И. Левит делает следующий вывод: «Приведенные факты красноречиво говорят о том, что по причине реквизиций, грабежей и насилий атмосфера в бессарабской деревне была накалена до предела, и акт объединения с Румынией, осуществленный Сфатул Цэрий, был отрицательно воспринят большинством крестьян»⁵¹. Проведя анализ исторических документов, данную мысль подтверждает и историк-румынист И. Цуркану, пришедший к выводу, что «на данном этапе исследования одно является совершенно однозначным: народные массы следует исключить из списка факторов», способствовавших «объединению»⁵².

По нашему мнению, довольно объективно и нетенденциозно оценивает отношение различных категорий населения нашего края к «объединению» голландец В.П. ван Мёрс: «Крестьяне, а не только нацменьшинства, опасались, что румынская интервенция покончит

с запланированной Сфатул Цэрий или Всероссийским Учредительным собранием аграрной реформой и возвратит экспроприированную собственность помещикам. Вполне возможно, что молдавские крестьяне считали себя в первую очередь молдаванами, а не румынами (*в сноске автор отмечает, что все местные организации использовали в своих названиях прилагательное «молдавский» вместо «румынский».* – С.Н.)... Они осознавали, что румынская военная интервенция может трансформировать социально-экономическую революцию в Бессарабии в румынскую националистическую революцию. Лишь узкая молдавская элита боролась за объединение с Румынией и, в конечном итоге, предпочитала культурные и этнические связи социально-экономическим реформам⁵³.

Однако, вопреки истине, в современной румыно-унионистской историографии предпринимаются попытки представить события таким образом, будто только представители нацменьшинств сопротивлялись румынской оккупации, а все молдаване были за «объединение». Так, г-н Г. Кожокару (председатель пресловутой «комиссии Гимпу») применяет один бесчестный и явно лживый прием. Он постоянно пытается представить события так, будто лишь представители нацменьшинств выступали против румынской интервенции в Молдавскую Республику: «Отношение местного населения к вступлению румынских войск на территорию края колебалось в зависимости от этнической принадлежности населенных пунктов»⁵⁴. Это наглая, оскорбительная и ничем не подтвержденная ложь, целью которой вольно или невольно является противопоставление молдаван и их сограждан других национальностей.

То же можно сказать и об уже упомянутых А. Мораре и И. Негрее, пытающихся убедить читателя, что против «национально-освободительного движения» боролись силы, чья «социальная основа состояла из русских, украинских, болгарских, гагаузских и еврейских колонистов»⁵⁵. Здесь же следует рассмотреть, как интерпретируют вышеназванные господа позиции некоторых депутатов еврейской национальности, выступавших за сохранение Бессарабии в составе России: «Евреи, являющиеся проводниками большевизма, были противниками разделительных границ между населяющими Россию нациями; эти политические и экономические границы становились на пути свободного развития еврейского предпринимательства. Речи инородцев, произнесенные с эгоистическими эмоциями, сопровождаемые ложными обвинениями, недоверием и откровенными угрозами, их попытки свести к нулю значение Сфатул Цэрий и вознести русскую Учредилку, претензии меньшинств на равное господство в Бессарабии - все это преисполнило печалью сердца

молдаван»⁵⁶. Ниже эти авторы критикуют тех, кто «осмеливались указывать молдавскому народу путь в сторону Петрограда и на Восток, откуда пришли все несчастья»⁵⁷.

Также и И.М. Опря утверждает, что прорумынские националисты пользовались поддержкой молдаван. Он повторяет ксенофобский тезис Кожокару и Негрея, будто бы одни нацменьшинства оказывали сопротивление румынским интервентам: «Большевистские войска опирались на помощь граждан, находившихся под влиянием инородцев (нацистская терминология. – С.Н.), в особенности русских и украинцев»⁵⁸. Вот они, «враги румынского рода» – инородцы («alogenii»)!

Читая все это, сложно сразу понять, чего здесь больше: беспардонной лжи и наглых претензий представлять мнение и устремления всех молдаван, профессиональной безграмотности или осознанной фальсификации реального положения вещей того времени, в первую очередь настроений большинства молдаван. Или все это вместе взятое плюс комбинация ксенофобии «à la черная сотня» с легионерским антисемитизмом? В результате этого в 90-е гг. в молдавской «исторической науке» воцарилась «монополия на истину», а несогласных просто травили и выдавливали из научной и образовательной среды. Наука же может развиваться только тогда, когда существуют равные возможности для разных научных школ, для свободной конкуренции творческих идей, а у ученых всегда остаются хотя бы некоторые «сомнения» и даже «колебания»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Молдова (*далее - НАРМ*). Ф. 727. Оп. 2. Д. 8. Л. 140-141.
2. *Bogos D. Basarabia de la 1812 până la 1938. Chişinău, 1938. P. 81.*
3. *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ş., Todor P. Istoria României. Bucureşti, 1998. P. 418.*
4. Бессарабская жизнь, 1917, 28.V.
5. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 8. Л. 8-11, 5-6, 11-13.
6. См.: *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 174; Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Завтур А.А., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е. Победа Советской власти в Молдавии. М., 1978. С. 165-166; Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткус М.Б., Ройтман Н.Д., Шемяков Д.Е. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 335.*

7. *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918. București, 1929. P. 147-150; Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917-1918. Documente. Chișinău, 1995. P. 47-55.

8. *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău, 1932. P. 46-47; *Bobעיă A.* Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale. Chișinău, 1993. P. 63-64.

9. *Bogos D.* La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917-1918. Chișinău, 1998. P. 115; *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). Кишинев, 2000. С. 19-20.

10. См.: *Nazaria S., Stepaniuc V.* Problema Basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris (1917-1947). Chișinău, 2010. P. 16.

11. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 57. Л. 36-36 об., 40-40 об., 129-130; Д. 21. Ч. I. Л. 61-68, 69-70, 74-75.

12. *Mușat M., Ardeleanu I.* Confirmarea internațională a Marii Uniri în 1918 // Revista de istorie. T. 34. 1998, Nr. 8. P. 1432; *Scurtu I.* Sfatul Țării, organ reprezentativ al Basarabiei // Magazin Istoric. 1993, Nr. 12. P. 3-6.

13. *Dobrinescu V. Fl.* Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iași, 1991. P. 75.

14. *Scurtu I., Almaș D., Grosu A., Pavlescu I., Ioniță Gh. I., Șișcanu I., Enciu N., Cojocaru Gh.* Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998. București, 1998. P. 93.

15. *Cernovodeanu P.* Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920). București, 1993. P. 148; *Constantin I.* România, Marile puteri și problema Basarabiei. București, 1995. P. 21.

16. *Constantin I.* România, Marile puteri și problema Basarabiei. P. 19; *Scurtu I. și alți.* Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1994. P. 108, 113.

17. *Scurtu I. și alți.* Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998. P. 82.

18. *Anghel Fl.* Relațiile româno-sovietice la Conferința de la Varșovia (1921) // Studii și materiale de istorie contemporană. 2003. Vol. 2. P. 5.

19. *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. București, 1998. P. 168.

20. *Oprea I.M.* Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924) // Revista istorică. Academia Română. 1992. Nr. 7-8. P. 718.

21. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 19.

22. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. М., 1968. С. 17.

23. *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 169.

24. Там же. P. 187.

25. См.: *Voia L.* Două secole de mitologie națională. București. 2005.

26. *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917-1940. М., 2010. С. 5.

27. Автор имеет в виду «голосования» Сфатул Цэрий в условиях военной оккупации края и непосредственно под дулами румынских пулеметов в зале заседания 27 марта / 9 апреля и 27 ноября / 10 декабря 1918 г. за «объединение» Бессарабии с Румынией.

28. *Meurs W.P. van*. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, 1996. P. 401-404.
29. *Negrei I., Poştarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917-1918). Chişinău, 2004. P. 171, 172.
30. Свободная Бессарабия, 1917, 10.XII, № 185.
31. *Argetoianu C.* Memorii. Vol. 5. Bucureşti, 1995. P. 28.
31. Цит. по: *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 80.
33. Сфатул Цэрий. 1917, 24.XII.
34. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 3. Л. 27; Д. 21. Л. 141, 178 об., 192; Д. 22. Л. 141-142; 4, 1917, 14.V, № 38; 6.XII, № 110; 2, 1917, 25.XI, № 268; 3, 1917. 28.XI, № 162; 12.XII, № 174; 5, 1917, 23.XI, № 171; 28.XI, № 270; 5.XII, № 181; 8.XII, № 278; 1917, 12.XII, № 186; 17.XII, № 191; 23.XII, № 196; 6, 1917. 24.XII; 1918. XI.01; 9. С. 200-202; 10. С. 44-46; 31. P. 55; 18. P. 72, 73, 75, 76, 79, 81, 89; 30. P. 463-464.
35. *Argetoianu C.* Memorii. Vol. 5. P. 55.
36. *Iorga N.* Neamul românesc în Basarabia. Vol. II. Bucureşti, 1997. P. 221.
37. *Negrei I., Poştarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. P. 240, 248.
38. См.: *Ciobanu Şt.* Unirea Basarabiei. Studii şi documente. Chişinău, 1993. P. 231.
39. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 210-211, 218-219; Красная Бессарабия. 1931, № 1-2. С. 18; История Молдавской ССР. Т. 2. С. 75; *Березняков Н.В., Бобейко И.М., Копанский Я.М., Мурзак У.Г., Платон В.П.* Борьба трудящихся Бессарабии за своё освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918-1940 гг.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1970. С. 57.
40. Голос революции. 1917. 26.01, № 160.
41. См.: Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. С. 178; *Moraru A.* Istoria Românilor. Basarabia şi Transnistria (1812-1993). Chişinău, 1995. P. 172; *Шорников П.М.* Бессарабский фронт. Кишинёв, 2010. С. 31; *Березняков Н.В. и др.* Борьба трудящихся Бессарабии за своё освобождение. С. 78; *Афтенюк С.Я.* Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. Кишинев, 1971. С. 188; *Лазарев А.М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 134; *Лунгу В.Н.* Политика террора и грабежа в Бессарабии. 1918-1920 гг. Кишинёв, 1979. С. 55; *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами. С. 43.
42. *King Ch.* Moldovenii, România, Rusia şi politica culturală. Chişinău, 2002. P. 33.
43. *Meurs W.P. van*. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 89, 86.
44. См.: НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4803; Ф. 742. Оп. 1. Д. 45; Ф. 742. Оп. 1. Д. 51; Ф. 727. Оп. 2. Д. 45, 55, 73.
45. *Stratan V., Gorun A.* Моş Ion Roată, Siguranţa şi «Unirea». Chişinău-Iaşi, 2003. P. 141.
46. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 73. Л. 29-29 об., 33-33 об., 34, 37-37 об.

47. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. С. 230; НАРМ. Ф. 742. Оп. 1. Д. 45. Л. 1242-1243; Д. 51. Л. 5-5 об.; Ф. 727. Оп. 2. Д. 55. Л. 185 об., 186; *Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea»*. P. 141, 142; 20. С. 149-198; За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970. С. 110-121; *Левит И.Э.* Молдавская республика. С. 378; *Liveanu V.* 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. București, 1960. P. 240.

48. *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». P. 142.

49. Там же. P. 66-67.

50. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). С. 190-191.

51. *Левит И.Э.* Молдавская республика. С. 399.

52. *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. Chișinău, 1998. P. 173.

53. *Meurs W.P.* van. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 86.

54. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 72.

55. *Moraru A., Negrei I.* Anul 1918. Ora astrală a neamului românesc. Chișinău, 1998. P. 67.

56. *Negrei I., Poștarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării. P. 178-179.

57. Ibid. P. 181-182. О том, что «всё зло» для румын приходит от России, заявляет и г-н Опря // См.: *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 5-7, 29-30, 152 и др.

58. *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 179.

References

1. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova (*dalee - NARM*). F. 727. Op. 2. D. 8. L. 140-141.

2. *Bogos D.* Basarabia de la 1812 până la 1938. Chișinău, 1938. P. 81.

3. *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Todor P.* Istoria României. București, 1998. P. 418.

4. Bessarabskaya zhizn', 1917, 28. V.

5. NARM. F. 727. Op. 2. D. 8. L. 8-11, 5-6, 11-13.

6. См.: *Vinogradov V.N., Ereshchenko M.D., Semenova L.E., Pokivaylova T.A.* Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii. Dokumenty i materialy. M., 1996. С. 174; *Antonyuk D.I., Aftenyuk S.Ya., Esaulenko A.S., Zavtur A.A., Roytman N.D., Shemyakov D.E.* Pobeda Sovetskoj vlasti v Moldavii. M., 1978. С. 165-166; *Aftenyuk S.Ya., Esaulenko A.S., Itkis M.B., Roytman N.D., Shemyakov D.E.* Revolyutsionnoe dvizhenie v 1917 godu i ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Moldavii. Kishinev, 1964. С. 335.

7. *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918. București, 1929. P. 147-150; Unirea

Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917-1918. Documente. Chișinău, 1995. P. 47-55.

8. *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău, 1932. P. 46-47; *Bobעיă A.* Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale. Chișinău, 1993. P. 63-64.

9. *Bogos D.* La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917-1918. Chișinău, 1998. P. 115; *Levit I.E.* Moldavskaya respublika (noyabr' 1917 – noyabr' 1918). Kishinev, 2000. S. 19-20.

10. Sm.: *Nazaria S., Stepaniuc V.* Problema Basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatetele de la Paris (1917-1947). Chișinău, 2010. P. 16.

11. NARM. F. 727. Op. 2. D. 57. L. 36-36 ob., 40-40 ob., 129-130; D. 21. Ch. I. L. 61-68, 69-70, 74-75.

12. *Mușat M., Ardeleanu I.* Confirmarea internațională a Marii Uniri în 1918 // Revista de istorie. T. 34. 1998, Nr. 8. P. 1432; *Scurtu I.* Sfatul Țării, organ reprezentativ al Basarabiei // Magazin Istoric. 1993, Nr. 12. P. 3-6.

13. *Dobrinescu V.FI.* Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918-1940. Iași, 1991. P. 75.

14. *Scurtu I., Almaș D., Grosu A., Pavlescu I., Ioniță Gh. I., Șișcanu I., Enciu N., Cojocaru Gh.* Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998. București, 1998. P. 93.

15. *Cernovodeanu P.* Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806-1920). București, 1993. P. 148; Constantin I. România, Marile puteri și problema Basarabiei. București, 1995. P. 21.

16. *Constantin I.* România, Marile puteri și problema Basarabiei. R. 19; *Scurtu I. și alte.* Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1994. P. 108, 113.

17. *Scurtu I. și alte.* Istoria Basarabiei de la începuturi până în 1998. P. 82.

18. *Anghel FI.* Relațiile româno-sovietice la Conferința de la Varșovia (1921) // Studii și materiale de istorie contemporană. 2003. Vol. 2. P. 5.

19. *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. București, 1998. P. 168.

20. *Oprea I.M.* Basarabia la Conferința româno-sovietică de la Viena (1924) // Revista istorică. Academia Română. 1992. Nr. 7-8. P. 718.

21. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 19.

22. *Lenin VI.* Poln. sobr. soch. T. 17. M., 1968. S. 17.

23. *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 169.

24. Tam zhe. P. 187.

25. Sm.: *Boia L.* Două secole de mitologie națională. București. 2005.

26. *Mel'tyukhov M.I.* Bessarabskiy vopros mezhdu mirovymi voynami. 1917-1940. M., 2010. S. 5.

27. Extended commentary.

28. *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, 1996. P. 401-404.

29. *Negrei I., Poștarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917-1918). Chișinău, 2004. P. 171, 172.

- 30 Svobodnaya Bessarabiya. 1917, 10.XII, № 185.
31. *Argetoianu C.* Memorii. Vol. 5. București, 1995. P. 28.
32. Tsit. po: *Lazarev A.M.* Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros. Kishinev, 1974. S. 80.
33. Sfatul Tseriy. 1917, 24.XII.
34. NARM. F. 727. Op. 2. D. 3. L. 27; D. 21. L. 141, 178 ob., 192; D. 22. L. 141-142; 4, 1917, 14.V, № 38; 6.XII, № 110; 2, 1917, 25.XI, № 268; 3, 1917. 28.XI, № 162; 12.XII, № 174; 5, 1917, 23.XI, № 171; 28.XI, № 270; 5.XII, № 181; 8.XII, № 278; 1917, 12.XII, № 186; 17.XII, № 191; 23.XII, № 196; 6, 1917. 24.XII; 1918. XI.01; 9. S. 200-202; 10. S. 44-46; 31. P. 55; 18. P. 72, 73, 75, 76, 79, 81, 89; 30. P. 463-464.
35. *Argetoianu C.* Memorii. Vol. 5. P. 55.
36. *Iorga N.* Neamul românesc în Basarabia. Vol. II. București, 1997. P. 221.
37. *Negrei I., Poștarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. P. 240, 248.
38. Sm.: *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente. Chișinău, 1993. P. 231.
39. Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii. S. 210-211, 218-219; Krasnaya Bessarabiya. 1931, № 1-2. S. 18; Istoriya Moldavskoy SSR. T. 2. S. 75; *Bereznyakov N.V., Bobeyko I.M., Kopanskiy Ya.M., Murzak U.G., Platon V.P.* Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii za svoe osvobozhdenie i vossoedinenie s Sovetskoy Rodinoy (1918-1940 gg.). Kishinev, 1970. S. 57.
40. Golos revolyutsii. 1917. 26.01, № 160.
41. Sm.: Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii. S. 178; *Moraru A.* Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993). Chișinău, 1995. P.172; *Shornikov P.M.* Bessarabskiy front. Kishinev, 2010. S. 31; *Bereznyakov N.V. i dr.* Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii za svoe osvobozhdenie. S. 78; *Aftenyuk S.Ya.* Leninskaya natsional'naya politika Kommunisticheskoy partii i obrazovanie sovetskoy gosudarstvennosti moldavskogo naroda. Kishinev, 1971. S. 188; *Lazarev A.M.* Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros. S. 134; *Lungu V.N.* Politika terrora i grabezha v Bessarabii. 1918-1920 gg. Kishinev, 1979. S. 55; *Mel'tyukhov M.I.* Bessarabskiy vopros mezhdru mirovymi voynami. S. 43.
42. *King Ch.* Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. Chișinău, 2002. P. 33.
43. *Meurs W.P. van.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 89, 86.
44. Sm.: NARM. F. 679. Op. 1. D. 4803; F. 742. Op. 1. D. 45; F. 742. Op. 1. D. 51; F. 727. Op. 2. D. 45, 55, 73.
45. *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». Chișinău-Iași, 2003. P. 141.
46. NARM. F. 727. Op. 2. D. 73. L. 29-29 ob., 33-33 ob., 34, 37-37 ob.
47. Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii. Dokumenty i materialy. S. 230; NARM. F. 742. Op. 1. D. 45. L. 1242-1243; D. 51. L. 5-5 ob.; F. 727. Op. 2. D. 55. L. 185 ob., 186; *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». P. 141, 142; 20. C. 149-198; Za vlast' Sovetskuyu. Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii

(1917-1920). Sbornik dokumentov i materialov. Kishinev, 1970. S. 110-121; *Levit I.E.* Moldavskaya respublika. S. 378; *Liveanu V.* 1918. Din istoria luptelor revoluționare din România. București, 1960. P. 240.

48. *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». P. 142.

49. Tam zhe. P. 66-67.

50. Бор'ба trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrrevolyutsii (1917-1920). С. 190-191.

51. *Levit I.E.* Moldavskaya respublika. S. 399.

52. *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. Chișinău, 1998. P. 173.

53. *Meurs W.P. van.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 86.

54. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 72.

55. *Moraru A., Negrei I.* Anul 1918. Ora astrală a neamului românesc. Chișinău, 1998. P. 67.

56. *Negrei I., Poștarencu D.* O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării. P. 178-179.

57. Ibid. P. 181-182; *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 5-7, 29-30, 152.

58. *Oprea I.* România și Imperiul Rus. 1900-1924. Vol. 1. P. 179.

Назария Сергей Михайлович - кандидат исторических наук, доктор политических наук, доцент Государственного института международных отношений Молдовы.

e-mail: sergnazar@mail.ru

Nazaria Sergiu - Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor of International Relations at the State Institute of International Relations of Moldova.

e-mail: sergnazar@mail.ru.

УДК 271.478

DOI: 10.17223/18572685/33/11

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МОЛДАВСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В 1944-1953 гг.

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)
e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена изучению вопросов внутреннего строения монастырей Молдавской ССР. Автор на обширном статистическом материале демонстрирует повышение грамотности среди монашествующих, показывает факторы, способствовавшие этому процессу. Особое внимание уделено этническому составу монашества, который характеризуется как многонациональный.

Ключевые слова: Молдавия, православие, монастырь, начальное образование, неграмотность, этнический состав, русины

The Ethnic and Social Composition of the Moldavian Orthodox Monasteries in 1944-1953

V.A. Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)
e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the study of the issues about the internal structure of the monasteries of the Moldavian SSR. Using a broad range of statistical material the author demonstrates the rise of literacy among the monastics and shows the factors which contributed to this process. Especial attention is devoted to the nationality of the monastics, which is characterized as multinational. In the case of the conflict which arose among the monastics was on the issue of nationality.

Keywords: Moldavia, Orthodoxy, Monastery, Primary Education, Illiteracy, Ethnic Composition, Rusins.

Изучение истории молдавских православных монастырей в советский период их существования привлекает все больше исследователей. Наиболее интересующими их сюжетами по-прежнему являются проблемы взаимоотношений советских органов власти и православных церковных институтов на территории Молдавской ССР¹. Остаются актуальными и вопросы жизнедеятельности отдельных православных обителей Молдавии². Несмотря на достигнутый прогресс в освещении таких проблем, как государственно-церковные отношения в республике, экономическая жизнь местных монастырей, деятельность высших церковных иерархов по руководству вверенными им институтами, за пределами поля зрения ученых по-прежнему остаются такие аспекты, как образовательный уровень монашествующих и их этнический состав.

Устоявшееся в литературе мнение о национальном составе монашествующих молдавских обителей гласит, что «... почти все монашествующие молдаване и лишь изредка среди них есть русские, украинцы, болгары и гагаузы»³. Процитированный нами отрывок из информационного отчета уполномоченного Совета по делам РПЦ по Молдавской ССР П.Н. Роменского практически без изменений и каких-либо сомнений приводится в работах многих исследователей. Отчасти такое положение дел объясняется тем, что имеющиеся в распоряжении историков государственные архивные хранилища фактически не содержат данных по этим проблемам. Основные фонды, которыми пользуются исследователи государственно-церковных отношений (фонд 3046 в Национальном архиве Республики Молдова и фонд 6991 в Государственном архиве Российской Федерации), содержат материалы, характеризующие внешнюю сторону жизни обителей и практически не имеют сведений, позволяющих осмыслить их внутренний мир. Пожалуй, единственным исключением здесь является Архив Молдавской митрополии, в котором есть именные списки братий и сестричеств молдавских монастырей, позволяющие, хоть и фрагментарно, осветить заявленные выше проблемы.

Основными трудностями, с которыми сталкивается исследователь, привлекающий сведения из этого архива, являются, во-первых, неполная систематизация отложившихся в нем документов (в связи с чем многие названия дел носят условный характер) и, во-вторых, потеря части информации из-за пожара начала 1980-х гг. в старом

здании Епархиального управления. В связи с этим сохранилась лишь часть дел, позволяющих понять внутреннее строение молдавских православных обителей.

Наиболее значимыми документами, в которых фиксировалась интересующая нас информация об этническом составе и уровне образованности монашествующих, являются именные списки насельников и насельниц, составлявшиеся руководством монастырей ежегодно и показывающие, как правило, положение дел в монастыре по состоянию на 1 января. Но нередкими были случаи и иной датировки списков – в феврале, августе или декабре месяце соответствующего года. Подобные документы не имели единого формуляра, и поэтому в каждом монастыре они носили различные наименования: «Список насельниц...», «Список личного состава...», «Список монашествующих и послушников...», «Список лиц, живущих при монастыре...», «Список сотрудников...», «Послужной список о монашествующих» или же «Состав ... монастыря» (далее – «Список...»). От монастыря к монастырю различался и набор сведений, приводившихся настоятелем или настоятельницей в этих документах. Как правило, обязательными были графы: «Фамилия, имя, отчество при поступлении в монастырь», «Дата рождения», «Место рождения», «Социальное происхождение», «Дата поступления в монастырь», «Дата пострижения в монашество», «Монашеское имя», «Должность». Сведения о национальности и образовании носили факультативный характер и приводились далеко не в каждом «Списке...». В тех документах, где графа «Образование» все-таки присутствовала, фигурируют два основных типа сообщаемых сведений: прежде всего количество классов, которые закончило упоминаемое лицо (чаще всего от 1 до 4), а также понятие «неграмотный/неграмотная». Однако фиксировались и такие сведения, как «малограмотный/малограмотная», «церковное/монастырское», еще реже – вид учебного заведения (начальное училище, гимназия, румынская школа, факультет). В единичных случаях, относящихся прежде всего к несовершеннолетним, указывалось: «учится» - без дальнейшей конкретизации. В связи с этим, обобщая первичный материал «Списков...», мы посчитали возможным свести данные о монашествующих, получивших образование в объеме 1–6 классов, в одну графу, как имеющих начальное образование.

Собственно информация об образовательном уровне молдавского монашества представлена в нижеследующих таблицах.

В первые послевоенные годы среди монашествующих мужских обителей Молдавии грамотность, хотя и не была всеобъемлющей, но, тем не менее, охватывала большинство членов братий – лишь

40 человек из 245 были неграмотными, что составляет немногим более 16 %. Большинство насельников мужских обителей (136, или 55,5 %) получили начальное образование от 1 до 6 класса в сельских школах или начальных училищах. Однако были и единичные случаи поступления в монашество выпускников гимназий. Видимо, довольно значительная часть насельников (33 человека, или 13,5 %) приобщалась к азам образованности уже в самих монастырях. Об этом свидетельствует не только факт внесения записи «монастырское» в графу «Образование» именных списков монашествующих, но и имеющееся в ряде случаев уточнение («сейчас учится в монастыре»)⁴.

Реализованные в Молдавской ССР мероприятия в культурной сфере, такие как ликвидация безграмотности (завершена к 1950 г.), осуществление всеобщего начального образования (к концу 1948 г.) и создание условий для перехода к семилетней школе, видимо, оказали свое благотворное влияние и на местные монастыри⁵. Об этом красноречиво свидетельствуют как рост числа грамотных монашествующих (с 55,5 до 83,5 % от их общего количества), так и снижение уровня неграмотных лиц (с 16,3 до 9,8 %). О том, что насельники монастырей были вовлечены на рубеже 1940 – начала 1950-х гг. в осуществлявшийся в республике процесс всеобщего обучения грамоте, говорят примечания в списках монашествующих, вроде: «Учится в начальной школе»⁶. Также на это косвенно указывает сокращение количества насельников, получивших монастырское образование (с 13,5 до 4,2 %), а также снижение числа малограмотных (с 14,7 до 1,6 %). Следует признать, что к середине 1950-х гг. в мужских монастырях, как и в целом по республике, неграмотность была ликвидирована.

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий показатель количества неграмотных монашествующих в женских обителях Молдавии в первые послевоенные годы (39,5 %, в то время как в мужских монастырях в это же время – 16,3 %). По-видимому, на такое положение дел оказало влияние то обстоятельство, что получение образования женщинами (большая часть неграмотных насельниц находилась в возрасте от 40 лет и старше) в дореволюционное время и в период румынской оккупации Бессарабии было существенно затруднено. Выход из создавшегося положения частично был найден в получении начального образования внутри монастырской ограды. В монастырских церквях было обучено 37 насельниц, или 6,9 % от общего числа монашествующих. Специфическая ситуация отмечена нами в Каларашевском монастыре. Здесь большинство монахинь, зарегистрированных как неграмотные, были выходцами

из Вировского монастыря Холмской епархии, эвакуированного в 1916 г. Однако хорошо известно, что монахини этой обители еще в конце XIX в. основали школу, в которой обучали крестьянских детей, а накануне закрытия монастыря там были построены уже две школы⁷. В связи с этим мы предполагаем, что критерием определения уровня образованности было владение молдавским языком при чтении и письме. Но разрешить данный вопрос возможно лишь при привлечении дополнительных материалов (например соответствующей документации Вировского монастыря).

Как и в случае с мужскими монастырями, в рассматриваемый период, а именно в начале 1950-х гг., в женских обителях произошло сокращение количества неграмотных лиц с 39,5 до 22,6 %, т.е. почти в два раза. Тем не менее общее число неграмотных насельниц по-прежнему оставалось значительным. Примечательно то обстоятельство, что наибольшее количество неграмотных насельниц зафиксировано в Таборском, Хировском и Варзарештском монастырях, т.е. обителях т.н. своекоштного типа, где монахини проживали разрозненно в собственных домах. По-видимому, руководству этих обителей не удалось в полном объеме вовлечь сестричество в процесс ликвидации безграмотности в республике. Тем не менее общее количество монашествующих, получивших начальное, монастырское, церковное и домашнее образование, возросло до 55,8 %, а вместе с лицами, владевшими навыками чтения и письма, составило 77,4 %. Таким образом, можно отметить, что процесс ликвидации неграмотности в женских монастырях к середине 1950-х гг. находился в стадии завершения.

Для мужских монастырей в целом был характерен полиэтнический состав, отражавший реальную этническую ситуацию в республике. Подавляющее большинство (свыше 90 %) монашествующих молдавской национальности, на наш взгляд, объясняется тем, что основным источником пополнения рядов черного духовенства в Молдавии были жители сельской местности, где преобладало именно молдавское население. Этот фактор оказал влияние на формирование моноэтнических по своему составу монашеских общин, как в Курковском монастыре. В то же время в обителях, располагавшихся не в центральной части Молдавии, а севернее или южнее, был более пестрый национальный состав. Самая полиэтническая монашеская община, по имеющимся сведениям, подвизалась в Кицканском монастыре и, помимо молдаван, включала русских, украинцев, болгар, гагаузов и румына. Среди братии Гербовецкого монастыря было 2 рутена (русина), 5 малороссов и 1 украинец. В частности, рутенами себя в 1948 г. назвали Шундрей Михаил Николаевич (уроженец с.

Ломачинец, 1880 г.р., поступил в монастырь в 23-летнем возрасте) и Лунгу Сильвестр Петрович (уроженец с. Гербовцы Бравического района, 1913 г.р., поступил в монастырь в 17-летнем возрасте)⁸.

Национальный состав женских монастырей Молдавии был в рассматриваемый период еще более пестрым, чем мужских. Доля молдаванок в них была несколько ниже – 83,9 %. Значительную часть насельниц составляли украинки и белоруски (6,5 и 6,64 % соответственно). Моноэтнический характер имел своекоштный Хировский монастырь, все насельницы которого были местными уроженками. Своим национальным составом значительно отличался от других женских обителей Каларашевский, что было обусловлено исторически. Дело в том, что в состав его сестричества в 1916 г. вошли монахини из Вировского монастыря Холмской епархии (ныне на территории Польши), белоруски по этнической принадлежности⁹. Схожая ситуация должна была наблюдаться и в Жабском монастыре, в который была переведена часть сестричества Леснинского монастыря¹⁰. К сожалению, детальная информация о национальном составе общины этой обители нами ни среди материалов Архива Молдавской митрополии, ни в фондах Национального архива Республики Молдова, ни в Государственном архиве Российской Федерации обнаружена не была. Тем не менее в 1951 г. часть сестричества этого монастыря, сохранившая свою славянскую идентичность, направила жалобу в адрес правившего в Молдавии архиерея - епископа Нектария. В ней монахини, в частности, отмечали: «За период 34 лет мы не слышали чтение и пение русское, а теперь нам Всевышний даровал эту радость, но вдруг без никаких причин радость наша от нас отнимается. Хотя мы только один раз в неделю, в зимний период, и слышим, а летом все на работе, за церковь нет когда и вспомнить»¹¹. Однако епископ остался глух к мольбе монашествующих и предписал: «Настоятельница с собором разобрать все недоразумения... Если нужно, следует налагать на виновных наказания – вплоть до перемены послушания и удаления из хора»¹².

В рассматриваемый период уровень образованности монашествующих мужских обителей был заметно выше этого показателя среди общин женских монастырей. Культурная революция, развернувшаяся в конце 1940-х гг. в республике, затронула и монастырскую систему – число неграмотных насельников и насельниц значительно сократилось, в то время как количество грамотных сестер и братьев заметно возрос. В то же время местные монастыри вследствие секуляризации системы образования постепенно теряют функции образовательных центров, выполнявшиеся ими в предыдущий период развития.

В монастырях Кишиневской епархии подвизались представители восьми национальностей, проживавших в республике. Преобладание молдаван среди монашествующих, равно как и наличие среди них представителей иных этносов, было обусловлено тем, что ряды черного духовенства пополнялись в основном за счет населения близлежащих сел с различным национальным составом. Специфический в этническом отношении состав сестричеств имели Каларашевский и Жабский монастыри, в которые были переселены в годы Первой мировой войны монахини из Холмской епархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tihonov L. Politica statului sovietic față de cultele din R.S.S. Moldovenească. Chișinău, 2004; Иосиф (Павлинчук). Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004; Locașuri sfinte din Basarabia. Ed. I. Chișinău, 2001; Ciorbă V. Biserica Ortodoxă din Basarabia și Transnistria (1940 - 2010). Chișinău, 2011.*

2. *Beșleagă V. Cruci răsturnate de regim mănăstirea Răciula. 1959. Chișinău, 2006; Poștarencu D. Mănăstirea Noul Neamț. Chișinău, 1994; Grițcu I., Iftodi L. Mănăstirea Țârova. Chișinău, 2005; Golub V. Mănăstirea Churchi. Orhei, 2000; Иринеѳ (Тафуня). История Свято-Вознесенского Ново-Нямецкого Кицканского монастыря. Ново-Нямецкий монастырь, 2004.*

3. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов. В 4 т. Т. 1. М., 2009. С. 355.

4. Архив Молдавской митрополии (*далее - АММ*). Дело Злотевского монастыря. Список лиц, живущих при монастыре Злоц Бендерского уезда 25 августа 1945 г.

5. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 2002. С. 278.

6. АММ. Дело Добрушского монастыря. Список монашествующих... на 1 января 1950 г.

7. Вировский во имя Всемиловейшего Спаса женский монастырь. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/158744.html> (дата обращения: 24.11.2013 г.).

8. АММ. Дело Гербовецкого монастыря. Список монашествующих... 1948 г.

9. Вировский во имя Всемиловейшего Спаса женский монастырь ...

10. *Мелинти М., Содоль В.А.* Жабский в честь Вознесения Господня женский монастырь. Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/182181.html> (дата обращения: 24.11.2013 г.).

11. АММ. Дело переписки с Жабским монастырем 1951 г. Л. 28.

12. Там же. Л. 52.

References

1. *Tihonov L.* Politika statului sovietic față de cultele din R.S.S. Moldovenească. Chișinău, 2004; *Iosif (Pavlinchuk).* Kishinevsko-Moldavskaya eparkhiya v period s 1944 po 1989 god. Novo-Nyametskiy monastyr', 2004 [in Russian]; Locașuri sfinte din Basarabia. Ed. I. Chișinău, 2001; *Ciorbă V.* Biserica Ortodoxă din Basarabia și Transnistria (1940 - 2010). Chișinău, 2011.
2. *Beșleagă V.* Cruci răsturnate de regim mănăstirea Răciula. 1959. Chișinău, 2006; *Poștarencu D.* Mănăstirea Noul Neamț. Chișinău, 1994; *Grițcu I., Iftodi L.* Mănăstirea Țăpova. Chișinău, 2005; *Golub V.* Mănăstirea Churchi. Orhei, 2000; *Iriney (Tafunya).* Istoriya Svyato-Voznesenskogo Novo-Nyametskogo Kitskanskogo monastyrya. Novo-Nyametskiy monastyr', 2004 [in Russian].
3. Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov. V 4 t. T. 1. M., 2009. S. 355 [in Russian].
4. Arkhiv Moldavskoy mitropolii (*dalee - AMM*). Delo Zlotevskogo monastyrya. Spisok lits, zhivushchikh pri monastyre Zlots Benderskogo uezda 25 avgusta 1945 g.
5. Istoriya Respubliki Moldova s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kishinev, 2002. S. 278.
6. AMM. Delo Dobrushskogo monastyrya. Spisok monashestvuyushchikh... na 1 yanvarya 1950 g.
7. Virovskiy vo imya Vsemilostiveyshego Spasa zhenskiy monastyr'. Pravoslavnaya entsiklopediya. URL: <http://www.pravenc.ru/text/158744.html> (data obrashcheniya: 24.11.2013 g.).
8. AMM. Delo Gerbovetskogo monastyrya. Spisok monashestvuyushchikh... 1948 g.
9. Virovskiy vo imya Vsemilostiveyshego Spasa zhenskiy monastyr'...
10. *Melinti M., Sodal' V.A.* Zhabskiy v chest' Vozneseniya Gospodnya zhenskiy monastyr'. Pravoslavnaya entsiklopediya. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravenc.ru/text/182181.html> (data obrashcheniya: 24.11.2013 g.).
11. AMM. Delo perepiski s Zhabskim monastyrem 1951 g. L. 28.
12. Tam zhe. L. 52.

Содоль Вячеслав Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Sodol' Veacheslav - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: sodol-slav@yandex.ru

Приложения**Таблица 1. Образование монашествующих мужских обителей (1945–1948 гг.)**

Название монастыря	Количество монашествующих	Возраст монашествующих	Образование монашествующих					
			Начальное	Малограммотные	Монастырское	Среднее	Высшее	Неграмотные
Гиржавский	66	Старше 60 лет	2		7			6
		От 40 до 60 лет	6		8			5
		От 18 до 40 лет	13		8			1
		До 18 лет	8					2
Злотевский	15	Старше 60 лет	1					2
		От 40 до 60 лет	1					-
		От 18 до 40 лет	4					2
		До 18 лет	4					1
Рудянский	13	Старше 60 лет		2				
		От 40 до 60 лет		4				
		От 18 до 40 лет		2				
		До 18 лет		5				
Сырбештский	15	Старше 60 лет	2					-
		От 40 до 60 лет	5					1
		От 18 до 40 лет	4					-
		До 18 лет	3					-
Гербовецкий	71	Старше 60 лет	13					5
		От 40 до 60 лет	12					5
		От 18 до 40 лет	22					3
		До 18 лет	10					1
Цыповский	12	Старше 60 лет	-		-			-
		От 40 до 60 лет	2		2			2
		От 18 до 40 лет	5		-			-
		До 18 лет	1		-			-
Цыганештский	53	Старше 60 лет	4	4	1			1
		От 40 до 60 лет	7	7	5			2
		От 18 до 40 лет	6	8	2			1
		До 18 лет	1	4	-			
Итого:	245		<i>136</i>	<i>36</i>	<i>33</i>			<i>40</i>

Таблица составлена на основании следующих документов: Архив Молдавской митрополии (АММ). Дело Злотевского монастыря. Список лиц, живущих при монастыре Злоц Бендерского уезда 25 августа 1945 г.; Там же. Дело Гиржавского монастыря. Послужной список монашествующих и послушников Гиржавского Вознесенского монастыря за 1945 г. Там же. Дело Рудянского монастыря. Список сотрудников монастыря Рудянского; Там же. Дело Сырбештского монастыря. Список монахов Сырбештского монастыря Сынжерейского района Бельцкого уезда за 1947 г.; Там же. Дело Гербовецкого монастыря. Список монашествующих Гербовецкого монастыря Бравического района 1948 г.; Там же. Дело Цыповского монастыря. Список Цыповского Успенского монастыря Киперченского района Оргеевского уезда 24 января 1948 г.; Там же. Дело Цыганештского монастыря. Список личного состава живущих братьев при Свято-Успенском мужском монастыре Цыганешты по состоянию на февраль 1948 г.

Таблица 2. Образование монашествующих мужских обителей (1949–1953 гг.)

Название монастыря	Количество монашествующих	Возраст монашествующих	Образование монашествующих					Неграмотные
			Начальное	Малограммотные	Монастырское	Среднее	Высшее	
Сырбештский	17	Старше 60 лет	1					2
		От 40 до 60 лет	6					1
		От 18 до 40 лет	4					-
		До 18 лет	2					1
Гинкуловский	34	Старше 60 лет	5	1	2			1
		От 40 до 60 лет	10	1	4			-
		От 18 до 40 лет	7	1	1			-
		До 18 лет	1	-	-			-
Гиржавский	39	Старше 60 лет	11					-
		От 40 до 60 лет	14					1
		От 18 до 40 лет	10					-
		До 18 лет	3					-
Добрушский	64	Старше 60 лет	14		6			4
		От 40 до 60 лет	8		2			1
		От 18 до 40 лет	18		1			1
		До 18 лет	8		-			1
Злотевский	7	Старше 60 лет	-					2
		От 40 до 60 лет	1					-
		От 18 до 40 лет	4					-
		До 18 лет	-					-
Киприянский	39	Старше 60 лет	11					3
		От 40 до 60 лет	16					-
		От 18 до 40 лет	9					-
		До 18 лет	-					-
Кицканский	61	Старше 60 лет	11	4	2	-	-	2
		От 40 до 60 лет	17	-	-	3	1	2
		От 18 до 40 лет	13	-	-	-	-	1
		До 18 лет	4	-	1	-	-	-
Курковский	53	Старше 60 лет	17					3
		От 40 до 60 лет	23					1
		От 18 до 40 лет	9					-
		До 18 лет	-					-
Гербовецкий	79	Старше 60 лет	22					6
		От 40 до 60 лет	28					9
		От 18 до 40 лет	11					1
		До 18 лет	2					-
Цыганештский	55	Старше 60 лет	17					-
		От 40 до 60 лет	24					1
		От 18 до 40 лет	13					-
		До 18 лет	-					-
Итого:	448		374	7	19	3	1	44

Таблица составлена на основании следующих документов: АММ. Дело Сырбештского монастыря. Список монахов и послушников Сырбештского монастыря Сынжерейского района Кишиневско-Молдавской епархии по состоянию на 1 января 1949 г.; Там же. Дело Гинкуловского монастыря. Список монашествующих и послушников Гинкуловского мужского монастыря Кишиневско-Молдавской епархии Страшенского района по состоянию на 1 января 1950 г.; Там же. Дело Гиржавского монастыря. Список лиц, находящихся в Гиржавском мужском монастыре к 1 декабря 1950 г.; Там же. Дело Добрушского монастыря. Список монашествующих и послушников Добрушского мужского монастыря Кишиневско-Молдавской епархии Котужанского района по состоянию на 1 января 1950 г.; Там же. Дело Злотевского монастыря. Список монашествующих и послушников Злотевского мужского монастыря Кишиневско-Молдавской епархии Чимишлийского района по состоянию на 1 января 1950 г.; Там же. Дело Киприянского монастыря. Список монашествующих и послушников Киприянского мужского монастыря Кишиневско-Молдавской епархии Страшенского района по состоянию на 1 января 1950 г.; Там же. Дело Кицканского монастыря. Список монашествующих Кицканского мужского монастыря Кишиневско-Молдавской епархии 2 декабря 1949 г.; Там же. Дело Курковского мужского монастыря с 1946-1953 гг. Список насельников Курковского мужского монастыря Оргеевского района МССР 1952 г.; Там же. Дело Гербовецкого монастыря. Список монашествующих Гербовецкого монастыря Бравического района на 1 января 1953 г.; Там же. Дело Цыганештского монастыря. Цыганештский монастырь 1953.

Таблица 3. Образование монашествующих женских обителей (1945–1950 гг.)

Название монастыря	Количество монашествующих	Возраст монашествующих	Образование монашествующих					
			Начальное	Малограммотные	Монастырское	Церковное	Высшее	Неграмотные
Каларашевский	101	Старше 55 лет	19				-	31
		От 40 до 55 лет	21				1	12
		От 18 до 40 лет	7				-	10
		До 18 лет	-				-	-
Хировский	168	Старше 55 лет	19					31
		От 40 до 55 лет	27					22
		От 18 до 40 лет	53					8
		До 18 лет	6					2
Сахарнянский	40	Старше 55 лет	1			4		4
		От 40 до 55 лет	3			2		2
		От 18 до 40 лет	17			5		-
		До 18 лет	2			-		-
Таборский	225	Старше 55 лет	19			14		48
		От 40 до 55 лет	23			3		22
		От 18 до 40 лет	50			9		16
		До 18 лет	18			-		3
Итого:	534		285			37	1	211

Таблица составлена на основании следующих документов: АММ. Дело Каларашевского монастыря. Послужной список о монашествующих и послушницах Каларашевского Свято-Успенского женского монастыря за 1945 г.; Там же. Дело Хировского монастыря. Послужной список монашествующих и послушниц Хировского женского монастыря Оргеевского района по состоянию на 1 декабря 1948 г.; Там же. Дело Сахарнянского монастыря. Состав женского Сахарнянского монастыря 4 января 1949 г.; Там же. Дело Таборского монастыря. Список монашествующих Таборского монастыря Оргеевского района на 1949 – 1950 г. по 10 февраля.

Таблица 4. Образование монашествующих женских обителей (1951–1954 гг.)

Название монастыря	Количество монашествующих	Возраст монашествующих	Образование монашествующих					
			Начальное	Малограммотные	Монастырское	Домашнее	Церковное	Неграмотные
Варзарештский	123	Старше 55 лет	12	2	19			13
		От 40 до 55 лет	15	-	14			6
		От 18 до 40 лет	22	-	20			-
		До 18 лет	-	-	-			-
Хировский	174	Старше 55 лет	13	33				10
		От 40 до 55 лет	16	28				11
		От 18 до 40 лет	36	14				9
		До 18 лет	4	-				-
Таборский	203	Старше 55 лет	11	9		4		31
		От 40 до 55 лет	16	13		3		14
		От 18 до 40 лет	38	10		-		17
		До 18 лет	28	6		-		3
Сахарнянский	31	Старше 55 лет	3				5	3
		От 40 до 55 лет	3				1	1
		От 18 до 40 лет	11				2	2
		До 18 лет	-				-	-
Итого:	531		228	115	53	7	8	120

Таблица составлена на основании следующих документов: АММ. Дело Варзарештского монастыря. Список монашествующих Варзарештского женского монастыря Ниспоренского района на 1 января 1951 г.; Там же. Дело Хировского монастыря. Список насельниц Хировского женского монастыря Оргеевского района МССР 1952 года; Там же. Дело Таборского монастыря. Список насельниц Таборского женского монастыря на 1952 г.; Там же. Дело Сахарнянского монастыря. Список всех монахинь и сестер, живущих в Сахарнянском женском монастыре Резинского района по 1954 г.

Таблица 5. Национальный состав монашествующих мужских обителей (1948–1952 гг.)

Название монастырей	Кол-во монашествующих	Национальность монашествующих							
		Молдаване	Русские	Украинцы	Румыны	Малороссы	Болгары	Гагаузы	Румыны
Гербовецкий	71	63	-	1	2	5	-	-	-
Гиржавский	39	37	-	2	-	-	-	-	-
Кицканский	61	49	2	6	-	-	1	2	1
Курковский	53	53	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	224	202	2	9	2	5	1	2	1

Таблица составлена на основании: АММ. Дело Гербовецкого монастыря. Список монашествующих... 1948 г.; Там же. Дело Гиржавского монастыря. Список лиц... к 1 декабря 1950 г.; Там же. Дело Кицканского монастыря. Список монашествующих ...1949 г.; Там же. Дело Курковского мужского монастыря с 1946 – 1953 г. Список насельников ... 1952 г.

Таблица 6. Национальный состав монашествующих женских обителей (1945–1952 гг.)

Название монастыря	Кол-во монашествующих	Национальность монашествующих						
		Молдаване	Русские	Украинцы	Малороссы	Белорусы	Болгары	Румыны
Варзарештский	124	115	3	-	1	-	5	-
Каларашевский	101	19	3	39	-	40	-	-
Таборский	203	198	3	-	-	-	2	-
Хировский	174	173	-	-	-	-	-	1
Итого:	602	505	9	39	1	40	7	1

Таблица составлена на основании следующих документов: АММ. Дело Варзарештского монастыря. Список монашествующих... на 1 января 1951 г.; Там же. Дело Каларашевского монастыря. Послужной список... за 1945 г.; Там же. Дело Таборского монастыря. Список насельниц... на 1952 г.; Там же. Дело Хировского монастыря. Список насельниц... 1952 г.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/18572685/33/12

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДИНАМИКИ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА МОЛДАВИИ В 50-60-е гг. XX в.

И.М. МЕДВЕДЕВА

Приднестровский государственный университет им Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)
e-mail: arina1920@mail.ru

Авторское резюме

В 50-60-е гг. XX в. демографические явления в Молдавии были связаны с развитием социальной жизни общества. Ускоренными темпами развивались электроэнергетика, машиностроение, приборостроение, легкая промышленность, образовались научно-производственные объединения во главе с научно-исследовательскими институтами, территориальные агропромышленные комплексы. Государственная политика была направлена на создание материально-технической базы, внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство, решение сложнейших социальных проблем. За счет изменений, произошедших в экономике, повысилась роль городов. Так, например, в 60-е гг. в механическом приросте населения городов доля прироста от внутренней миграции составила 53,5 %, а от внешней – 46,5 %. Общая численность городского населения в 1950 г. составляла 402,6 тыс. чел., а в 1960 г. превышение составило более 738 тыс. чел.

Ключевые слова: население, демографические процессы, этнический состав, механический прирост, естественный прирост, миграция, перепись населения, динамика интенсивного развития.

The Basic Directions of the Dynamics of the Ethnic Structure of Moldavia in the 50 and 60's of the 20th Century

I.M. Medvedeva

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)

e-mail: arina1920@mail.ru

Abstract

The demographic events in Moldova in 50-60th years of XX century are connected with the development of the social life of the society. Power industry, mechanic engineering, instrumentation, light industry developed with heightened rates. Scientifically – production associations led by scientifically – research institutes, territorial agro-industrial complexes were formed during this time. The state policy was directed on creation of financially – technical base, on introduction of the achievements of science and technology in the national economy, on solution of the most difficult social problems. The role of the cities advanced thanks to the changes occurred in the economy. So, for example, in the 60th years the internal migration of population was 53,5 %, and the external – 46,5 %. In 1950 the total number of the urban population was 402,6 thousand people, and in the 1960th year the excess was more than 738 thousand people.

Keywords: population, demographic processes, the ethnic composition, mechanical growth, natural increase, migration, population census, the dynamics of the intensive development.

История народонаселения является основой существования общества, поэтому в настоящее время находится под пристальным вниманием исследователей. Анализ экономических, политических и социальных изменений в обществе может способствовать оптимизации механизма управления социальной сферой жизни на государственном уровне.

Изучение развития Молдавии в различные исторические периоды позволяет выявить качественные изменения в демографических процессах и этнической структуре населения, вызванные определенными политическими, социальными и экономическими причинами. В 50-60-е гг. XX в. демографические процессы в Молдавии были связаны с развитием социальной жизни. В этот период происходили перестройка управления экономикой по территориальному признаку и образование совнархозов, продолжалось крупное строительство. Ускоренными темпами развивались электроэнергетика, машиностроение, приборостроение, легкая промышленность, образовывались научно-производственные объединения, возглавляемые научно-исследовательскими институтами, территориальные агропромышленные комплексы. Государственная политика была направлена на создание материально-технической базы, внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство, решение сложнейших социальных вопросов. Для решения проблем Молда-

вии как республики западного региона были предоставлены финансовые льготы, дотации, целевым назначением из союзного бюджета выделялись средства на крупные объекты строительства¹.

В процессе экономического развития в 1950-1960-е гг. в союзных республиках наблюдалось массовое перемещение населения. Молдавия наряду с другими республиками стала областью с повышенным притоком населения (в 1950 г. - 2 290 тыс. чел., в 1955 г. - 2 602 тыс. чел., в 1960 г. - 2 968 тыс. чел.)². В связи с высокими темпами строительства, оснащения предприятий новой техникой увеличилось количество квалифицированных рабочих и специалистов, в том числе прибывших из других республик. Так, на старейшем Тираспольском консервном заводе им. 1 Мая последние в 1944-1950 гг. составляли 30 %, в 1950-1958 гг. - 39,3 %, в начале 60-х гг. - 44,7 %. По этническому составу во всей пищевой промышленности в 1953 г. среди рабочих молдаван было 31,7 %, представителей нацменьшинств - 68,3 %. В легкой промышленности республики в 50-е гг. число рабочих превышало 11 тыс. человек, из них молдаване составляли 31,7 %. На шести фабриках, размещенных в Бендерах и Тирасполе, из 448 специалистов с высшим и средним специальным образованием русских был 321 чел., украинцев - 138, молдаван - 25, евреев - 43 чел. Это были квалифицированные работники - инженеры, техники, экономисты, специалисты сельского хозяйства³.

За счет изменений, произошедших в экономике, повысилась роль городов. С интенсивным развитием в них учреждений культуры и просвещения связаны естественный прирост населения в городах и перемещение туда сельских жителей. Рост промышленного развития вызвал миграцию извне. Так, например, в 60-е гг. в механическом приросте населения городов доля прироста от внутренней миграции составила 53,5 %, а от внешней - 46,5 %. Общая численность городского населения в 1950 г. составляла 402,6 тыс. чел., а в 1960-м превышение составило более 738 тыс. человек. Интеллигенция и служащие в общей численности населения в городской местности насчитывали 31,8 %, а в сельской - 5,1 %. Это связано с тем, что в города уезжали представители молодежи и более старшего поколения трудового возраста для приобретения профессии, повышения квалификации, раскрытия своего творческого потенциала. Этническая структура городского населения была многонациональной. К концу 50-х гг. удельный вес молдаван составлял 35,1 %, русских - 28,2 %, гагаузов - 3,9 %, болгар - 2,1 %⁴.

Динамику удельного веса национальностей в 60-е гг. в среде сельского населения следует рассматривать по районам. Молдавское население было наиболее компактно расселено в основном в

центральных районах Молдавии. Удельный вес составлял 70 %, а в отдельных районах - 96 %. В левобережных приднестровских районах (Каменский, Дубоссарский, Тираспольский) проживало смешанное население. Украинцы размещались в шести северных районах Молдавии - 28 %; в трех приднестровских районах (Рыбницкий, Каменский, Дубоссарский) они составляли 47 % населения. Русское население было представлено в двух районах: Дубоссарском -14 % и Тираспольском -21 %. В остальных районах удельный вес русских составлял от 1 % до 9 % населения⁵.

Естественное движение населения в 50-х гг. носило стабильный характер. По отношению к довоенному уровню естественный прирост значительно увеличился и составил в 1951 г. 273,7 %, в 1960 г. - 285,9 %, в городах – соответственно 61,2 и 81,3 %, в сельской местности - 238,8 и 254 %. В этот период наблюдался рост рождаемости. В 1951 г. абсолютная численность была выше довоенной на 25 645 родившихся, в 1960 г. – на 21 910 детей, в городах - соответственно на 5 106 и 8 093, в сельской местности – на 20 534 и 13 817. В сельской местности темпы рождаемости были ниже в 1,7 раза, чем в городе. Число родившихся в 1960 г. по сравнению с 1951 г. составляло 96 % в целом по республике, в сельской местности - 92 %, в городах достигло 125 %. Смертность последовательно снижалась и составила в 1951 г. 61,8 %, в том числе в городах - 66,8 %, в селах – 61 %; в 1960 г. – соответственно 45,9 %, 72,5 % и 42 % ⁶. Таким образом, благоприятное соотношение уровня рождаемости и смертности создало в республике демографическую ситуацию, которая характеризовалась высоким уровнем естественного прироста населения. МССР была одной из самых густонаселенных республик. Плотность населения составляла 108,8 чел. на 1 кв. км. Наибольшая плотность населения была в приднестровских районах (150 чел. на 1 кв. км).

Успешный демографический рост населения Молдавии в 50-60 гг. XX в. связан с развитием социальной жизни. На рост численности населения оказывали влияние следующие факторы: высокий уровень занятости населения и отсутствие безработицы, повышение благосостояния трудящихся, широкое развитие медицинского обслуживания, мероприятия по улучшению труда и быта.

Источником для определения изменений этнической структуры населения служат переписи. Они дают представление о динамике развития наиболее многочисленных национальностей республики – молдаван, украинцев, русских.

Национальный состав населения МССР⁷

Национальность	1940 г.		1959 г.		1970 г.	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Всего населения	2608	100	2885	100	3569	100
Молдаване	1736	66,5	1887	65,4	2304	64,6
Украинцы	254	9,7	421	14,6	507	14,2
Русские	188	7,2	293	10,2	414	11,6
Евреи	-	-	95	3,3	98	2,7
Гагаузы	-	-	96	3,3	125	5,5
Болгары	-	-	62	2,1	74	2,1
Другие национальности	430	16,5	31	1,1	47	1,3

Вспомогательная таблица для подсчета распределения наличного населения по наиболее многочисленным национальностям (по итогам переписи 1959 г.⁸)

Тирасполь	Муж.	Жен.	Оба пола	% от всего наличного населения
Молдаване	2373	2749	5122	8,5
Болгары	238	218	456	0,8
Гагаузы	126	61	187	0,3
Русские	11099	14788	25887	43
Украинцы	8626	12296	20922	34,8
Белорусы	236	279	515	0,86

Евреи	2512	3543	6055	10,06
Другие национальности	500	537	1037	1,7

В процессе этнического развития населения Молдавии в 50–60-е гг. возросла абсолютная численность всех национальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Репида Л.Е.* Население Молдовы в интеграционных процессах. Кишинев, 2000. С. 48.
2. *Зеленчук В.С.* Население Молдавии. Кишинев, 1973. С. 47.
3. *Репида Л.Е.* Указ. соч. С. 174.
4. *Зеленчук В.С.* Указ. соч. С. 52.
5. Там же. С. 51
6. *Репида Л.Е.* Указ. соч. С. 106-107.
7. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 398. Л. 1-528.
8. Материалы по итогам переписи населения 1959 г. Тираспольский городской государственный архив МССР. Ф.128. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 10.

References

1. *Repida L.E.* Naselenie Moldovy v integratsionnykh protsessakh. Kishinev, 2000. S. 48.
2. *Zelenchuk V.S.* Naselenie Moldavii. Kishinev, 1973. S. 47.
3. *Repida L.E.* Ukaz. soch. S. 174.
4. *Zelenchuk V.S.* Ukaz. soch. S. 52.
5. Tam zhe. S.51
6. *Repida L.E.* Ukaz. soch. S. 106-107.
7. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Moldova (NARM).. F. 5. Op.1. D. 398. L. 1-528.
8. Materialy po itogam perepisi naseleniya 1959 g. Tiraspol'skiy gorodskoy gosudarstvennyy arkhiv MSSR. F.128. Op. 1. Ed.khr. 98. L. 10.

Медведева Ирина Михайловна - старший преподаватель кафедры политологии и политических процессов Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

e-mail: arina1920@mail.ru

Medvedeva Irina - Senior Lecturer of the Faculty of Politology and Political Processes of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria

e-mail: arina1920@mail.ru

УДК 372.8

DOI: 10.17223/18572685/33/13

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

Л.Е. Петракова

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)
e-mail: LydmilaPetrakova@gmail.com

Авторское резюме

Развитие патриотических качеств личности и гражданина - важная составляющая воспитания подрастающего поколения. Осознание своей связи с историческим прошлым и настоящим своей страны не только способствует формированию гражданственности и патриотизма, но и служит консолидации общества. При всем многообразии путей и форм воспитательного воздействия особая роль принадлежит урокам истории родного края. В Приднестровье образовательные программы предусматривают не только отдельное время для изучения региональной истории - изданы специальные учебники «История родного края» для 6-7 классов и «История родного края» для 8-9 классов авторов Н.В. Бабилунги и Б.Г. Бомешко. Такие уроки играют важную роль в формировании морально-этических и патриотических качеств подрастающего поколения приднестровцев на примерах бескорыстного и мужественного служения Отечеству его лучших сынов.

Ключевые слова: воспитание, патриотизм, роль уроков истории, история родного края, региональный компонент.

Ways of formation patriotic values of teenagers during the course of teaching History of the Native land

L.E. Petrakova

Taras Shevchenko State University of Transnistria
(Transnistria, Moldova)
e-mail: LydmilaPetrakova@gmail.com

Abstract

Pridnestrovian Moldovan Republic is an unrecognized country. It is 22 years old. A new type of citizen was formed during this period – pridnestrovian. Native Land History lessons play an important role in teaching growing generations and in forming a personality. Pupils have been studying world history, Russian history along with regional (local history) in Pridnestrovian schools during 10 years already. The teaching it is conducted according to special made schoolbooks of professors of Pridnestrovian State University N.V. Babilunga and B.G. Bomesko. We can find in these schoolbooks the history of pridnestrovian land from the ancient times till our days. The learning of the Native Land history has a great educational value and serves to consolidation of society.

Keywords: education, patriotism, role of History lessons, history of the Native Land, regional element.

Важнейшей составной частью воспитательного процесса в современной отечественной школе является формирование патриотизма и культуры межнациональных отношений, которые имеют огромное значение в гражданском и духовном развитии личности ученика. Только на основе патриотизма и почитания национальных святынь укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за ее могущество, честь и независимость, развивается достоинство личности. Патриотизм - это сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с её народом. Это и чувство гордости за своё Отечество, малую родину, т. е. край, республику, город или сельскую местность, где гражданин родился и вырос. Патриотизм включает активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству¹. Также он выражается в осознании долга по отношению к Родине, в стремлении охранять и приумножать всё материальное и духовное, что накоплено поколениями предшественников, в желании содействовать улучшению жизни соотечественников, наконец, в готовности пожертвовать ради Отчизны личными интересами и даже жизнью.

Формирование духовно-нравственных качеств происходит в течение всей жизни человека, но наиболее важным этапом этого развития является подростковый возраст. Это период активного формирования мировоззрения человека – системы взглядов на действительность, самого себя и других людей. В таком возрасте совершенствуются самооценка и самопознание, что оказывает сильное влияние на развитие личности в целом. Это возраст жадного стремления к познанию, возраст кипучей энергии, бурной активности, инициативности, жажды деятельности. Избирательным, целенаправленным, анализирующим становится восприятие. Память подростка, как и внимание, постепенно приобретает характер ор-

ганизованных, регулируемых и управляемых процессов². Именно в этом возрасте возможно наиболее полно реализовать задачи формирования современного национального идеала гражданина – воспитание высоконравственной, творческой, компетентной личности, укорененной в духовных и культурных традициях Приднестровья, принимающей судьбу своего народа как свою личную, осознающей свою ответственность за настоящее и будущее своей страны³.

Достижению этой цели служат уроки истории, которые традиционно остаются средством патриотического, интернационального, демократического воспитания. Изучение прошлого – средство развития мышления, включения в культурную среду, формирования знаний, умений, навыков, становления человека как гражданина. В.О. Ключевский говорил, что «...и развитие нравственного чувства, и политическое сознание, и чувство любви и долга к Отечеству – очень хорошо, если все это является результатом изучения истории»⁴. Надо сказать, что человек в оценке современных ему событий и явлений и даже в организации собственной деятельности чаще всего руководствуется системой исторических представлений. Хоть это и не столь очевидно, но именно исторические интерпретации (событий, поступков отдельных людей) могут многое сказать об общей системе ценностей человека и в какой-то степени прогнозировать его поведение. Если человек подходит к истории не с цитатником, а с вопросником, значит, он уже начинает мыслить по принципу диалога с прошлым. Такой диалог даст позитивный результат при условии оценивания исторических явлений с двух позиций – извне, как бы с позиции стороннего наблюдателя, и изнутри, с личной позиции. Отношение к прошлому как к «моей истории», пропущенной через себя, собственное сознание – важный момент в процессе самоидентификации. «Моя история» – это наследство, от которого не отказываются. Это история, которая может начинаться с истории семьи, города, страны и определяться через отношение человека к миру, к мировой истории. Сегодня у нас есть реальный шанс через систему образования по-новому организовать исследовательскую деятельность учащихся в рамках школьного курса истории и направить их позитивную энергию на овладение знаниями и формирование нравственно значимых для общества качеств личности.

Именно изучение истории родного края как попытка восприятия истории изнутри, от себя, изначально от малой своей истории к большой – российской/советской и мировой является главной социальной задачей актуализации многовековой истории предков в интересах формирования здорового общества и здорового гражданина в этом обществе⁵.

История родного края в Приднестровье преподаётся в рамках республиканского (регионального) компонента по специально изданным учебникам истории родного края авторов Н.В. Бабилунги и Б.Г. Бомешко: «История родного края. 6-7 классы» и «История родного края. 8-9 классы». Региональная составляющая в содержании исторического образования не только позитивно влияет на качественное развитие личности, но и служит средством возрождения и сохранения культуры, обычаев, нравов приднестровского народа, воспитания патриотизма и гражданственности. Учебники «История родного края» отличаются большим количеством помещённых в них фотографий исторических персонажей, лидеров, руководителей, людей, отдавших жизнь служению народу и долгу (господарь Александр Ион Куза, декабристы П.И. Пестель и В.Ф. Родзянко, А.И. Герцен, Х. Ботев, Н.П. Чернышевский, А.И. Гучков и В.Ф. Раевский, М.В. Фрунзе, И.Э. Якир и др.)⁶.

Патриотическое воспитание формируется также путем показа героической борьбы народа против иноземных захватчиков, самоотверженности, подвигов, талантов соотечественников. Приднестровские школьники знают о подвигах Ивана Сусанина и Александра Матросова, Дениса Давыдова и Петра Нестерова. Но, вместе с тем, изучая подвиги российских борцов, созидателей, мужественных и благородных людей, они из урока в урок знакомятся с достойными личностями, создавшими приднестровскую историю. Это и простые люди, и облаченные властью, и жизнь отдавшие за Родину – Константин Острожский, Стефан Великий, Северин Наливайко, Иван Подкова, митрополит Досифей, Герои Советского Союза В.А. Бочковский, Ф.И. Жарчинский, И.С. Солтыс и другие, чьи жизни и подвиги стали примером для подражания, для воспитания идеалов служения Отечеству⁷.

Организованное таким образом изучение исторического прошлого обеспечивает возможность патриотического воспитания, основанного на принципе объективности изучаемого. Приоритет в содержании учебников отдается первоисточникам, что позволяет ученикам открывать для себя знания, делать собственные выводы, формировать суждения, анализировать, интерпретировать исторические данные.

Авторы приглашают учеников к диалогу, они не предлагают категорической авторской оценки, но у них достаточно фактической информации и есть побуждающие к рассуждению, сравнению, оценке вопросы, тесты, проблемные задания (после каждого параграфа). Из урока в урок раскрывается понимание того, что из какой бы среды ни был выходцем тот или иной сын народа, его поступки оцениваются по принципу служения Отечеству, а значит, все они -

истинные патриоты, даже если стояли по разные стороны баррикад. В сознании школьников формируется последовательная цепь взаимосвязанных событий, персонифицированная история, в которой личности меняют ее ход. Уроки истории способствуют пониманию того, что прошлое не исчезает бесследно, что оно остается с нами, помогая жить и зорче видеть настоящее.

Патриотизм – это в том числе межнациональное и социальное согласие. Приднестровье – многонациональная республика, и вопрос воспитания толерантности, взаимного уважения, взаимопомощи здесь актуален и злободневен. У нас каждый класс – маленькая интернациональная семья, и воспитание межнационального согласия на примерах истории и текущей жизни является каждодневной работой.

Надо сказать, что патриотизм формируется в процессе обучения, социализации и воспитания школьников. Однако социальное пространство для развития патриотизма не ограничивается школьными уроками. Это сложный, длительный и многогранный процесс, включающий влияние семьи, различных государственных и общественных организаций, учреждений, клубов, объединений, обществ.

Задача обучения истории – убеждать школьника на исторических примерах, на историческом опыте, воспитывать исторической правдой, раскрывать специфику родной истории с учетом особенностей географического, климатического, этнического, национального и главное – ментального порядка.

Историческое сознание, выросшее на фундаменте знания и осмысления прошлого, повседневно сопутствует человеку и во многом определяет его мысли и его поступки, формирует его жизненные координаты, мировоззрение, систему нравственных и духовных ценностей, чувство национального достоинства. Все это в совокупности способствует наиболее полному раскрытию индивидуальных возможностей и самореализации личности, а главное – способности решать трудные задачи гражданского выбора, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. С. 4.

2. Кротовицкий О.В. Возрастная психология / Учебное пособие. Казань: Казанский университет, 1969. С. 45.

3. Концепция духовно-нравственного воспитания детей и молодежи Приднестровья. Тирасполь: ГОУ ПГИРО, 2009. С. 2.

4. Ключевский В.О. Сочинение в девяти томах. Т. 9: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 302.

5. Концепция Государственных образовательных стандартов общего образования Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь: ГОУ ПГИРО, 2013. С. 4.

6. *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* История родного края. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. 6-7 классы. Тирасполь: ГИПК, 2004. 224 с.

7. *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* История родного края. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. 8-9 классы. Тирасполь: РИО ГИПК, 2004. 352 с.

References

1. *Daniluk A. Ia., Kondakov A. M., Tishkov V. A.* Concepția duhovno-nrăvstvennogo dezvoltării și învățării persoanei cetățenului din Rusia. [The conception of spiritual and moral development and education of a person the citizen of Russia], Moscow, 2009. P. 4 [in Russian].

2. *Cropovnickii O.V.* Vozrastnaia psihologiia [Developmental psychology], Kazan. P. 45 [in Russian].

4. Concepția duhovno-nrăvstvennogo învățării copiilor și tineretului din Republica Pridnestrovia [The conception of spiritual and moral education of children and teenagers of Transnistria], Tiraspol, 2009. P. 2 [in Russian].

5. *Clucheveskii V.O.* Sochineniia v deviatii tomah. T. 9: Materiali raznih let [Compositions in nine volumes. Vol. 9: The materials of different years.], Moscow, 1990. P. 302 [in Russian].

6. Concepția Gosudarstvennih obrazovatel'nih standartov obșhego obrazovaniia Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki [The conception of State educational standards of common education of Transnistrian Republic] Tiraspol, 2013. P. 4 [in Russian].

6. *Babilunga N.V., Bomeshko B.G.* Istoria rodnoġo kraia. Uchebnik dlia obșheobrazovatel'nih șkol. 6-7 kl. [The history of the native land. The schoolbook for general education school. Form 6-7], Tiraspol, 2004 [in Russian].

7. *Babilunga N.V., Bomeshko B.G.* Istoria rodnoġo kraia. Uchebnik dlia obșheobrazovatel'nih șkol. 8-9 kl. [The history of the native land. The schoolbook for general education school. Form 8-9], Tiraspol, 2004 [in Russian].

Петракова Людмила Еремеевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.
e-mail: LydmilaPetrakova@gmail.com

Petrakova Ludmila - Senior Lecturer of the Faculty of Domestic History of the Institute of History and State Management of the Taras Shevchenko State University of Transnistria.

e-mail: LydmilaPetrakova@gmail.com

УДК 94

DOI: 10.17223/18572685/33/14

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Л.В. ВОЙТОВИЧА
«КНЯЗЬ ЛЕВ ДАНИЛОВИЧ» (ЛЬВІВ: НАН
УКРАЇНИ. ІНСТИТУТ УКРАЇНОЗНАВСТВА
ІМ. І. КРИП'ЯКЕВИЧА, 2012. – 181 С.)**

М.И. Жих

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

**Review of the book: Voitovich L.V.
«Prince Lev Danilovich» (Lviv, 2012)**

M.I. Zhikh

Saint-Petersburg State University (Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

В силу ряда причин в исторической науке сложилась такая ситуация, что весьма яркая личность галицко-волынского князя Льва Даниловича (ок. 1225-1301 гг.) оказалась словно в тени его деда и отца – Романа Мстиславича и Даниила Романовича. Показательно, что многие исследования истории Галицко-Волынской земли и её международных связей вообще обрываются на княжении Даниила, оставляя как бы «за кадром» последующую историю Юго-Западной Руси¹, хотя она была не менее яркой и не менее важной для судеб как русских земель, так и Центрально-Восточной Европы.

Если же говорить конкретно о российской исторической науке, то её фокус после монгольского нашествия сосредоточивается преимущественно на истории Северо-Восточной Руси, где со временем сложилось Московское Великое княжество, трансформировавшееся впоследствии в Российское государство, и Новгорода. При этом как бы «забывается» о Западной и Юго-Западной Руси, которые в будущем вошли в состав Литвы и Польши. По этому поводу А.В. Жу-

равель, констатируя, что над историками тут довлеет перспектива будущего, совершенно справедливо заметил, что «на судьбу Руси после монгольского нашествия желательно смотреть в целом, не разделяя страну заранее на части»².

Монгольское нашествие способствовало ослаблению связей между разными частями Руси. Но, тем не менее, до начала широкого наступления Литвы и Польши на русские земли это по-прежнему, как и в XII-XIII вв., была единая страна (насколько можно говорить о «единстве» в условиях средневековой политической раздробленности), осознававшая себя таковой³.

Учитывая сказанное, появление книги известного украинского медиевиста Л.В. Войтовича, представляющей собой первое монографическое исследование, специально посвящённое Льву Даниловичу и истории Галицко-Волынской земли второй половины XIII в., является важным событием в историографии Древней Руси. Работа подводит некоторые итоги многолетних исследований историка⁴.

Как достоинство книги хотелось бы сразу отметить, что автор не просто даёт биографию князя, но и разворачивает перед читателем широкую панораму истории Юго-Западной Руси XIII в. и её соседей, с которыми судьбы Галичины и Волыни были теснейшим образом связаны (Венгрия, Польша, Золотая Орда и т. д.). Деятельность героя книги показана автором на широком историческом фоне эпохи. К этому можно добавить и хороший авторский стиль: книга не перегружена лишними деталями, имеет чёткую и понятную структуру повествования, а потому читается легко, что для научной работы, на мой взгляд, является безусловным достоинством.

Некоторые частные моменты авторского описания упомянутого общеисторического фона, однако, вызывают вопросы. Так, например, Войтович, как можно заключить из контекста, понимает под «смердами» свободных крестьян, из которых формировалось ополчение в случае войны (с. 43-44). Такая трактовка, идущая от Б.Д. Грекова, понимавшего под «смердами» всех древнерусских крестьян, как свободных, так и зависимых, является очень спорной: свободные жители Древней Руси, как горожане, так и крестьяне, обычно называются в источниках «людьми», а не «смердами». Не вдаваясь в дискуссию о социальном статусе древнерусских смердов, нахожу вполне очевидным, что так именовалась какая-то специфическая группа сельского населения, находившаяся в зависимости от князя, но никак не всё крестьянство⁵.

Утверждение и широкое распространение термина «Великая Русь» Л.В. Войтович рассматривает как следствие развития «великодержавного» сознания Московской Руси, использовавшей его для

обоснования своих претензий на все бывшие земли Руси Киевской (с. 54). Но это не соответствует семантике данного понятия, которую вполне убедительно раскрыл О.Н. Трубачев. Понятие «Великая Русь» представляло собой вовсе не обоснование неких «лидерских» претензий, а наоборот, обозначало зону, так сказать, «вторичную» по отношению к «Малой Руси» – Руси Южной. Аналогично именно территории, колонизированные греками или британцами, получили названия «Великой Греции» и «Великобритании»⁶.

Эти *частные* спорные моменты, впрочем, никак не умаляют достоинств рассматриваемой книги, в числе которых хотелось бы отметить и искреннюю симпатию автора к своему герою. Историк пытается преодолеть определённый негативный стереотип, сложившийся в историографии вокруг Льва Даниловича, которого многие исследователи представляют не слишком значительным политиком и едва ли не рядовым участником княжеских «катор».

Открывается книга кратким обозрением источников. Войтович обращает внимание на противоречивые оценки личности Льва Даниловича в Галицко-Волынской летописи: поначалу она рисует его верным помощником своего отца, храбрым полководцем, но затем тональность её меняется и Лев превращается на её страницах в «безчестного князя», что и задало направленность отношения к нему в современной историографии. По мнению учёного, такая «смена вех» была вызвана тем, что писалась и редактировалась ГВЛ при дворе волынских князей, отношения которых с Львом Даниловичем были весьма неоднозначными. Должный учёт последнего факта вкупе с привлечением ряда иностранных источников (например, жития венгерской принцессы и жены краковского князя Болеслава V Стыдливого Кунигунды – сестры жены Льва Даниловича Констанции) позволяет увидеть личность Льва Даниловича в совершенно ином свете: как мудрого целеустремлённого политика, сделавшего многое для процветания своей земли, повышения её статуса как среди других земель Руси, так и государств Центрально-Восточной Европы.

Лев Данилович был вторым сыном от брака Даниила Романовича и Анны Мстиславны, дочери князя Мстислава Удалого, и родился вскоре после 1225 г., вероятно, во Владимире-Волынском (с. 10). Крестным именем Льва было Онуфрий (с. 11). Поскольку его старший брат Иракий умер молодым, именно Лев с малых лет стал первым помощником отца в его многотрудной политической деятельности, основным содержанием которой вплоть до 1245 г. была борьба за овладение галицким столом, по праву принадлежавшим наследникам Романа Мстиславича.

Около 1240 г. Лев Данилович стал князем Перемышльским, начав собственную политическую карьеру (с. 12). Л.В. Войтович даёт краткий, но весьма информативный историко-географический очерк Перемышльщины (с. 14-18), отмечая её расположение на важном торговом пути из Киева в Европу, а также богатство солью, бывшей важным экспортным товаром. На территории Перемышльщины располагался крупный металлургический комплекс (с. 25). Всё это создавало благоприятные предпосылки для развития экономики региона.

Очень важными и заслуживающими серьёзного внимания мне представляются наблюдения Л.В. Войтовича о путях сложения княжеского домена в Перемышльской земле, которые, вероятно, можно экстраполировать в той или иной мере и на другие древнерусские земли. Историк показал, что формировался он преимущественно за счёт поселения на пустующих землях колонистов, согласившихся на определённых условиях стать княжескими крестьянами, и пленных из других регионов Руси и соседних стран. Об этом свидетельствует, в частности, топонимика – названия ряда сёл Перемышльщины образованы от этнонимов или названий земель (Дулебы, Лучане, Дреговичи, Киевец и т.д.) или этимологизируются из других языков (с. 20-25). Древнерусские князья достаточно широко практиковали департационные практики, что недооценивается в историографии. На мой взгляд, есть основания полагать, что первая в древнерусской истории депортация была проведена уже княгиней Ольгой, переселившей часть непокорных древлян в Новгородскую землю, где в результате этого переселения сформировалась собственная Деревская земля⁷.

Таким образом, княжеский домен формировался преимущественно не за счёт «окняжения» земель свободного крестьянства, что и неудивительно – в это время древнерусская сельская община ещё сохраняла силу и единство⁸. К сожалению, Л.В. Войтович не применил свои наблюдения относительно формирования княжеского домена к проблеме формирования боярского землевладения: последнее, по мнению учёного, формировалось на основе княжеских пожалований (с. 18, 41). Но возникает вопрос: если даже для себя князь не мог «закрепостить» крестьян, а вынужден был осваивать пустоши, то как он мог пожаловать землю с крестьянами боярину? На мой взгляд, противопоставлять пути становления княжеского и боярского землевладения нет оснований. И то и другое формировалось на первом этапе преимущественно за счёт освоения пустошей и лишь затем начало наступление на крестьянскую общину.

Доля частного землевладения в домонгольской Руси была ещё относительно невелика. По меткой характеристике И.Я. Фроянова,

княжеские и боярские земли «напоминали островки, затерявшиеся среди свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике той поры»⁹. В Северо-Восточной Руси, как показал Ю.Г. Алексеев, частное землевладение восторжествовало над крестьянской общиной только в XV-XVI вв.¹⁰ Даже с учётом того, что в Галицко-Волынской земле формирование феодального землевладения шло опережающими темпами по сравнению с северо-востоком Руси, едва ли можно говорить о его господстве в XIII в., что следует в том числе и из важной роли народного ополчения, состоявшего из всех свободных жителей Галичины и Волыни. Число этих свободных людей было ещё огромно, что позволяло собрать войско, составлявшее, по подсчётам Л.В. Войтовича, около 30 тысяч человек (с. 45). Сам учёный справедливо обращает внимание на то, что летопись отмечает важную роль ополченцев (с. 47-48).

Галицкая и Волынская земли пострадали от нашествия Батыя в несколько меньшей степени, чем Киевщина и Северо-Восточная Русь (с. 115), сохранили значительную часть своего потенциала, что, как казалось Даниилу, создавало благоприятные предпосылки для дальнейшей борьбы с ордынцами. Но для этого нужны были союзники. Уже в 1240 г. Даниил Галицкий попытался заключить антимонгольский союз с венгерским королём Белой IV, но безуспешно – Бела хотел посадить на галицкий стол своего ставленника, князя Ростислава Михайловича.

Решающее сражение состоялось в 1245 г. под Ярославом, в котором Лев Данилович командовал полком левой руки. Войска Ростислава и его союзников были разгромлены, Галичина окончательно закрепилась за Романовичами, что вынужден был признать и Бела IV. Последнее создало, наконец, почву для заключения союза между Венгрией и Галицко-Волынской Русью, который был скреплён браком Льва Даниловича и дочери Белы – Констанции, заключённым, скорее всего, в 1247 г. (с. 35). Их союз оказался счастливым, Констанция оставалась верной подругой и соратницей Льва Даниловича на протяжении почти всей его жизни (она умерла чуть раньше его – ок. 1287/1288 гг.). У них родились сын Юрий, ставший после смерти отца галицко-волынским князем (1301-1308), и четыре дочери (Святослава, Алёна, Анастасия и Мария), которые вышли замуж за князей соседних западных земель (с. 165-167). Укрепил этот брак и политическое положение Льва: мужа сестёр Констанции, польские князья, были в дальнейшем его верными союзниками.

Примерно в то же время (может быть, как раз в связи со своей женитьбой?) Лев получил от отца помимо Перемышля ещё и Белз. И вскоре на границе Белзской и Перемышльской земель он основал свою новую столицу – Львов, получившую, как и многие другие

древнерусские города, имя в честь князя-основателя. Л.В. Войтович вполне убедительно обосновывает положение, согласно которому таковым не мог быть Даниил Романович, а также то, что Львов был построен именно в 1240-1250-е гг., а не позже, как это иногда утверждается в историографии (с. 37-41). Но социально-политические причины основания новой столицы, на мой взгляд, исследователем раскрыты не в полной мере, так как он отмечает лишь важное стратегическое положение нового города (с. 37-38, 140).

Безусловно, выбирая место для новой столицы, князь подбирал удачно расположенный район, но *каковы были мотивы самого решения о переносе столицы?* Здесь надо вспомнить, что «перенос столицы» в Древней Руси был отнюдь не редкостью: так, Андрей Боголюбский перенёс столицу в незначительный до этого город Владимир, а отец Льва, князь Даниил Романович, перенёс её в основанный им Холм. Таким образом, сын в точности повторил действие своего отца.

Причины подобной любви князей к «переезду» на новое место состоят, на мой взгляд, в стремлении к укреплению своей власти. В «старых» городах были сильные городские общины с развитыми вечевыми традициями, сильное боярство. Из-под их «опеки» князья и стремились освободиться. В небольших, а тем более во вновь основанных городах не было ни сильных вечевых общин, ни сильного боярства, следовательно, там князья чувствовали себя гораздо свободнее и, более того, могли использовать эти «новые» города как свои опорные базы для борьбы с вечевыми общинами «старых» городов и, соответственно, укрепления своей власти над всей страной.

В этой связи нельзя не заметить, что в книге Л.В. Войтовича, к сожалению, осталась нерассмотренной проблема взаимоотношений Льва Даниловича с вечем Галича и других городов Юго-Западной Руси. Между тем вечевые традиции в домонгольской Руси имели огромную силу и значение¹¹, в т.ч. и в Юго-Западной Руси¹², борьба княжеской и вечевой властей составляла одну из важнейших страниц её социально-политической жизни¹³. Также, на мой взгляд, учёному следовало больше внимания уделить такому важному и интересному вопросу, как грамоты Льва Даниловича (с. 168)¹⁴.

Монгольское нашествие и угроза со стороны Венгрии и Польши побудили Даниила Романовича к проведению важных военных реформ, верным помощником в осуществлении которых стал его сын Лев (с. 41). Были внедрены новые типы брони, лучше защищавшей воина (причём теперь ею стали покрывать и боевых коней), созданы подразделения арбалетчиков, линейная пехота, способная проти-

востоять конным войскам монголов. Пехотинцы-ополченцы получали доспехи за счёт княжеской казны, а сами доспехи делались по монгольскому образцу и поэтому были относительно недорогими. Особое внимание было уделено развитию метательной артиллерии. Чтобы профинансировать все эти нововведения, Даниил приступил к интенсивному развитию соледобычи. Доходы от продажи соли позволяли пополнять казну (с. 41-50).

Укрепив свои военные силы и заручившись союзом с Венгрией и Польшей, Даниил Романович решил начать борьбу с Ордой. Князь коронуется королевской короной, что подчёркивает его высший статус суверена и независимого правителя, а также, возможно, претензии на власть над другими русскими землями (с. 51). Это было открытым вызовом монголам (с. 50).

С момента коронации Даниила Войтович в своей книге последовательно называет Галицко-Волынскую Русь «королевством Русь». На мой взгляд, так ее можно именовать с некоторой долей условности, чтобы подчеркнуть единство этого большого региона, ведь и Даниил впоследствии фактически отказался от королевского титула, и Лев официально не принимал его. Да и другие русские земли не признавали власть галицких правителей. Европейские государства имели дело в первую очередь с правителями Галицко-Волынской земли, другие же русские князья были фактически вне поля их зрения, что также следует учитывать, оценивая случаи именования галицких князей «королями» в европейских источниках. Да и словоупотребление в последних вовсе не отличалось чёткостью: сам Л.В. Войтович упоминает о Пражском договоре 1271 г., в котором Лев Данилович назван князем (duc), а не королём (с. 104).

Постепенно Лев Данилович мужал и превращался в талантливого политика и полководца, имевшего чёткое стратегическое видение задач, стоявших перед ним и его землёй. Дабы укрепить тылы на севере, он зимой 1253/1254 г. возглавил поход на ятвягов, затем привел к повиновению непокорных бояр, побывал с посольством в Венгрии, совершил поход в Болоховскую землю (с. 62-66).

И всё-таки, как показали последующие события, к войне с монголами Галицко-Волынское княжество оказалось не готово. Ордынский полководец Бурундай, сочетая умелую дипломатию и талант полководца, вывел из игры союзников Даниила Романовича, а его самого в 1259 г. вынудил бежать в Польшу, а затем в Венгрию. По требованию Бурундая укрепления важнейших городов были скрыты, и Галицко-Волынская земля стала беззащитна. В период отсутствия отца, до 1262 г., Лев Данилович фактически управлял его княжеством. Ему удалось заключить мир и наладить хорошие отношения с

монголами, в дальнейшем он долгие годы поддерживал прочный союз с ордынским полководцем Ногаем, улус которого располагался в Северном Причерноморье (с. 82-83).

Вернувшись, Даниил Романович был полон решимости возобновить борьбу с монголами, однако его сын Лев, лучше зная и более трезво оценивая обстановку, не разделял этих планов, считая победу над монголами невозможной, и начал прочно ориентироваться на союз с ними. Это привело к охлаждению отношений между отцом и сыном и к появлению негативных характеристик Льва в Галицко-Волынской летописи (с. 85-86), которые в дальнейшем усугубились в период его противостояния с братом Шварном и дядей Васильком.

Как видим, Лев Данилович стал проводить в Юго-Западной Руси примерно ту же политику, что и Александр Невский в Руси Северо-Восточной, - нацеленную на мир с монголами и постепенное возрождение Руси. Ныне со стороны ряда историков раздаётся резкая критика в адрес тех русских князей, которые были ориентированы не на борьбу, а на мирные отношения с монголами¹⁵. Войтович занимает более взвешенную позицию и, на мой взгляд, делает это совершенно справедливо: опыт показал, что сил для борьбы с Ордой русские земли в тот момент ещё не имели, пытавшиеся сопротивляться монголам Андрей Ярославич на северо-востоке Руси и Даниил Романович на её юго-востоке потерпели тяжёлые поражения. Продолжение борьбы могло только ещё больше обескровить Русь. В то же время признание власти монголов давало ей возможность постепенно восстановить свой потенциал, в т. ч. и для последующей борьбы со степными завоевателями.

Союз с улусом Ногаем позволил Льву Даниловичу укрепить своё княжество, войска Ногаем не раз оказывали ему помощь. Стабилизация ситуации в Причерноморье привела к росту торговли Галицко-Волынской земли с Византией и странами Востока (с. 106).

После смерти в 1264 г. (с. 88) Даниила Романовича Лев становится князем Галицким, после смерти в 1269 г. его дяди Василька Романовича и брата Шварна Даниловича – главным в клане Романовичей и верховным сюзереном Галицко-Волынской земли, а после смерти другого брата, Мстислава (после 1292 г.), и двоюродного брата Владимира (1289) – её единоличным правителем. Лев расширил границы своей державы на западе, присоединив ряд земель в Закарпатье (с. 138-142), и активно участвовал в политической жизни Центрально-Восточной Европы, вмешиваясь в борьбу за австрийские земли, польский трон и т.д. (с. 131-138, 142-144, 150-157). Хотя нельзя сказать, что эти его действия были особенно успешны,

они показывали, что Галицко-Волынская Русь является важным политическим игроком на востоке Европы, без ее участия не мог решиться ни один значимый вопрос в регионе. При этом важно отметить, что Л.В. Войтович за счёт привлечения малоизвестных в нашей историографии европейских источников существенно уточнил и дополнил представления о роли Льва Даниловича в восточноевропейской политике того времени. Именно соответствующие разделы книги характеризуются наибольшей насыщенностью вводимых в научный оборот новых фактов и уточнением уже известных.

При поддержке Ногай князю в конце XIII в. удалось также установить контроль над Киевом, восстановив державу Романа Мстиславича (с. 158-159). Правда, в итоге этот многолетний союз обернулся для Льва катастрофой: хан Тохта решил покончить с существованием фактически независимой орды Ногай и в 1300 г. разгромил его армию. Чтобы избежать разорения своей земли, Лев решил удалиться в монастырь, передав власть сыну Юрию. Такое объяснение внезапного добровольного отрешения князя, находившегося у власти много лет, от этой самой власти, обоснованное Войтовичем (с. 162 и сл.), кажется мне вполне убедительным. И в этом эпизоде Лев Данилович предстает глубоким патриотом своей земли и защитником своего народа. В монастыре князь и умер (ок. 1300-1301 гг.).

Сыну Юрию Лев оставил большую единую и сильную процветающую страну, игравшую видную роль в жизни Руси и Центральной Европы. Показателем верности стратегического курса, избранного Львом Даниловичем, является то, что его сын смог восстановить свой королевский титул и добиться создания отдельной Галицкой митрополии. Это были зримые проявления резкого усиления Галицко-Волынской Руси, для которого всю свою жизнь трудился Лев Данилович. Поэтому отход Л.В. Войтовича от традиционных стереотипов восприятия этого князя, его, так сказать, историческая реабилитация, видится мне совершенно справедливой.

Разумеется, идеальным человеком Лев не был. Сын своего сложного и жестокого века, в борьбе за власть он действовал так, как и все его современники, например, пытался помешать своему младшему брату Шварну занять литовский престол, так как это могло дать тому силы для борьбы за контроль над всей Галицко-Волынской землёй. Но в то время подобное в отношениях между князьями было обыденностью. Прямых военных действий с другими Романовичами Лев не вёл, никаких поступков, за которые его можно было бы однозначно осудить с моральной точки зрения, не совершал. Войтович вполне убедительно показал, что убийство им литовского князя-монаха Войшелка в 1267 г. было не следствием заговора, а

неудачным стечением обстоятельств – эта смерть ничего не давала Льву в политическом плане (с. 95-102).

В небольшой рецензии нет возможности подобно рассмотреть все аспекты книги Л.В. Войтовича, все выдвинутые им идеи, равно как и детально проследить жизненный и политический путь Льва Даниловича. Всем, кого заинтересовала эта интереснейшая личность и бурные перипетии истории Юго-Западной Руси второй половины XIII в., я советую прочесть замечательную книгу украинского историка.

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: *Котляр М.Ф.* Галицько-Волинська Русь. К., 1998; *Майоров А.В.* Галицко-Волинская Русь: очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; *Его же.* Русь, Византия и Западная Европа: из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв. СПб., 2011.

2. *Журавель А.В.* «Аки молния в день дождя». Кн. 1. Куликовская битва и её след в истории. М., 2010. С. 221.

3. *Седов В.В.* Древнерусская народность. М., 1999. С. 222.

4. *Войтович Л.В.* Де була столиця Лева Даниловича? (Джерелознавчий аспект проблеми) // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. 1. Київ–Львів, 2004. С.712–720; *Его же.* Військове мистецтво Галицько-Волинської держави: князь Лев Данилович // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». № 502. Держава та армія. 2004. С. 13–18; *Его же.* Штрихи до портрету князя Лева Даниловича // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 5. Київ, 2005. С.143–156; *Его же.* Реформи армії князями Данилом Романовичем та Левом Даниловичем у середині XIII ст. // Вісник національного університету «Львівська політехніка». № 571. Держава та армія. Львів, 2006. С. 89–93; *Его же.* Князь Лев Данилович – полководець і політик // Confraternitas. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 15. Львів, 2006-2007. С. 115–124; *Его же.* Улус Ногая і Галицько-Волинське князівство // Україна – Монголія: 800 років у контексті історії. Київ, 2008. С.71–78; *Его же.* Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 289–318, 326–341.

5. *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 171.

6. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 301-302.

7. *Жих М.И.* Реформа княгини Ольги как попытка централизации Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / сост. В.Ф. Андреев. Великий Новгород, 2013. С. 35.

8. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. С. 146-194.
9. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 294.
10. Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
11. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. СПб., 2001. С. 624-657.
12. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь.
13. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 531-575.
14. Пашин С.С. Червонорусские акты XIV-XV вв. и грамоты князя Льва Даниловича. Тюмень, 1996.
15. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV века). М., 2001. С. 207-228; Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». С. 219-234.

References

1. Kotlyar M.F. Galits'ko-Volins'ka Rus'. K., 1998; Maiorov A.V. Galitsko-Volynskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina. SPb., 2001; Ego je. Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa: Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazey XII-XIII vv. SPb., 2011.
2. Zhuravel' A.V. «Aki molnia v den' dozhdy». Kniga 1. Kulikovskaya bitva i ee sled v istorii. M., 2010. S. 221.
3. Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. M., 1999. S. 222.
4. Voytovich L.V. De bula stolitsya Leva Danilovicha? (Dzhereloznavchiiy aspekt problemi) // Do dzherel. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu Olega Kupchins'kogo z nagodi yogo 70-richchya. T. 1. Kiiv-L'viv, 2004. S.712-720; Ego je. Viys'kove mistetstvo Galits'ko-Volins'koï derzhavi: knyaz' Lev Danilovich // Visnik Natsional'nogo universitetu «L'vivs'ka politekhnika». № 502. Derzhava ta armiya. 2004. S. 13-18; Ego je. Shtrikhi do portretu knyazya Leva Danilovicha // Ukraïna v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kh. VIII st.). Vip. 5. Kiiv, 2005. S.143-156; Ego je. Reformi armii knyazyami Danilom Romanovichem ta Levom Danilovichem u seredini XIII st. // Visnik natsional'nogo universitetu «L'vivs'ka politekhnika». № 571. Derzhava ta armiya. L'viv, 2006. S. 89-93; Ego je. Knyaz' Lev Danilovich – polkovodets' i politik // Confraternitas. Yuvileyniy zbirnik na poshanu Yaroslava Isaevicha / Ukraïna: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'. Vip. 15. L'viv, 2006-2007. S. 115-124; Ego je. Ulus Nogaya i Galits'koVolins'ke knyazivstvo // Ukraïna – Mongoliya: 800 rokiv u konteksti istorii. Kiiv, 2008. S.71-78; Ego je. Galits'ko-Volins'ki etyudi. Bila Tserkva, 2011. S. 289-318, 326-341.
5. Danilova L.V. Sel'skaya obshchina v srednevekovoï Rusi. M., 1994. S. 171.

6. *Trubachev O.N.* Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya. M., 2002. S. 301-302.

7. *Zhikh M.I.* Reforma knyagini Ol'gi kak popytka tsentralizatsii Rusi // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli: materialy nauchnoy konferentsii 17-18 noyabrya 2011 g. / sost. V.F. Andreev. Velikiy Novgorod, 2013. S. 35.

8. *Danilova L.V.* Sel'skaya obshchina v srednevekovoy Rusi. S. 146-194.

9. *Froyanov I.Ya.* Kievskaya Rus': Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya. SPb., 1999. S. 294.

10. *Alekseev Yu.G.* Agrarnaya i sotsial'naya istoriya Severo-Vostochnoy Rusi XV-XVI vv. Pereyaslavskiy uезд. M.; L., 1966.

11. *Froyanov I.Ya.* Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii // Froyanov I.Ya. Nachala russkoy istorii. Izbrannoe. SPb., 2001. S. 624-657.

12. *Maiorov A.V.* Galitsko-Volynskaya Rus'.

13. *Froyanov I.Ya.* Drevnyaya Rus'. Opyt issledovaniya istorii sotsial'noy i politicheskoy bor'by. M.; SPb., 1995. S. 531-575.

14. *Pashin S.S.* Chervonorusskie akty XIV-XV vv. i gramoty knyazya L'va Danilovicha. Tyumen', 1996.

15. *Danilevskiy I.N.* Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII-XIV veka). M., 2001. S. 207-228; Zhuravel' A.V. «Aki molnia v den' dozhdy». S. 219-234.

Жих Максим Иванович - аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

e-mail: max-mors@mail.ru

Zhikh Maksim - Graduate Student of the Historical Faculty of the St. Petersburg State University

e-mail: max-mors@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2013, № 3 (33)

Кишинев

Республиканская общественная ассоциация «Русь», 2013.
- 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»

MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,

ул. М. Когэлничану, 24/1.

Телефон / факс: (373 22) 28-75-59.

E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:
<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 15.11.2013. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 850 экз.

Заказ 335.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.
При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2013 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир»

СТАРЫЙ ВОПРОС

Валерий БРЮСОВ

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнёмся спокойно и тесно.

Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы - тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?

Иль мы - тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы - тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?

Да, так, мы - славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

И что же! Священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

30 июля 1914 г.

Источник: Брюсов. В. Стихотворения, лирические поэмы. М.: Московский рабочий, 1979.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924) - русский поэт, основоположник русского символизма, прозаик, драматург и критик. В 1894-1895 гг. подготовил и издал три сборника «Русские символисты», где поместил преимущественно свои собственные оригинальные и переводные стихотворения. В 1899 г. Брюсов стал одним из организаторов издательства «Скорпион», в 1900 г. издал книгу «Третья стража». После Октябрьской революции занимался общественно-педагогической деятельностью.

